

Нина Мокринская

МОЯ ЖИЗНЬ

КНИГА ВТОРАЯ

Нина Мокринская

МОЯ ЖИЗНЬ

ВОСПОМИНАНИЯ

КНИГА ВТОРАЯ

1995

Нина Мокринская

МОЯ ЖИЗНЬ
Воспоминания
Книга вторая

Copyright (c) 1995 by Nina Morkinskaia

На обложке: Нина Мокринская на прогулке за Сунгари
(Фото А. Упшинского — «Вятыча»)

Manufactured by Hermitage Publishers
P.O. Box 410
Tenafly, N.J. 07670, U.S.A.

Первую книгу воспоминаний

НИНЫ МОКРИНСКОЙ

можно заказать, написав по адресу:

Mme André Fouchier
Résidence du Rond-Point Bat. A
38, ave. Daniel Hedde
17200 Royan
FRANCE

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот пассаж хотелось бы поместить в конце первой книги, но новость пришла слишком поздно. И все же, чтобы читатель сделал свои выводы, вставляю его здесь.

Уже проживая в Казахстане, незадолго до смерти, мама позвала Тамару и рассказала ей следующее:

После брака с дядей Сашей, заканчивая свой контракт, она работала еще какое-то время в больнице. Туда зашел инвалид (царского времени), разговорился с мамой и сказал:

— В нашем доме инвалидов лежит один генерал — Мокринский!..

Услышав это, мама побежала туда без промедления. Она увидела и узнала... Папа — жалкий, постаревший, худой, от колен без ног, лежал «чурбашком» на кровати. Маму он не узнал — совсем потерял память...

Надо же было исколесить всю Сибирь и потом найти папу здесь — совсем рядом. О разводе не было и речи, а секрет мама утаила. Нас с сестрой не повела в инвалидный дом, хотела, чтобы в памяти у нас остался красивый, бравый офицер, как на фотографии. Увиденное так подействовало на маму, что с этого момента она стала «чудить» — все деньги относить в дом инвалидов и другие благотворительные организации. Теперь стала понятна ее сумасшедшая траты денег и безразличие к нам и дому.

Историю, услышанную от мамы, сестра потом рассказала своей дочери — Маринке. Та почему-то думала, что мы в курсе дела, и не нашла нужным возвращаться к прошлому. И так, до последнего момента, мы правды не знали и продолжали жить и страдать в неведении до самого конца.

Когда мама раскрыла свой секрет, мы все уже жили каждый своей жизнью. Теперь всё зависит от читателя: поверит он или нет маминому рассказу. А кто поверит — опять причислит ее к героям!

Что касается меня — я верю. Обидно только, что в других книгах я так маму осуждала, не зная истинной правды!

Перед тем как описывать дальше приключения моей жизни в Харбине, прошу читателя набраться терпения. Я не могу их «проскочить», а то продолжение будет непонятным.

МАЙ (32)

Началась оседлая харбинская жизнь. И ничего я сама нарочно не придумываю, чтобы сделать дневник интересней. Надо пройти и этот период. И тут сама жизнь временами подкладывает неожиданные сюрпризы, шуточки и драмы. Я ожидаю и мечтаю, что вот-вот, не сегодня так завтра, произойдет большая перемена. И только этим и живу!

В данный момент наш дорогой Харбин — почти родной! — и большая часть Маньчжурии страдают под оккупацией японцев. Ими установлено новое правительство: Мань-чжу-ди-гô! На трон посажен марионеточный император Пу-И, наследник грозной императрицы Тзей-Хи. Ей удалось посадить на трон своего сына в трехлетнем возрасте. Теперь он царствует «запертно-тюремно», под строгим наблюдением.

Когда Пу-И был подростком, его воспитывал шотландец Реджинальд Джонсон. Последний получил образование в колледже Оксфорда. Император, под влиянием европейской культуры, зачитывался книгами на английском языке. Его любимой книгой оказалась детская — «Алиса в стране чудес». Мы, русская молодежь, не сразу заметили политические перемены. Японцы действовали дипломатично, не торопясь. Казалось, что Харбин продолжал жить спокойной жизнью. Однако иногда до нас доходили слухи, что в провинциях китайские партизаны нападают на железнодорожные станции, ожесточенно отстаивают свою родину. Немало среди них и молодых русских. Есть жертвы как с той, так и с другой стороны.

Что же точно значат слова: Харбин и Сунгари? Версий много, и вот одна из них: известный русский синолог, господин Пермяков, утверждает, что Харбин — слово тунгуское и означает «переправа», а Сунгари — слово маньчжурское и означает «место для сушки сетей». Существуют и другие версии, и какая из них ближе к правде — разобраться трудно.

Как я уже писала в конце моей первой книги, мы были обязаны переехать. Новая квартира оказалась недалеко, и мы стали на руках переносить вещи и разобранную по частям мебель... Квартира приличная, вместительная. Хозяева симпатичные. Помог бы Бог удержаться здесь подольше. Погода изумительная, так хотелось бы отдохнуть, погулять, но об этом надо забыть: так «натаскались» за день, что к вечеру на ногах не стоим. После легкого ужина рано бросились на постель и сразу же заснули.

В один из вечеров на новой квартире попалась мне в руки газета «Рупор», в которой была «юношеская страничка» и в ней — конкурс для юных читателей написать стихотворение на заданные рифмы. Я загорелась — куда и сон пропал! Как раз для меня: я такая охотница на всякие состязания и конкурсы — мой характер. Сестра заразилась моим возбуждением и тоже «завелась». Вместе мы придумали

моим возбуждением и тоже «завелась». Вместе мы придумали псевдонимы: я — «Нина М.», а она — «Царица Тамара». Сочинять стих будем самостоятельно — каждая свой. Оказывается, эта страничка давно существовала в газете, а мы ничего не знали: денег на газету не было, вот и все.

Теперь представляется случай познакомиться со всеми юными писателями и поэтами этой среды. Виктор Т., Снегурочка, Дядя редак, Тетя Розга, Юрка, Вятич и многие другие. С «Вятичем» (Аркадий Упшинский) я много раз встречалась потом.

Как было обещано, в газете появились рифмы, и мы с сестрой, каждая в своем углу засели писать. А на следующий день, каждая по отдельности, отослали стихи в редакцию. Вечером я помолилась за свой стих, ведь это было мое первое серьезное «дерзание».

Через неделю стихи были помещены в газете, и читатели стали голосовать...

А на самый праздник Святой Пасхи — потрясающе — приятный сюрприз: «Нина М. — королева юных поэтов! Ура, ура! Я выиграла конкурс и, казалось, — умру от счастья!

Спустя много, много лет известный поэт Валерий Перелешин (Салатко-Петрище) в своей статье написал так: «Причем Несмелов (редактор "Рупора") премировал Ниночку не столько за стихи, сколько за милое личико и приятный нрав...» Абсолютная ложь возмутила меня. Редактора я до этого времени не видела и не знала, а первенство определяла читающая публика голосованием.

Я была так счастлива, что три раза перечитала газету. К вечеру пришла Надя, поздравила меня, и мы долго беседовали, перебирая в сотый раз странички тетрадей, в которые вклеили газетные фотографии американских кинозвезд. Мы с подружкой давно выросли, а «звездами» продолжали увлекаться.

Еще позже пришел господин Макаров, крестный отец нашей Танюши, — вроде как на новоселье. А чем его угощать? Называет меня «кумой» — ведь я крестная мать нашей Танюши.

На следующее утро выбиваю я коврик во дворе, и прямо ко мне с улицы подошел знакомый «молодняк» Виктор Т. и элегантным жестом протянул мне два билета на картину «Неврастеник». Скромный мальчик, не навязывался идти вместе. Мне этот подход понравился, и я отблагодарила его широкой улыбкой.

Работа в доме еще не закончена, и все же симпатичные хозяйские дети после обеда утащили меня прогуляться к Чурину. Веселой гурьбой выкатились за калитку и пошли пешком. Харбинская молодежь привыкла много ходить пешком — проезд стоит дорого. После нескольких кварталов я заметила небольшую лягушку, высокочившую из какого-то двора. Глупая — направлялась в сторону дороги.

«Будешь раздавлена!» — почти вслух подумала я.

Поймала и затолкала в глубокий карман своего платья. Компания посмотрела на меня брезгливо, а мне наплевать — делаю

всегда то, что мне кажется справедливым. Весело болтая, доплелись до Чурина. Ранний вечер изумителен, а около магазина уже полно русской публики. Пожилые приходят рано и занимают все скамейки. Нам — уставшим — удалось все же кое-как втиснуться. Старичку, сидящему на самом кончике скамейки, не понравилось мое вторжение. Окинув меня недовольным взглядом, он демонстративно поднялся и покинул скамейку. Я радостно распрямилась и заняла освободившееся место.

Однако не надолго: откуда-то появился самоуверенный, фасонистый кавалер — Павлик. Сразу же подошел ко мне и, стиснув, занял место старичка. Развязно поздоровавшись, принял «засыпать» комплиментами. При этом руки его расхлябанно «порхали», присаживаясь мне то на плечо, то на колени. Я по натуре страшно застенчива и не решаюсь ни накричать, ни остановить. Я только краснела и сжималась. А он нагло продолжал давать волю рукам.

И вдруг его ладонь легла на карман моего платья, где спокойно дремала лягушка.

Потревоженная, она пошевелилась и подпрыгнула!..

Вместе с ней испуганно подпрыгнул ничего не понимающий наглый кавалер! Как ошпаренный соскочил он со скамейки и вопросительно уставился на меня. Лягушка тем временем выбралась из кармана, свалилась с колен, упала под скамейку и скрылась в кустарнике. Мы от души посмеялись, а нахальный кавалер потерял лицо.

Когда собрались уходить, бесцеремонный Павлик, несмотря на происшедшее, прицепился нас провожать. По дороге присоединилась к нам группа «стареньких», то есть молодых людей старше двадцати двух лет. У всех у них был уже какой-то жизненный опыт, поэтому разговор сразу же начался на самую актуальную тему — Любовь!

Тема интересная, я прислушивалась. Первой высказалась Тася:

- Любовь — значит страдать, переживать и грустить...
- Ничего подобного, — возразил Сережа. — Совсем наоборот: радость, тепло, приятное ожидание и надежда.

Другие тоже высказались, и все — в таком же духе. А я подумала: вот и «старенькие», и «с опытом», а болтают чепуху. Ведь каждый индивидуум переживает любовь по-своему. И складывается-то она по разному для каждого. И глупо делать какие-то односторонние выводы.

Павлик шел около меня, ничего не говорил, но был заметно недоволен компанией. В группе он не решался давать свободный «ход» своим греховным пополнениям. Прощаясь у дома, он все же умудрился шепнуть:

— Послезавтра, в шесть, возле синима «Ориант»...

Павлик — красивый и мне нравится, но на свидание я не пошла. Уж очень пугает он меня своими нескромными прикосновениями. Только вообразить — сидеть с ним рядом в темном кино!.. А вот билеты на «Неврастеника», которые дал мне Виктор, мы с Надей с удовольствием «употребили» и приятно провели время.

В кино мы встретили группу студентов из Русско-Китайского университета «Гуань-Хуа», с которыми как-то познакомились на балу. Студенты вызвались нас проводить, и это нам польстило. Что оказалось странным и любопытным: разговор с нами их не очень-то интересовал. Разговаривали они все больше между собой, и не о виденной только что картине, а вспоминали какие-то американские. Восхищались богатой постановкой, хорошей игрой артистов, туалетами, внешностью героев и, в особенности, ножками какой-то артистки. Ах, какие у нее стройные ножки! Несколько раз возвращались с восхищением к этим стройным ножкам...

А мне до этого момента и в голову не приходило, что ноги женщины играют такую важную роль. В особенности в глазах мужчин!..

Вернувшись домой, первым делом стала рассматривать свои ноги и, к большому огорчению, заметила, что мои-то далеко не стройные, а одна даже здорово «колесит». Мои тонкие, слабые ноги — определенно результат нашего недоедания, худосочного детства. Рахит...

Какое огромное разочарование!.. Я в панике. Что делать?! А как это важно для балета — моих танцев! Никогда не слышала о докторах — специалистах по выпрямлению ног. А если и существует такой специалист, определенно берет астрономические деньги. Где их взять? Ворошаюсь в кровати, заснуть не могу, ведь вся моя карьера, вся жизнь зависит от «стройных ножек»! Весь дом спит. Танечка — в одной комнате со мной. Хорошо, что у детей крепкий сон. А я все ворочаюсь и думаю...

Наконец, осенила меня блестящая идея. Задуманное надо выполнять в секрете даже от своих. Ведь Тамара первая может разболтать. Тихонечко спускаюсь с кровати, не зажигая электричества, ощупью, добираюсь до коридора. Плотно закрыла за собой дверь и только потом включила лампу. Здесь стоит сундук со старым бараклом. Открыла его и стала рыться. Какого старья в нем только нет! Надо бы давно было выбросить, а вот сейчас — как нельзя к лучшему, все пригодится. Старую изодранную простыню разорвала широкими бинтами, взяла большой комок старой серой ваты и тихонечко вернулась на свою кровать. Татьянка спит. Ощупью из ваты сделала две небольших подушечки, вложила их между колен и щиколоток и «бинтом», по икрам, стала плотно притягивать одну ногу к другой. Очень больно и неудобно — переборщила на первый раз. Перевязала все снова — послабее. Буду делать постепенно, затягивая туже с каждым разом. Так надеюсь, что кости еще не загрубели и поддадутся. Терпение у меня ворох — посмотрим, какой будет результат. Другого выхода не вижу.

Первая ночь была самой мучительной — я не отступилась. И теперь каждую ночь, настойчиво и терпеливо, продолжаю свою «операцию». А что меня пугает больше всего: вдруг в доме пожар? Как я побегу со связанными ногами?

Много заказов на абажуры. Работаю не покладая рук, никуда не хожу. Единственный выход: выучить японский язык и устроиться на работу к ним же. Без этого не проживешь и не накопишь на отъезд. А пока целыми днями хожу по городу, унижаюсь, ищу работу и каждый раз возвращаюсь безрезультатно. Когда ложусь спать, стучит в висках. Мозги шевелятся, затягиваясь узелками. Стараюсь себя загипнотизировать, успокоить. Если сдаться этой безнадежности, можно свихнуться! А ведь жизнь-то в самом начале. После неимоверных усилий, наконец, засыпаю.

А утром все радостно – по-другому. Выглянуло солнышко – у меня randevu с редакцией газеты «Рупор», для получения «королевского» жетона. Прихорашиваюсь как никогда и очень волнуюсь.

Встретил меня сам – «Дядя Редак», талантливый поэт и писатель, Арсений Иванович Несмелов. До этого я его не знала, а только слышала лестные отзывы. Приветливо встретил, крепко пожал руку, поздравил и познакомил с остальными члеами «Юнчита». Последние встретили меня триумфально: туш на губных гармошках и аплодисменты. Арсений Иванович произнес речь и вручил жетон. Я так счастлива, что внутри все трепещет. Кое-как, запинаясь, отблагодарила и «Редак», и всех присутствующих.

Взять «интервью» поручили «Вятичу» (Аркадий Упшинский). Казалось, это поручение ему очень понравилось, потому что он сразу предложил проводить до дома. По дороге домой, несмотря на присутствие «Вятича», я не удержалась – открыла синий футляр и внимательно разглядела лицевую сторону серебряного жетона. Выгравировано: «Королеве юных поэтов Харбина – Нине М.». Левую сторону не посмотрела, застеснялась пристального взгляда «Вятича». Подумала: «Потом спокойно посмотрю, дома». Уложила жетон в футляр, а футляр – в сумочку.

Путь длинный, но мы привыкли к ходьбе, а у кавалера определенно не было денег нанять такси. За болтовней путь незаметно был пройден, а недалеко от дома «Вятич» вдруг попросил у меня жетон – посмотреть. Мне это было неприятно, но я не хотела показать виду («вот, мол, вцепилась!») и я ему протянула жетон. Довольный, разглядывая его, он сказал:

— К нему надо приближаться не иначе как с молитвой! – Потом вздохнул и прибавил: – Ах, хотя бы один день поносить его на груди!

После этих слов он вернулся мне футляр и заторопился.

— Время идет, приступим к интервью.

Я машинально засунула футляр в сумку и стала переживать. О чем он будет меня спрашивать? Ведь в литературе я ничего не понимаю. Какойстыд!

— Как вы себя чувствуете после выборов? Что думаете делать в будущем? Какие ваши любимые писатели и поэты? – засыпал он меня вопросами.

— Результаты выборов меня очень порадовали. О будущем?.. В наше время ничего предвидеть нельзя. Как сложится судьба... А пока вся надежда на Бога.

Насчет писателей и поэтов оригинальничать не пришлось. Перечислила известных классиков: ну, конечно, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Маяковский — других вспомнить не могла.

— Послушайте, «Вятич», уже поздно, и я устала, продолжим в другой раз.

Ему этот «другой раз» понравился, и он меня отпустил. А мне хотелось поскорее похвастать своим жетоном дома. Прощаясь, «Вятич» сказал:

— А я, может быть, успею на «Чураевку».*

Я весело ворвалась в дом.

— Подходите, покажу жетон! — торопила я.

Все были дома и быстро меня окружили. Я с гордостью вытащила и открыла футляр...

Он был пуст!

Вокруг меня смех и вопросы. Я покраснела, как рак, стараясь объяснить, что произошло и что «Вятич» оказался такой жестокой, отрицательной личностью. В день моего счастья — так обидеть! Вдруг вспомнила, что «Вятич» сказал: «Вечером пойду в Чураевку».

Медлить было нельзя.

После горячего чая и небольшого отдыха я прифрантилась и пошла. Пошла одна, ничего не зная — будь что будет. Около «Желсбоя» встретила поэтов: Мишу Волина, Сергея С., Володю Померанцева и очень талантливого молодого поэта Георгия Гранина. С Володей Померанцевым как-то познакомила меня сестра, и сейчас он представил мне остальных. Юра Гранин обратился ко мне:

— В первый раз идете в Чураевку?

Я утвердительно кивнула головой.

— Ну, тогда будете моей приглашенной, — вежливо предложил он. И уже в здании перезнакомил меня со всеми остальными поэтами. Обратил на себя внимание высокий, блондинистый, с женственными чертами лица критик, Петр Петрович Лапикен. С женскими ужимками, с наигранным визгливым голоском, он первыми же несколькими фразами ясно показал, что человек он злой и ехидный. А около него крутится и, подражая, поддакивает поэт и писатель огромного таланта — Валерий Перелешин (Салатко-Петрище). Внешности он был невзрачной, но все же обидно за него: зачем он, будучи сам человеком незаурядным, липнет к Лапикену?

Потом я имела удовольствие познакомиться с братом Валерия, поэтом Виктором. Он — полная противоположность брату: приятной внешности, добрый, симпатичный. И еще неожиданная удача —

* «Чураевка» — литературные собрания харбинской молодежи.

познакомилась с такими «великими светилами» как Алексей Ачайр, Николай Цеголов, Николай Петерец, Николай Светлов, Сергей Сергин, Владимир Слободчиков, Лидия Хайндрова, Виктория Янковская и многие другие, имена которых сразу не запомнила. А вот с красивой брюнеткой с синими глазами — поэтессой Ларисой Андерсен — меня никто не познакомил. В то же время я видела, как она дружелюбно разговаривала с моей сестрой. И этой красавицей я восхищалась больше всего и в глубине души — завидовала. (Позже, на протяжении многих лет, до самой старости, судьба нас причудливо сталкивала.)

В этой толпе я тщетно разыскивала «Вятыча». Он пришел к самому концу. Заметила его в дверях, но так как кто-то декламировал, не решилась двинуться. Наконец улучила момент, подошла и сердито выразила ему свое негодование, а с него — как с гуся вода. Уже, определенно, подготовился к такой встрече. Передавая мне жетон, сказал, надувшись:

— Какая обида, мне так хотелось походить с ним еще несколько дней.

Узнала подробнее о Чураевке. Это литературное объединение, оно собирается здесь по вторникам, раз в неделю. Поэты и писатели Харбина охотно приходят, их много. Их так много, что можно подумать, будто Харбин нарочно собрал все талантливые силы русских эмигрантов. Собираются поэты в здании Христианского Союза Молодых Людей (Х.С.М.Л.). В одном из классов читают стихи или прозу, а затем другие их критiquют или хвалят.

Я в восторге от всего. Вот, наконец-то, время не потеряно. Мне стыдно за себя: я не решаюсь открыть рот — такой профан! Сколько надо работать и учиться, чтобы приблизиться к этому миру. Теперь решила аккуратно посещать «Чураевку» и впитывать всё возможное, что будет в моих силах и полезно для «извилин» моего мозга.

Валерий Перелешин прочел свой короткий, но удачный стих, который мне так понравился, что, возвращаясь домой, я припоминала и повторяла некоторые строфы. Валерий — определенно самый сильный и талантливый поэт. Становится обидно за него — зачем унижается перед Лагиленом? Больно смотреть, как он бегает вокруг, точно маленькая преданная собачушка, и во всем поддакивает.

ИЮНЬ (32)

Хожу по вторникам на «Чураевку». Как завороженная вслушиваюсь во всё. Так обидно, что с моей недалекостью не все понимают, не все доходит до «центра».

Наконец-то выделила время для Нади. Прошлись у Чурина и встретили Сережу В., который нам сообщил, что на днях уезжает в Шанхай. И этот тоже! Уже сколько знакомых и приятелей туда уехало. Некоторые устроились во французскую армию, другие нанялись как телохранители к богатым китайцам. Как я их понимаю — не умирать же здесь с голоду, без работы, под захватчиками. А как там устраиваются девушки, мне не совсем ясно.

В Маньчжурии жизни нет ни для кого. Даже хунхузы* дошли до предела: их шайки проникают в центр города и захватывают в заложники кого придется — даже совсем небогатых людей. Группы китайских партизан-националистов часто вступают в схватки с японцами, которые заканчиваются большим кровопролитием, потерями с обеих сторон.

Все дни с утра до вечера усердно работаю, выпиливаю абажуры или рисую подушки и картины — только бы к вечеру чураевского вторника быть свободной. К таким вечерам усердно прихорашиваюсь.

Так и сегодня. Солнце закатилось, а на дворе тепло. Даже не верится, что только июнь месяц. Одета я легко и так же легко себя чувствую. Подхожу к зданию Х.С.М.Л. — еще рано. Группа поэтов беседует у входа. Немного дальше, около забора, различаю еще троих. Не стоять же мне одной на улице. Быстро прохожу мимо, стараясь не глядеть, и все же показалось, что два из трех были совсем мне незнакомы. Никогда их не видела и не встречала.

Так как Чураевка проходит в одном из пустых классов, я заняла одну парту и задумалась. Думала о трех встречаенных у входа. Теперь совсем уверилась, что того высокого, интересного блондина я никогда не встречала. А что если они смотрели мне вслед, когда я прошла, и заметили мою кривую ногу? Да нет же, нет! Я недавно сама убедилась, что нога совсем выровнялась, успокаивала я себя.

Постепенно класс начал заполняться, и вот уже все места заняты. Началось декламирование стихов, а затем выступил на удивление оригинальный и талантливый писатель, который написал длинный, интересный рассказ, все слова которого начинались буквой «П!» Моему восхищению не было предела. Обидно, что его имени я не запомнила.

Кто-то подошел ко мне и заговорил — я очнулась. Это был поэт Володя Померанцев, с которым кто-то и как-то нас познакомил. В группе он был третьим. Низко нагнувшись, он почти шепотом

* Хунхузы — китайские бандиты, занимавшиеся главным образом захватом богатых людей, за которых они требовали выкуп у родственников.

сообщил, что Тамара ждет меня на улице и собирается что-то сообщить. Я удивилась — почему же на улице? — но все же встала и тихо последовала за Володей. На лестнице Володя вынул откуда-то красный георгин и, подавая его мне, сказал:

— Это для вас, от моего друга, Коли З., который выражает желание с вами познакомиться!

Вот и «фунт изюму»! Никакой Тамары не оказалось — все выдумка. Я не обиделась, хотелось знать, что будет дальше. К нам подошли два интересных и хорошо одетых поэта, те самые, которых я не решалась разглядеть внимательней. Они показались мне такими недоступными — полная противоположность «шантропе», которая мне до сих пор встречалась! Минуту я стояла в смущении, но сразу же «взяла себя в руки».

Володя нас представил. Володя Ж., чуточку рыжеватый блондин, был довольно интересным. Второй, Коля З., который послал мне георгин, понравился мне больше всего. Он тоже был блондин, но с карими глазами. Кавалеры непринужденно завели интересный разговор, а меня взяла злость: почему я так много времени тратила на ничего не стоющую шантропу? Разговор и знакомство были такими интересными, что про Чураевку я забыла...

Оба Володи быстро поняли, что они лишние, — и прислушивались только к словам Коли. Они попрощались и оставили нас. Коля пригласил меня погулять около здания. Мы долго гуляли. Вечер был приветливо-теплый, разговор захватывал и становился все более интересным, а сам Коля начинал мне нравится. Домой вернулась поздно.

Коля назначил мне свидание, и мы стали встречаться почти каждый день. С этого и началось... А бедная Надя осталась забытой. И вот закружила я в этом любовном угларе и совсем выпустила из виду, что это совсем не входит в мою точно разлинованную жизненную программу. Ведь по моим планам и кавалер должен был быть не блондин, а брюнет с синими глазами. Но все забылось, и времени у меня ни на что не хватает — ни на работу, ни для записей в дневнике!

Коля попросил, чтобы я называла его Кокой, как называет его семья и все близкие. Несмотря на то что обращение «Кока» мне не нравилось, я согласилась и теперь зову его только так.

Сегодня гуляем около Чурина, и вдруг замечаю, как Кока весь съежился и застеснялся. Мимо прошла Лида — девушка, за которой он ухаживал до меня. Я знала ее на расстоянии, они были почти нашими соседями, когда жили на Почтовой улице. Я была еще маленькой, да и она тоже. Видя Кокину неловкость, я посмотрела на него вопросительно. Он мне рассказал, что вчера встретил Лиду с подругой, Лелей К. Лида пригласила его к себе на вечеринку, и Кока спросил, можно ли ему придти со мной. В ответ Лида дала ему пощечину!

Вот как здорово. Какой герой, какой молодец! Я его поздравила, а он, окрыленный моей похвалой, продолжал свой рассказ. Не раз

приходил он к Лиде на чашку чая. Как всегда, радостно и приветливо встречала его Лидина мама и, мило улыбаясь, говорила:

— У моей Лидочки миловидное лицо, а зато фигурка — изумительная.

И когда Лида нагибалась над чашками, разливая чай, ее глубокое декольте его смущало. Ха, ха, ха — мне было смешно.

Продолжаем встречаться. Кока держится «джентльменом», рассказывает мне много интересного и обогащающего. Передохнув от первого «угара», я стала задумываться о серьезной работе у европейцев. Теперь, как никогда, хотелось бы приодеться и не ходить на свиданье в дырявых туфлях. Каждый свободный момент бегаю по городу ищу работу, и каждый раз — безрезультатно.

В воскресенье бал в Яхт-клубе. Кока меня пригласил, а мне не в чем пойти. Пообещала маме работать усердно до четверга — только бы купила мне материи на платье. Так и сговорились. Над работой я просиживала до глубокой ночи. В четверг работа была закончена, и в пятницу утром мама взяла меня помочь отнести заказ и купить материю. Она меня не обманула и купила зелено-синий искусственный шелк.

Возвращаемся домой и вдруг, через дорогу, на другом тротуаре вижу Коку. Неужели соскучился, не видя несколько дней? Я ему улыбнулась, но не позвала. Не захотела знакомить с мамой — гордиться нечем. Я перед всеми стесняюсь и за ее поведение, и за неопрятный вид. А мама, заметив Коку, одобрила мой выбор.

За два дня мне удалось сшить хорошенко платьице, и в воскресенье к вечеру, прихорошившись, я уже ждала Коку за калиткой. Когда я с Кокой, денежных проблем нет. И все же я стесняюсь, что он повсюду за меня платит. Ведь мы с ним не виделись целую неделю, и я поймала себя на том, что соскучилась. Вечер изумительно теплый и душистый. Не хотелось садиться в воняющий чесноком автобус. Китайцы едят неимоверное количество чеснока — дешевое лекарство, предохраняющее от всех болезней. Так как мы вышли рано, не хотелось брать и такси. Как хорошо спокойно прогуляться по тихим боковым улочкам, подальше от движения и публики!

Забыла сказать, что к этому вечеру у меня были первые туфли на каблуках, купленные по дешевке у соседки. От непривычки и усталости я заспотыкалась. Кока, заметив мое затруднение, предложил взять под руку. Когда танцуешь обнявшись, как-то этого не замечаешь, не отдаешь отчета — нормально. А вот теперь совсем другое дело! В сумерках, человек, который нравится, взял под ручку!.. Почувствовала его близость, и мурashki побежали по телу, кинуло в жар. Никогда раньше не испытывала я такого чувства: ноги ватные и в то же время подпрыгивают. В это время проходим мы около большого дома, сильно освещенного фонарями. Свет их просвечивал через редкий досчатый забор, падая на тротуар в виде полосатых ступенек — оптический обман. И что со мной? Неужели Кокина близость произвела такой эффект? Резко сгибая колени, я

стала прыгать по этим теням, будто поднималась по ступенькам! Кока удивленно на меня смотрит. «Свихнулась, определенно свихнулась!» — наверняка подумал он. Мне сделалось ужасно стыдно и, приложив все усилия, я взяла себя в руки — вернулась к нормальному шагу.

Кока, обеспокоенный моим странным поведением, решил больше не прогуливаться, а взять такси. Вечер в Яхт-клубе прошел на славу, без других глупых приключений, и довольно поздно Кока отвез меня домой. Прощаясь, сделал намек, что мол как же так — почему я не приглашаю его к нам? Мне стыдно, стыдно сказать правду! Как показать ему нашу бедную обстановку, бедность угощения, а главное — мамины манеры и репутацию. Выкручиваюсь, что-то придумываю, вру... Все это так неестественно! И долго ли продержится такая ситуация?

Перед сном задумываюсь и себя обвиняю: зачем затеяла серьезный роман, ведь это так противоречит всем моим планам. Мечтала только заработать деньги, чтобы была возможность уехать. Да и теперь так же думаю. А вот какой-то ненужный груз привязался и держит. Но мне приятно и радостно с этим «грузом». Плыту по течению... А что будет дальше?

25-е АВГУСТА (32)

Все последние дни лютят дожди. Сунгари вышла из берегов и затопила Пристань и пригороды. Появилась эпидемия холеры, которая с неимоверной быстротой стала распространяться, преимущественно среди китайского населения. Все население Харбина обязано делать прививки. Как нарочно — сезон августа — сезон вкусных китайских желтых дынь. Эти дыни — самая главная причина распространения эпидемии. Китайцы-огородники удобряют свои огороды человеческими экскрементами. Китайцы едят дыни не гигиенично: не моя и не снимая кожицы, а обсосанные зернышки сплевывают где попало. Ко всему этому нужно прибавить мириады мух. Харбин завален этими недорогими продолговатыми дыньками. Соблазн не только для китайцев — и мы их любим.

Сегодня знаменательный день. За мной зашла Тася М., возбужденная и настойчивая, уговорила идти на Пристань посмотреть наводнение. Бездумная наивность молодости. По секрету от семьи, я собралась и мы отправились. Шли пешком, по дороге застал дождь, а мы без зонтиков. Началась рискованная авантюра. День был теплый, холода мы пока что не чувствовали и решили ни в коем случае не сдаваться. Добрали до Артиллерийской улицы, а дальше полицейские нас не пустили. Уже вся Пристань затоплена, и прямым путем до реки пройти невозможно.

Но мы заупрямились — нам хотелось подойти к Сунгари вплотную. Перед полицейскими мы сделали вид, что уходим, а сами пошли кружным путем. Продвигаться было трудно — вода уже

сантиметров 25-30 на всех улицах и проулках. Мы не сдавались и, сняв туфли, вышли на какую-то водяную долину. Настоящее озеро, а в нем — несколько пустых затопленных китайских «фанзенок».* Мы остановились, вода теперь доходила до колен. Дождь продолжался, а здесь еще какой-то туман, из-за которого на расстоянии десяти метров ничего не видно.

Я струсила и дальше идти отказалась. А Тася так «завелась», что никакими вразумлениями остановить ее было невозможно. Тогда она почти сердито мне приказала: «Жди меня здесь, а я посмотрю, что дальше!», и захлюпала в сторону затонувших фанз. Я взобралась на кучу сваленных свай и с беспокойством стала вглядываться в туман, в том направлении, куда исчезла моя подруга.

Дождь усиливался. Вся промокшая, я без остановки хлопала по облепившим меня комарам. Вода поднимается — больше ждать невозможно. Я скатилась со свай и, по колено в воде, силилась возвратиться обратно по какой-то мне неизвестной улочке. Наугад свернула на более широкую, где вода была ниже, и долго-долго шла по ней. Наконец, к радостному удивлению, вышла прямиком на Китайскую улицу. По улице плыли несколько лодок со спасенными, которым помогали полицейские. Заметив меня, полицейские посоветовали подняться по правой улице, где воды было гораздо меньше и несколько такси набрались храбрости перевозить публику. Я послушно повиновалась. Воображаю, как я выглядела: промокшая, усталая, начинаю дрожать. А денег нанять машину у меня нет. Я уже не думала ни о прическе, ни о косметике, чувствовала, что силы уменьшаются и недуг охватывает. Только бы дотащиться до дома! А он так далек...

В этот момент меня обогнало такси и остановилось. Из машины выглянул русский шофер, молодой человек, с которым мы познакомились на балу.

— Садитесь — вы же совсем промокли! — позвал он меня. Мне было ужасно стыдно оказаться перед ним в таком виде, и я, смущенно съежившись, ответила:

— Большое спасибо, но ведь я промочу всю машину. А во-вторых, у меня нет денег!

— Ну-ну, какие глупости — вы шутите со своим здоровьем!

Я его поблагодарила и уселась на красивое, мягкое сиденье. Я дрожала и постукивала зубами. Добрый шофер, заметив это, сочувственно сказал:

— Выпейте дома горячего чая с водкой — и в постель!

Какой хороший! Около дома я его горячо поблагодарила и, совсем обессиленная, вошла в дом.

* Фанза — китайский домишко.

26-Е АВГУСТА (32)

Я в постели. У меня холера в легкой форме (холерина?). Очень высокая температура и бред — домашние в панике.

Пишу уже гораздо позже, после выздоровления. Сплю в пустой комнате, просто на матрасе, на полу, отдельной кровати у меня еще нет. Температура такая высокая, что даже днем брежу! Мама оставила все свои «хождения» и меня не покидает. Безостановочно меняет компрессы, всю укутывает в мокрую простыню и без конца поит! Вот и осуждай ее после этого!

Все мои сны превратились в сплошной бред. Вот один из них. Мы с Тамарой столкнулись с хунхузами — все они в цветных халатах. Угрожающей толпой гонятся за нами. Настигли и стали душить. Халаты разеваются цветными водоворотами. Кружится голова и рябит в глазах. Они танцуют перед нами, прикрывая свои лица ладонями, а через пальцы просачивается кровь и струится на пол. И весь пол уже залит ее, а кровь поднимается все выше и выше и затопляет нас, закупоривая нос и рот. Мы задыхаемся. Я неистово кричу — мама около меня, успокаивает, а голос ее дрожит. Устала бедная, ведь она все время со мной, около матраса и сколько ночей она не спала! — переживает за меня. Конечно, был доктор и сказал, что лучше того, как лечит меня мама, никто не сделает.

В таком кошмаре прошли четыре дня: с 26 по 29-е. Сегодня чувствую себя лучше. Мама передала мне Кокино письмо, которое он написал вчера. Как оно меня обрадовало! Вот оно, переписываю дословно:

«Милая Нинель, ужасно опечален вашей болезнью и непременно хочу, чтобы поправились как можно скорее. Другой бал в Яхт-Клубе будет, наверняка, не очень скоро. Почему? — вы сами знаете. Пристань залита. Два дня работаю на Сунгари и очень жалею, что вытаскиваю из воды не вас, а других. (Моя заметка: Спасибо, я-то совсем этого не желаю — достаточно "покупалась" — ха, ха!), а то бы наш роман был очень героичен! Если вам хочется, пишите через Тамару. Итак, милая поправляйтесь скорее. Вклады ваших выражений нежности в эти скобки (. . .). Ваш 100% — твой Н.З.»

30-Е АВГУСТА (32)

Вечером пришли меня навестить Кока со своим другом, Володей Ж. Я была еще очень слаба и спала. Разочарованный Коля оставил записку.

2-Е СЕНТЯБРЯ (32)

Чувствую себя гораздо лучше, а 3-го уже на ногах. Спасибо маме, лечила она меня с героическим терпением и лаской, чего уже

давно от нее не ожидала. Вся горечь за прошедшее прощена и забыта.

Сегодня день моего рождения. Мне исполнилось... восемнадцать! Шутка ли! Кока целыми днями работает на Сунгари, спасая затопленных, и сам подцепил какую-то болезнь, так что приди не смог, а послал мне записку со своим другом Володей Ж. Вот она:

«Я очень рад, что вы поправились, зато я проснулся сегодня ~~адресами~~ больным. Мне очень хочется увидеть вас, но, к сожалению, смогу сделать это только завтра, и то если сумею вылечиться, а то — в следующие дни. О которых, если хотите, скажите Володе. Итак, если в воскресенье буду здоров, буду у вас в 5-ть часов. Ниночка, будь умницей (почему на ты?) и не ходи на свиданья — прежде надо поправиться: кушай как следует и не танцуй.» (Откуда он все это взял?)

В воскресенье встретились и долго гуляли. Перед тем как лечь спать, вспомнила, что Кока положил мне в сумку конфеты. Стала их вынимать, и — какой сюрприз! — вытащила миниатюрную, из розового стекла, дамскую ножку — флакончик с духами!.. К пробочке — в виде коронки — был прицеплен воздушный платочек, на котором написано: Ниночке от Н.З. Как трогательно! Я бесконечно счастлива.

С заказами я здорово запустила, а так хочу помочь маме. Ведь на мою болезнь она столько потратила времени. Пришел Коля, мне было приятно, и все же не вовремя. Зовет с ним работать на Сунгари. Много гуманных групп из русской молодежи героически помогают китайцам. Кока мне проговорился, что, пока я болела, на этой работе он встретил Лиду, а теперь хочет, чтобы я обязательно была с ним.

У меня было много причин, чтобы отказать ему, хотя очень хотелось встретиться. Первая причина: я еще очень слаба. Вторая: обязательно нужно помочь маме. Коке я назначила свиданье — через день. Во время моей болезни, Кока встретил маму и познакомился. Помешать этому я не могла. Ну, будь что будет! С Кокой приходил его друг, Володя Ж., и познакомился с Тамарой. И мне показалось, что у них начался роман. До этого сестра мне рассказывала, что у нее роман с поэтом: Георгием Граниным. И что он даже посвятил ей стих. Какой абсурд! Ведь он совсем юнец и определенно младше ее. И все я усомнилась, когда она показала мне стих. Вот он:

Пусть ничего и не было на свете,
Но вечер был, и тьма была, и ты.
Пусть ничего, пусть это только ветер
Шумит, пригнув осенние кусты.
Пусть ничего, пусть это только снится,
Поэтам часто снятся по ночам
Над горизонтом дальние зарницы
И голубые розы у плеча...

Мне почему-то казалось, что поэт был влюблён в красивую поэтессу Ларису Андерсен.

НАЧАЛО СЕНТЯБРЯ (32)

Тамара встречается с кокиным другом, а рисуясь перед Кокой, «треплется», что вот мол роман с Граниным, свиданье с каким-то Мишой и т.д. Коке стало обидно за своего друга, и он его предупредил. И стало заметно, что после этого их роман охладел. Тамара решила «отомстить» — поссорить меня с Кокой. Встретив Коку наедине, она ему сказала:

— А вы, Кока, напрасно думаете, что Нина вам верна. Кажется, вы ей уже приелись, и она ходит на свидания к другим!.. И даже собирается без вас идти на вечеринку...

Вот холера, а еще родная сестра. Какая у нее богатая фантазия. Как ни странно, но Кока попался на удочку. Вернувшись домой, сестра самодовольно мне заявила:

— Я встретила Коку, и он мне сказал, что при первой встрече с тобой порвет!

И я тоже попалась в ее ловушку и поверила. Из-за своего огромного самолюбия я решила не ждать, пока отказ придет с его стороны — решила первая с ним поссориться.

6-Е СЕНТЯБРЯ (32)

Днем, за работой, у меня было время все спокойно продумать, и я пришла к заключению: нельзя ничего предпринимать, не зная правды. Вся эта история показалась такой странной. Нужно обязательно все вывести на чистую воду, решила я. С Кокой было назначено свидание около Коммерческого училища. Спокойней — меньше народу. Каждый, по очереди, рассказал тамариньи выдумки — правда вышла наружу!

Радостные и удовлетворенные, мы с Кокой пошли прогуляться у Чурина. Как нарочно, навстречу идет Тамара!.. Видя нас вместе, от удивления она открыла рот, а мы отозвали ее в сторону для выяснения. Испуганная, что-то невнятно пробормотав, она униженно скрылась в соседнем квартале. Хороший ей урок! Кока проводил меня до дома и мы расстались как прежде, будто ничего и не случилось.

7-Е СЕНТЯБРЯ (32)

Пришел Володя Ж. Как не бывало. Значит, и они с сестрой помирились. Я удивилась — почему Кока не пришел, но Володя передал мне письмо, в котором Кока мне все объяснил и назначил

свиданье на завтра. А само письмо состояло из стихотворенья. Вот оно:

Посвящается милой Ниночке

О том, чье имя Любовь,
Не обятьть, не понять, не измерить,
Не постичь в бесконечном границ,
Что бывает и солнцем и зверем,
Перед чем все склоняется ниц!..
И на зов твой как шли миллионы,
Так идут, так и будут идти,
Так и я к ней иду — я влюбленный,
На ее необъятном пути.
Я лечу, словно демон крылатый,
Через бездны и выси хребтов,
Сквозь огонь и сквозь воду — распятый,
Твоим именем вечным — Любовь!

Молодец, как здорово. Я горжусь и думаю: могла ли бы я надеяться на что-то подобное лет десять тому назад? Как и чем мне его отблагодарить? Написать ему ответное посвящение? Голова пустая. Да и все равно — лучше его не написала бы. На этом и остановилась. Время между домашней работой, заказами и Колей занимает весь день, и никакая поэзия в голову не идет. Юношеская страничка «Рупора» продолжает выходить, но обо мне — ничего, и от меня — ничего. Даже Коке отвечаю короткими, сжатыми записочками, и он жалуется, что никакого чувства не выражают, и собирается меня «научить».

И действительно, при первой встрече он принес мне, как образчик, письма красавицы Галины В., полные чувств и сентиментальности. Определенно, их любовь была сильна. А как и почему она прекратилась? — задумывалась я. Теперь они запросто — хорошие друзья. Зачем же было тратить столько времени на красивые, чувственные письма? И этой сильной любви пришел конец??!

12-Е СЕНТЯБРЯ (32)

Решила целый день работать и никуда не выходить, а к вечеру пришла Надя, и уж ей я не в силах отказать. Столько прошло времени с нашей последней встречи. Я так рада ее видеть и столько всего порассказать. Я быстренько оделась, и мы пошли к Чурину. Около магазина встретили «Котыча» — брата-близнеца поэта Миши В. Как всегда, с ужимками и оригинальностью своего жанра. Встретили талантливого молодого поэта Георгия Гранина и «Вя-

тича». Последний на меня дулся из-за истории с жетоном. Скажите пожалуйста, кому бы из нас надо дуться?

Распрошавшись со всеми, мы с Надей пошли по Новогородней улице. Здесь, недалеко от моста, нас нагнала группа шаловливого молодняка. Безрезультатно стараясь с нами заговорить, а затем, приблизившись вплотную сзади, засунули нам за шиворот несколько бобов. Мы с Надей на этот раз здорово рассердились и обозвали безобразников, а с них — как с гуся вода. Самое же ужасное, что откуда-то взялся Кока, который видел всю сцену!.. Сцена на него так подействовала, что он забыл поздороваться с Надей, что очень ее обидело. Огорченный Кока обвинял меня, а я совсем вины не чувствовала и оправдываться не хотела. Какая ерунда. Минута замешательства... Я заторопила Надю, будто нам надо успеть на автобус, попрощалась с Кокой и мы обе убежали.

13-Е СЕНТЯБРЯ (32)

Пришел Володя и принес мне письмо от Коли. Вот оно:

«Ниночка, милая, Вы сердитесь на меня за вчерашнее, если сердитесь, то простите. Я вчера совсем не ожидал встретить вас, да еще в обществе молодых людей! Теперь, если это случитьсяся, то я сердиться не буду, а так же буду один день в неделю "посвящать" обществу других девушек и буду разрешать им сыпать орехи за шиворот, и может быть еще что-нибудь! Таким образом, Ниночка, вы можете делать что угодно, в обмен на мои поступки. Вас это устраивает? Наверное, не только устраивает, но и радует? Впрочем, напишите, я не могу быть так уверен. Ну, пока, не зная ответа, целую. Ваш Коля.»

Письмо не категоричное, а между фраз проскальзывает желание продолжать. На это письмо я ответила ему ласково и объяснила правду. Мне не хочется с ним ссориться и терять хорошего друга, он мне так скрашивает теперешнее тяжелое существование. Коля понял и пришел.

14-Е СЕНТЯБРЯ, СРЕДА (32)

Вдруг мне взбрело спровоцировать дядины именины! Так неожиданно, странно. Я воспользовалась случаем, «подмазалась» и — за небольшую прибавку — решила спровоцировать и мой, запоздалый день рождения.

По своему легкомыслию, я уже давно пригласила некоторых поэтов, и теперь «открутиться» было поздно. Первыми пришли поэт Миша Волин с братом «Котычем». Братья-близнецы — а какие разные как по внешности, так и по характеру: Миша — застенчивый, тихий брюнет, а его брат — веселый блондин, уверенный в себе ухажер. Тамара привела других поэтов. Пришли Надя и Тася... Как я была рада узнать, что она не погибла на Сунгари в тот трагичный день — день наводнения! Пришли Кока с Володей.

Стол был накрыт небогато, а главное — не было спиртных напитков. Я хорошо знала, что некоторые поэты приходили исключительно из-за них. Мне было до чертиков стыдно, и я угощала приглашенных чем могла, предлагая чай, но поэты от него отказывались. Затем Кока ушел за винтрапой, а я, заметив скромного Мишу, тихо сидящего в углу, решила его развлечь и подошла к нему. Но не тут-то было: сразу же подскочил его брат, разыгрывая клоуна, вмешался, и не было возможности его остановить. Вот он какой. И всегда так.

Мама с дядей, выпив с нами чай на скорую руку, удалились, оставив молодежь развлекаться. А я думала о шуме, который дяде приходилось переносить, а от него голова разбалывалась сильнее. Кто-то из компаний настоял на игре с поцелуями. Этого не было в моей программе, но меня плохо слушали. Скромной Наде не удалось отделаться от настойчивых объятий Володьки К., которому все же удалось поцеловать ее в щеку. Бедная покраснела и чуть не заплакала. Мне ее жаль, а ведь этот паршивец — даже не поэт, а какой-то приглашенный Тамарой.

Моя закусочная «канитель», без крепких напитков, наскутила мужскому полу, и они постепенно, один за другим, стали расходиться. Я отчасти радовалась — дядя сможет заснуть. Последними уходили Кока, Володя и Миша. Мы с сестрой вышли их проводить. Кока взял меня под ручку с одной стороны, а с другой я прихватила мечтательного Мишу. Как забавно, как неестественно он заковылял — весь сжавшись! Под ручку ходить не умеет — настоящий поэт!

30-Е СЕНТЯБРЯ (32)

День Ангела Святых: Веры, Надежды, Любви и Софии. Надя пригласила меня с Танюшей. Таня — подружка младших надиных сестер. Какая изумительная идея пришла Наде в голову — пригласить школьных приятельниц. Сколько лет не виделись! Захлестнуло волной воспоминаний. Сколько было и хорошего и плохого. И все ушло, и никогда больше не вернется это «девичье» время. И грустно,

и жаль до слез. Среди подружек: скромная блондинка Таня С., первая ученица в классе, бойкая Вера А. и другие.

ОКТЯБРЬ (32)

Сколько всего случилось за это короткое время, и я не успела записать. Мама опять задолжала за квартиру. Мы с Надей пошли искать новую и напрасно исколесили всю Модягоу. На Судной улице встретили Иру М., которая лет десять тому назад была нашей соседкой. В то время она была рыженькая, вылинявшая, лягавая девчонка, а вот сейчас вдруг превратилась в красавицу — какая метаморфоза!

Настало время моего свидания с Кокой, и я привела с собой Надю. Теперь я с ней так редко встречаюсь — и все из-за Коли. Как он рассердился, увидя меня с подружкой. Все его старания увести меня с собой закончились фиаско. Тогда он проводил нас до дома и, скрывая свое разочарование, холодно обратился ко мне:

— Сегодня двенадцатая часть нашего «фильма» и, кажется, — самая интересная. А ведь картины бывают только в 12-ти частях!

Я удивилась — что он этим хотел сказать? А Кока будто очнулся и продолжал:

— Хотя правда — некоторые фильмы бывают во многих сериях!

Но несмотря на его «уточнение», неприятная боль и обида укололи самолюбие. Он сам этого захотел — пусть будет «пере-ышка». С ним я рас прощалась, а с Надей сговорилась встретиться в воскресенье.

В воскресенье мы с Надей опять пошли по Модягоу — искать квартиру. На мосту встретили Олега Ч. (Гарольд Ллойд). «Маменькин сыночек» шел со своей мамой и потому, застеснявшись, даже не решился поздороваться. Ха, ха! Пройдя мимо нас, он стал постепенно отставать от матери (охота пуще неволи!), и за ее спиной обернулся и, с застенчивой улыбкой, помахал нам рукой! Есть и такие характеры... И что с ним будет в дальнейшей жизни? Как он пробьется? — подумала я.

Опять мы проходили с Надей попусту — никакой квартиры не нашли. Да по правде сказать, сегодня больших усилий мы не прилагали. Простившись с подружкой, я спокойно вернулась домой и у самой нашей калитки наткнулась на Коку. Он заговорил просто, будто ничего не случилось, но по некоторым фразам чувствовалось, что он недоволен нашими с Надей встречами. А Надя, со своей стороны, дуется из-за него на меня. А мне они оба дороги — какая ерунда!

От свиданий с Кокой на время отказываюсь. На это две причины: полна заказов и — вторая — нет ботинок. Решила целую неделю усердно поработать. Этим перерывом воспользовалась Тамара и при встречей с Кокой сказала:

— Вы видите, Коля, что на вас у нее не остается времени! Я уже вас предупреждала.

Факт налицо — в свиданиях я ему отказываю, и он легко поверил. Через несколько дней мы с Кокой встретились и он — обиженный — мне все рассказал. Рассказал так:

— Ты была занята с другими, и, когда я встретил Тамару, мы пошли вместе прогуляться, и случилось так, что мы даже... поцеловались!.. — Он сделал передышку и, как бы оправдываясь, добавил: — Надо заметить, что это она проявила инициативу.

В этом я ему поверила — от сестры я всего ожидала. Странно, что я не проявила большей реакции. Это была не ревность — но самолюбие мое страдало. Я уверена в себе, и ни в коем случае Тамара не может быть моей соперницей. В общем же все это ерунда — «овчинка выделки не стоит». Не стоит терять время на перебранки и вздохи. Все мои мысли в далеком будущем. Далеком... которое, надеюсь, будет близким. Волшебным, сказочным, но где-то далеко-далеко отсюда!..

За нудной, однообразной работой даже не хочешь думать. А думы в голову лезут. От себя скрывать не стоит: Кока мне нравится. Шутка ли — ведь уже пять месяцев, как мы вместе.

ОКТЯБРЬ (32)

Мы с Кокой вместе. Он, как прежде, ласков и внимателен. Наступили сильные холода. Выпал снег. Открывается наш знаменитый каток — «Заяц». И половина харбинской молодежи с нетерпением ждет этого момента. И Кока пригласил меня, не подозревая, что для этого спорта у меня ничего нет. А пойти безумно хочется. С большими трудностями, кое-как, раздобыла коньки и ботинки у детей аптекаря. А вот с одеждой совсем плохо. Не кататься же в неуклюжей шубе? Надо что-то спортивное. Возьму мамину большую черную фуфайку, а под нее, для тепла, можно надеть что угодно — все равно не видно. Ну, а юбка? Так хочется идти, что в своих проектах теряю разум.

Роясь в сундуке, напала на старое, черное, тяжелое маминого платья, верх которого давно изъеден молью. Ругаться не будет, если использую. Орезала верх, подрезала покороче юбку. Из найденной старой ваты, перемешанной с белыми перьями, скрутила толстенькие колбаски и пришила на подол — вместо меха. Так сильно захвачена желанием покататься, что совсем не замечаю, как смешно выгляжу: будто нарядилась на карнавал...

Кока деликатно не замечал, как комично я выглядела, и выносил мое присутствие рядом с собой героически. В особенности сильно почувствовала я обиду и стыд, когда на минуту зашла в дамскую «грелку». Здесь было несколько девушек, хорошо, по спортивному одетых. Среди них я увидела Лиду с подругами. Увидев меня, они стали перешептываться и хихикать. Не выдержав унижения, я

быстро вышла из помещения. Кока преданно ждал меня снаружи, подхватил под ручку и мы заскользили под музыку. Несколько раз группа девушки с Лидой намеренно попадалась на нашем пути, продолжая острить и хихикать. Я понимаю, у Лиды есть причина — ну, а у других?

Нам стало противно переносить эти шутки. Так как нам было приятно быть друг с другом в любом месте, мы рано ушли с катка. Около катка — небольшой публичный садик со скамейками. Мы зашли и, смахнув снег со скамеек, присели. Снег выпал дня два назад и покрывал землю нетронутым слоем толщиной сантиметров в двадцать. Мне было холодно, но, прижавшись к Коке, я чувствовала тепло и радость. На какой-то момент даже забыла обиду на злых девчонок. Хотелось отблагодарить Коку за его рыцарский жест: отставал меня перед насмешницами.

Делалось все холоднее — дальше крепиться было невмочь. Тут я почувствовала, что что-то трется у ног. Нагнулась и нашупала маленького рыженького щеночка, который радостно завертелся и заскулил. Я подняла его на колени. У Коки хорошее доброе сердце: он ласково потрепал щенка по головке. Я спустила щеночка в снег и предложила Коке вернуться домой. Мы быстро зашагали и вышли за ограду сада. Я оглянулась — бедный щеночек, проваливаясь в снегу, выбиваясь из сил, следовал за нами. Мое сердце не выдержало, и я его забрала и подсунула под широкую фуфайку. Еще одна животина в голодный дом! Кока одобрительно на меня посмотрел. Прощаясь около дома, он сказал:

— Надо спрятать крестину. Как мы ее назовем?

И сошлись на одном: Маська. А почему «Маська» — и сама не знаю.

Две недели прошли с этого вечера «заячьего катка». Я простудилась — сижу дома, работаю и отогреваюсь. Коки нет, наверняка и он заболел. Сестра ко мне «подлизывается» и даже пригласила, по окончании моей болезни, пойти вместе в Чураевку.

Пришли — народу полно. В холодные зимние вечера молодежь предпочитает встречаться в натопленном здании. Да и в теплые дни народу много. Чураевка пользуется большим успехом. Юра Гранин прочел замечательный стих, и какая обида, что я его не запомнила, несмотря на то, что я большая поклонница его таланта. Позже просила этот стих у всех поэтов, но никто не сохранил и не помнил... Будь что будет — запишу тот кусочек, который запомнила, хотя наверняка — неточно.

Этих сопок дорогих (может, ошиблась?) овалы
Золотят долинную окрестность.
В этих сопках где-то затерялось
И мое взлохмаченное детство.

Даже это — как хорошо! Затем прочла свой стих красивая поэтесса — Лариса Андерсен. Переписываю:

Узенькая дорожка бежит по груди откоса,
И деревце абрикоса подсматривает в окошко.
Дереву абрикоса ты не сказал: прости!
Много ли ему цветсти, прежде чем ты вернешься?

Вот молодец — пишет же, и так хорошо, а отдельываюсь частушками ничего серьезного. Ах, как я ей завидую...

Затем Валерий Перелешин продемонстрировал свой стих, который мне так понравился, что я его твердила до самого закрытия собрания, стараясь запомнить. Вот он:

Под шляпы от света. В подушку от шума.
От ветра и стужи — под воротники.
Уходим — как в Лету, уходим угрюмо,
Чудим и бормочем и пишем стихи.

Чураевка закончилась, но поэты не торопились расходиться. Случилось так, что они сгруппировались около меня с сестрой. Это лестно и приятно. Еще лучше — вызвались нас проводить! Ну, здесь я совсем потеряла голову и пригласила их в дом!..

Было уже очень поздно. Танечка спала, у дяди болела голова, мама недовольно закрылась в спальне. Оказалось очень сложно — угощений никаких. На столе «красовалась» маленькая, жалкая тарелочка с семечками — и все. Пошла разогреть чай, но поэтов это не радовало, они ожидали чего-то покрепче. Настроение у гостей падало. Вдобавок ко всему, ехидный критик Лапикен (гомосексуалист?) злорадно присматривался ко всему: к нашей жалкой ненормальной жизни, к каждому промаху и неудачному жесту. Я догадывалась, что это значит: подготавливал злобную критику, материал к следующему выступлению в Чураевке.

Я переживала и раскаивалась, что так необдуманно пригласила их. Остальные поэты были сердечней, но и они видели декорацию нашей жизни и мой прием без угощения и, чтобы замаскировать все это, громко разговаривали и смеялись. У дяди еще сильнее разболелась голова. Мама приоткрыла дверь спальни, высунулась и, позвав меня, попросила передать поэтам: громко не разговаривать! Какой позор для нас. Поэты все поняли без моих слов и стали собираться уходить. Оставшись одна, я заплакала из-за неудачного приема, из-за своей необдуманной глупости. Я предчувствовала, что из-за Лапикена мое «приглашение» не останется без последствий.

На следующий день пришел Кока. Как я рада! Он, как волшебное лекарство, излечивает меня от всего. Влияет моральную силу, и с ним мне так хорошо! Стоп! Не увлекайся и не привыкай! Ведь это все против моего жизненного плана, разлинованного еще до встречи

с Кокой. Ни в коем случае ни к кому не привыкать и в Харбине не оставаться. Хотя я и полюбила город, он стал мне родным. А еще самый трудный шаг: оторваться от семьи. Решусь ли я? При одной мысли кровь холдеет в жилах. Ведь я их так люблю... Если останусь — мы все вместе погибнем. Нет, нет — надо найти лучший выход. Может «далеко» мне посчастливится, и будет возможность «вытянуть» всю семью? Нет никакой силы продолжать жить в кошмарах, которые народила мама и которые умножаются с каждым днем!

Сильный холод, и глубокий снег лежит на дворе. У меня нет зимних ботинок, давно не выхожу и Надю не видела. Ее мне недостает. Танюша аккуратно ходит в школу, хорошо учится — большое утешение. Пришел Кока и зовет прогуляться, а в ботинках у меня — дыры на подметках с куриное яйцо! Украдкой заложила дырки картонками и вышла. Шагаю, шаркая по снегу, стараясь не поднимать ноги, чтобы никто не заметил. А Кока удивляется:

— Как у тебя за это время походка изменилась!

Через два дня мама принесла мне чьи-то немножко поношенные сапожки — ничего, подошли. Как раз завтра репетиция спектакля «Юничтов» в гимназии имени Тороповой. Я вызвалась танцевать матросский танец «Матлот», а сама ни рукой, ни ногой двинуть не умею. Наглость! Надо выбраться и найти что-то другое. Не лучше ли спеть? Да ведь и петь я не умею. Надо попросить совета и помочь у знаменитой певицы Садовской!

Я ее застала на репетиции в театре. Она сидела рядом с каким-то молодым человеком и оживлено болтала. Мне показалось странным, что она все время прикрывала пальцами свой нос, заслоняя его от кавалера. Подойдя к ней поближе, с «открытой» стороны, я заметила, что у нее нос коротенький и здорово вздернут — курносенький. Какая глупость — прятать его. Я нашла, что это даже пикантно. Надеясь, что их разговор прекратится хотя бы на секунду, я ждала. Но так как он все продолжался и продолжался без остановки, набралась храбрости и подошла. Певица посмотрела на меня недовольно и вопросительно. Дрожащим голосом я изложила ей причину моего визита. Казалось, она совсем не вслушивалась в мои слова. Потом, не дослушав, нервно наотрез отказалась. Наставивать не было смысла. Я, разочарованная, вернулась домой. А для спектакля надо искать что-то другое...

С Кокой продолжаем встречаться, и теперь эти встречи — просто необходимость. Без него мне скучно! Сегодня он меня испугал, сказав, что одна барышня, за которой он ухаживал, угрожает облизть меня серной кислотой. Правда ли это или просто Кокина выдумка? И вдруг я вспомнила, что на самом деле одна какая-то меня преследовала, пряча за спиной какой-то предмет.

12-Е ОКТЯБРЯ (32)

Грандиозный бал, устроенный Чураевкой в театре «Модерн». Кока меня пригласил, я разнарядилась, и мы пошли. О, какой люкс и шик! Какая обстановка и публика! Ха-ха — публика? Ведь те же поэты, но только сделали усилие и приоделись. Здесь я чувствую себя счастливой. Окунулась в роскошь и на момент забыла бедную повседневность, в которой живу.

Среди публики замечала писательское «начальство» — издателей и редакторов газет. Вот и наш редактор «Юнчита» — Арсений Иванович Несмелов. Он меня не сразу узнал, а когда разглядел, извинился и просил присыпать стихи. А стихи ли у меня сейчас в голове?

Кока занял столик и попросил меня что-нибудь заказать. Здесь все так дорого, и мне не хотелось, чтобы он тратился, но заказать было необходимо, и мы попросили лимонад. Вскоре за наш столик уселся Колин знакомый — признанный поэт Николай Петерец. Он уже успел где-то «наключаться» и был «под градусом». Представляясь мне, он поцеловал руку. Этого я всегда боюсь больше всего: у меня руки работницы и без всякого маникюра! Сначала стал «сыпать» комплиментами, а затем, притянув к себе со стола наш входной билет, на обратной стороне его написал экспромт — сначала белой рифмой, а затем стишок. Заголовок такой: «Милой королеве поэтов от ее верноподданного».

Ваши глаза, как черные агаты, Нина. В них спит загадка жизни, Нина. Вы думаете о милом, Нина, и восклицаете: Ой, какой стыд!

И на самом деле — стыд. Он подметил, что на самом деле я часто повторяю эту фразу! Надо во что бы то ни стало отвыкнуть. Петерец продолжал писать:

Без борьбы, без злобы и без гнева
Вам я шпагу свою отдам.
Царствуйте, королева,
На страх врагам!

Этот кусочек меня рассмешил. Заиграла музыка, и я встала, чтобы идти танцевать с Кокой, но Петерец ухватил меня за руку и потянул знакомить с главным редактором газеты «Рупор» — Евгением Самойловичем Кауфманом. Кауфман, узнав, что я — королева его газеты, обязательно захотел со мной протанцевать.

— Какой я профан, право, ничего не знал! Обязательно загляжу свою ошибку.

Мне было весело и радостно от всего: от музыки, от разговоров и шума, от богатой обстановки, от звона бокалов и от комплиментов моему мимолетному успеху. Без единой капельки вина мои ноги

заплетались. Танцуя с Кокой, чувствовала, что шагаю и «колыхаюсь» без контроля. Умудряюсь налетать и наступать на ноги танцующему по соседству Николаю Щеглеву — крупному поэту, романтично «плавающему» в ритме музыке с хорошенькой поэтессой, Наталией Резниковой! Щеглев укоризненно на меня посмотрел. Домой решили возвратиться пешком, чтобы продолжить счастливый вечер. Но закапала смесь снега с дождем. Вернулись на такси и сговорились встретиться через день.

Сижу и пилю абажуры из фанеры. Так надоедливо, однообразно. Вдруг вспомнилась фраза Несмелова: «Пишите в газету». Работа и Коля отнимают все время, и в голове — ничего. Вдруг, в ритме пиления, родилась какая-то глупая рифма и я запомнила:

Сквозь сиренево-белый туман виден старенький дом на опушке.
Возле дома какой-то чулан, у чулана две пестреньких чушки!

Ха-ха-ха — какой шедевр! Однообразное скрипучее пиление отпугивает серьезную музу!.. К этому утомительному пилению прибавить надоедливую муху. Каким образом она уцелела при таком зимнем холоде? В доме ей тепло, сытно и весело. А как она надоедает мне: кружится перед носом, то на руку сядет, то на голову, то прогуляется по лицу. Мешает работать. Вот пристукнуть бы — убить и дело с концом! А она радуется жизни, танцует, доверяет мне, делится своим счастьем. Как же убивать? Пусть живет, а мне не привыкать. Еще немного пострадаю — и не такие обиды переносила!

Абажур закончен, и теперь мама принесла другой заказ: превращать целлуидных пупсиков в маркизы. Под кринолинами у них небольшие картонные круглые коробочки, которые в кондитерских заполняются конфетами. Самая трудная работа для меня — раскрашивать личики. Работа оплачивается скучно, но заказов много. Все зависит от нас. И мы соглашаемся — надо же приодеться.

С Кокой я не скучаю. Он рассказывает мне столько интересного, и это помогает хоть чуточку обогатить мой бедный мозг.

НОЯБРЬ (32)

Целый месяц ничего не записывала — не хватало времени. Уставала. Появляются «трения» с Надей — из-за Коки. Кока против наших встреч, а я не хочу терять подружку.

Мама получила деньги за часть работы и дала мне несколько «фынов» (копеек) — как раз столько, что могла пригласить Надю в кино. Показывали подряд две американские картины. Одна — «Кто убил?», с участием Нормы Ширер, и другая: «Героиня нашего времени», с участием Джоан Кроуфорд, Аниты Пэйдж и Дугласа Фэрбэнкса-младшего. Как трудно поверить, что так недавно папа Дуглас играл молодого героя. Как хорошо я его запомнила в «Пиратах». Зачарованная наблюдала, как скользил он от самой вершины мачты по парусу, проткнув брезент кинжалом, спускался на палубу. И хотя сын его играет хорошо, Дуглас-папа остается для меня незабываемым и незаменимым.

Мама нашла квартиру совсем недалеко от Х.С.М.Л. Квартира дорогая, хорошая — долго ли продержимся?

Итак, мы на новой квартире, а на которой по счету — не помню уже. Перед самым переездом у нас пропала огромная пушистая рыжая собака — Мишка! Потеряться он не мог, определенно кто-то украл. Обидно, такая ласковая собака. Наша приставшая «Маська» безгранично преданная — так и бегает по пятам. И на новой квартире она с нами. В соседней квартире живет дядька Иванов — противный, сладавый «сорокот» — ужасный «стрелок» с липучим, настойчивым взглядом. Какая мерзость. А главное, что при каждой встрече целует руку, а они у меня от всегда грязные от работы и краски — и мне стыдно.

Соседями, на втором этаже, живут два брата-студента. Красивые поляки, в особенности младший! Ну, хватит: в сторону мальчишек — надо подумать о серьезном. А как раз серьезное в голову не идет — думаю о поляках. Но все же Кока на первом месте.

ДЕКАБРЬ (32)

Предстоит грандиозный бал в «Желсобе», все только и говорят о нем. Мы с Надей сговорились идти тайком, но у нас ничего не получилось: прицепились Тамара с Володей Ж., и Виталий — Надин брат, и Кока. Отправились все вместе. Почти все время я танцевала с Кокой, но вдруг, на правах Надиного брата, Виталий уверенно, как собственность, взял меня под ручку и потянул танцевать! Кока возмутился — вспыхнув, кинулся к Виталию за «объяснением». Мы с Надей вмешались и с большим трудом «утихомирили петухов». Вернулись домой все вместе. Разговор не клеился. Горький осадок — вечер испорчен.

Через несколько дней встретились с Надей и опять строили план: идти без кавалеров на встречу Нового года. Наши планы провалились. Мама говорила:

— В такой вечер я разрешу вам идти только с вашими надежными кавалерами. В такую ночь Бог знает что может случиться!

Пришлось подчиниться. Мама была уверена, что мы все четверо — я, Кока, Тамара и Володя — будем вместе. Мне не хотелось быть с сестрой, она была того же мнения, и кавалеры — тоже. Так что перед родителями мы разыграли комедию: мол, будем все вместе и вернемся вместе.

Сначала все вместе поехали к Володе. Снимает небольшую комнату. Чистая и уютная, на столе букет фиалок и бутылка вина с закусками. Не скажешь, что холостяк. Выпили по рюмочке вина, поздравили с наступающим Новым Годом, и Кока увез меня к себе.

В доме — никого. Родители уехали встречать Новый год в Коммерческое собрание. Квартира большая и хорошо обставлена. По всему видно, что недостатка нет ни в чем. Очнувшись в доме, Кока первым делом вытащил откуда-то — что?.. Револьвер!

— Надо, чтобы он всегда был под рукой — на случай воров или бандитов, — пояснил он.

А я подумала, что отчасти хорошо, что мы бедны, — некого бояться!

После револьвера Кока принес альбомы с фотографиями, которые я рассматривала с большим интересом. Затем пригласил к столу и угостил лимонадом и ананасами. Сел за пианино и сыграл очень неплохо какую-то классическую мелодию. А я — профан — не знаю. Завел викторолу, потанцевали. Обнявшись, сели на диван и стали признаваться в любви. (Я, конечно, врала.)*

Володя с сестрой встретили Новый год у Володи, с хозяевами его комнаты, а потом Володя и Тамара поехали в кабаре «Солнце» танцевать. После кабаре они заехали за нами, и все вместе вернулись домой. Было очень поздно.

Итак, с утра начинается

Новый 1933-ий год!

Что-то он нам сулит?..

* Позже эта фраза мне дорого стоила. Зачем я так грубо выразилась? Ведь это не совсем так. Просто сама себе не хотела сознаваться — у меня к нему преданное и теплое чувство.

1933

НАЧАЛО ЯНВАРЯ (33)

Мы с Надей переждали праздничный ажиотаж и в один солнечный день пошли прогуляться по Модягоу. Медленно дошли до Церковной улицы. Наше спокойствие нарушилось звонками скорой помощи и бегущей толпой. Чтобы продолжать нашу прогулку, мы повернулись и побежали за всеми и за машиной скорой помощи.

Толпа сгустилась у большого автомобильного гаража, а там уже было полно народу. Продвинуться и увидеть что-то нет никакой возможности. Только санитарам удалось растолкать толпу и с носилками пробраться в гараж. Мы очутились около амбуланса и видели, как санитары втиснули в него носилки с безжизненно лежавшим на них молодым парнем. Мы пытались узнать, в чем дело, и задавали вопросы стоявшим рядом, но никто ничего не знал. Вдруг откуда-то приблизилась к нам совсем деревенская женщина и, с непонятной гордостью, стала нам рассказывать хриплым голосом. Она определенно любила поговорить:

— Я живу здесь по соседству и всех знаю, и парней рабочих из гаража, и юродивого Гришку. Парни вообще любят подвыпить, а здесь еще с Новым годом расстаться не хотят. Всю ночь в гараже «базланили» и кричали и к утру не отрезвили. Затащили бедного Гришку, насмеялись, насмеялись, а потом надумали: вставили ему кишку для накачки шин и надули ему живот, да до того, что все кишки и полопались. Вот негодяи! А Гриша умер...

Женщина продолжала рассказывать, но мы с Надей больше выдержать не могли и удалились. Давно люди отошли от каменного века и побросали дубинки, учатся, цивилизуются, а всё равно и сегодня рождаются такие садисты. И как только земля их носит?.. Долго еще мы с подружкой оставались под впечатлением этой трагедии.

К вечеру пришли Кока с Володей — нас с сестрой дома не было. Тамара куда-то ушла, а я задержалась у Нади. Мама впустила кавалеров и предложила нас подождать, а сама ушла. Друзьям надоело нас ждать без дела, и они бесцеремонно стали шарить по ящикам моего письменного стола. В одном из них Кока нашел мой дневник и запрятал его под фуфайку. Вернувшись, я ничего не заметила, и только намного позже...

Какая низость!

Не верится, что Кока позволил себе такой поступок. Я так его уважала и так в него верила!..

12-е ЯНВАРЯ (33)

Сегодня Кока принес и вернул мне дневник... с поправками! Я была так обижена и взволнована, что попросила его оставить меня

в покое на сегодня. Кока ушел, а я засела за чтение дневника с подчеркнутыми им местами.

6-Е ФЕВРАЛЯ (33)

После истории с дневником в моих чувствах к Коке зародилось что-то неприятное. Образовалась трещина, но какого она рода — я еще не понимала. Во всяком случае, я попросила его не приходить и не встречаться несколько дней. В такие моменты всегда откуда-то «выныривала» сестра и подливала масла в огонь. Я уже привыкла к ее выходкам, и теперь они совсем меня не трогали. Сестра унизовилась до того, что пригласила Колю, достав где-то контрамарки, танцевать в «Комсоб». И он согласился.

Позже сестра написала в своем дневнике: «Такси отвезло сначала Колю, а потом меня». Глупая — где это видано, чтобы отвезти сначала кавалера?! Опять унижается!

Через день Кока приходит к нам и, как ни в чем не бывало, обращается ко мне:

— Здравствуй, Пупсик!

Откуда он взял «Пупсика»? Я, скорее, — тонкая спичка! Я возмутилась и хотела его выгнать, но здесь вмешалась мама. Ей как раз он был нужен, чтобы починить электричество — сменить перегоревшую проволоку, и Кока с радостью принялся за дело. После окончания работы Тамара стала собираться уходить, и я ей крикнула вслед:

— Прихвати этого с собой!.

Кока обиделся и ушел.

Мы долго не виделись. Я много работала над заказами и мало зарабатывала. В конце концов наскребла немного денег — достаточно, чтобы сходить на танцевальный вечер. Я так люблю танцевать, и поэтому радовалась, что я, по крайней мере, смогу выбрать себе хорошего партнера.

Вдруг вижу Коку. Он пришел с премилой, скромной девушкой — Верочкой П., одной из моих приятельниц. Я почему-то обрадовалась, что он пришел с ней, а не с другой! Верочка, увидев меня, застенчиво поздоровалась. Кока подошел и поздоровался своим глупым придуманным выражением: «Здравствуй, Пупсик!». Совсем не подходит. Мы разошлись, каждый танцевал где хотел и как хотел. Для меня вечер сложился удачно, я ни разу свободной не была и танцевала с лучшими партнерами.

Вдруг столкнулась... Надей! И она здесь. С кем пришла? Со своей новой подружкой — Тамарой. Я не вправе обижаться — не может же она ждать меня целую вечность. С Кокой у меня на нее не хватало времени. Мы все же поздоровались, но что-то болезненно царапнуло мне сердце. В это же время подошел Кока и пригласил меня на танец. Не отдавая себе отчета, я машинально положила

руку на его плечо, и мы закружились. Верочка, видя меня с Кокой, удалилась разыскивать сестру. Домой возвращались без кавалеров: я, Тамара и Верочка. Кока исчез.

Больше всего меня взволновала встреча с Надей — моей задушевной подружкой. Я укоряла себя, конечно — перед ней я тысячу раз виновата. Теперь во что бы то ни стало решила исправить и урегулировать наши отношения. На другой же день пошла к ней, и мы помирились, а к вечеру вместе пошли к Чурину. Мне так хорошо и спокойно с ней.

Ноги мои совсем выровнялись, а теперь надо искать, какой-то новое изобретение. Обращаю внимание на свои ресницы: они довольно длинные, но тонкие и прямые, а хотелось бы, чтобы загибались. Поднимаю их немножко щеточкой, подмазывая сапожной ваксой (другого продукта красоты у меня нет) — и все же недостаточно. Долго ломала себе голову и, наконец, — ура! — додумалась. Приноровилась опустить ресницы на конец большого пальца и придавливаю их к нему лезвием тупого ножа. Ура, ура, ура — изобретение удалось!

Объяснила свое открытие пришедшей Наде, она попробовала на себе — и у нее удалось. Мы в восторге — обе с загнутыми ресницами. Я приглядываюсь к подружке и замечаю, что она похорошела за последнее время. Да ведь немало прошло времени с нашей школьной скамьи. И я определенно изменилась. Ведь мы теперь — барышни!..

ФЕВРАЛЬ (33)

Подходит конец сезона танцевальных вечеров, а так хочется сходить еще на один. У меня — драма: туфли в клочьях, да и платье в последней его стадии. Ведь у меня как только появляется одно — изнашиваю его до конца. Высказала я свою заботу Наде, а она — добрая — сразу же поняла и предложила:

— Мы почти одинаковой комплекции, я выхожу реже тебя, а одежды у меня гораздо больше. Приходи, примерь — я тебе одолжу.

И на самом деле — мне все подошло. Теперь только подождать несколько дней до бала, а пойдем мы с ней опять обязательно вместе. Прошло два дня. Надя не пришла на назначенное свиданье. Я забеспокоилась и пошла к ней. Надя в постели с высокой температурой — простудилась. Мне ее жаль, и наперекор своему сердцу я сказала:

— Ну, неважно — я посижу с тобой, а на бал сходим в другой раз.

— Не говори глупости — иди и потанцуй за меня, — настояла доброй подружка. — Ведь ты так ждала этого вечера.

И на самом деле, мне так хотелось сходить и потанцевать. К тому же Надя не выглядела большой «при последнем издохании».

Я согласилась и пообещала навестить ее сразу же на другой день после бала.

На бал мы пошли с сестрой, а там, как всегда, развлекались по отдельности. Вечер проходил для меня с успехом, однако я не переставала думать о больной подружке. На другой день я почувствовала усталость и недомогание — сама заболела. От Нади ли подцепила или на балу простудилась? Навестить подружку не было никакой возможности, а вернуть ее вещи хотелось как можно поскорее. Видя, что мама собирается уходить, я забыла все ее проделки, доверилась и попросила:

— Мама, сможешь ли ты отнести Наде ее вещи?

— Конечно, смогу, я как раз иду в ту сторону, — ответила она, и взяла сверток. Вернувшись вечером, мама сказала, что Нади дома не застала и передала вещи ее сестрам. Ну, и это хорошо, но показалось странным: куда больная Надя могла выйти?

А еще позднее — драма!..

Приходят два китайских полицейских и уводят маму в участок.

Мы в панике. В особенности переживает дядя Саша. Тамара молодец — сразу же побежала за мамой в участок «для выяснения»? Там ей объяснили, что мама оскорбила какого-то высокопоставленного начальника полиции: китайца Чин-фа Луна. Осудили ее на два дня тюремного заключения и оштрафовали на значительную сумму. А платить нам нечем. Слава Богу, что через день дядя получил свою пенсию, и почти всю ее пришлось отдать за маму!.. Но какой позор для всей семьи!

У дяди голова разбаливается сильнее — значит и порошков надо больше.

22-Е ФЕВРАЛЯ (33)

Мама вернулась. Ничего не рассказывает, никаких угрызений совести — как с гуся вода! Собралась и опять куда-то убежала. А мы переживаем — неужели опять пошла «мудрить»?

Во время ее отсутствия пришла Надя и спрашивает свои вещи.

— Как же так? Ты их не получила? — отвечаю я вопросом на вопрос. Уже несколько дней как мама была у вас и передала все вещи твоим сестрам.

— Почему сестрам? Ведь я из дома не выходила! — возмущается Надя.

Мне было неудобно, стыдно. Я ничего не понимала и обвинять мать мне не хотелось. В замешательстве я пробормотала что-то непонятное, а Надя, возможно, подумала, что я продолжаю носить ее вещи. Она сердито и строго приказала мне:

— Обязательно принеси мне вещи завтра — буду ждать!

Резко повернулась и ушла. Никогда я не видела подругу такой сердитой и даже не могла представить, что это я довела ее до такого состояния. В ожидании мамы просидела совсем убитая, с пустой головой. А как только мать вернулась, я — фурией на нее:

— Где же Надины вещи?

Я была уверена, что мама их заложила в ломбард, как она уже делала не раз. А мама совершенно спокойно мне отвечает:

— Я раздумала идти на «Зеленый базар», уж больно далеко и холодно, и оставила вещи на Садовой улице, в аптеке.

Я уже не знала, верить ли ей или это опять ложь. Однако сразу же рано утром побежала в аптеку и нашла все вещи в целости. На этот раз мама не солгала, и мне даже стало стыдно перед ней. Поблагодарив аптекаря, я схватила пакет и, в своих рваных, холодных туфлях, побежала на «Зеленый базар».

Надя очень холодно меня встретила. Смузенно извиняясь, я передала ей пакет. Надя оставалась сердитой и «на расстоянии», никакой разговор не клеился. Теперь определенно настоящий конец нашей дружбе, думала я на обратном пути. Больно и тяжело. Я очень устала и замерзла. Туфли натерли пятки до крови, моральное состояние ухудшилось до предела, а дома ждет... Кока!

Видя меня в таком состоянии, он подумал, что я больна, был добр и внимателен.

— В чем дело? Почему такая грустная? — допытывался он.

— Да ничего особенного, просто с Надей не сошлись, — отвечаю я и замечаю, что выражение его лица просветлело, с намеком радости и удовлетворения. Я знала, что он не питал к Наде большой симпатии, из-за того что я проводила так много времени с ней.

Мама требует с дяди его пенсию, которую мы заплатили за нее в полицию как штраф. Ничего не хочет слышать и устраивает сцены. Дошло до того, что собрала куль вещей, одела Танюшу и ушла из дома. Мы с сестрой уже стали привыкать к ее частым «трюкам», а вот бедный дядя переживает, и больше всего — за Танюшу.

Через два дня мама вернулась, потому что не было денег платить за гостиницу.

У меня болит зуб: дупло и обнажился нерв. Ужасно мучаюсь, а денег нет для зубного врача. И на этот раз выручила меня добрая мадам Поварова: позвонила своему дантисту и сговорилась, что за три дня работы — уборки его кабинета — он меня вылечит. Униженной я себя не чувствовала, и доктор и вся его семья оказались отзывчивыми, сердечными людьми.

Как только я вернулась домой, пришел Кока и сообщил, что он разошелся со своим хорошим другом — поэтом Володей Померанцевым. Я сожалела и не одобряла такого исхода. Володя казался мне скромным, воспитанным молодым человеком. Трудно представить «Трех мушкетеров» без одного?!

Во вторник пошли в Чураевку. Выступали «знаменитости»: Алексей Ачайр, Николай Щеголев, Миша Волин, Валерий Перелешин, Валя Мациевская. Сыграла на пианино Ната Спирина, и хорошо спела известная в Харбине певица Бабушкина. Поэт Сергин прочел хороший стих под названием «Жизнь»:

Час пробьет, и по ступенькам шатким
Ты сбежишь с высокого крыльца,
И сойдет со взмыленной лошадки
Твой избранник в шапке в бубенцах.
В пестрых лентах, и с улыбкой пьяной
Намалеванных небрежно губ...
А соседки хором песню грянут,
А соседки вас подстерегут.
А потом они о вас расскажут
Шепотком друг дружке на ушко...
Дни пойдут за штопкою и пряжей,
Дни пойдут размежеванным шажком —
От кровати только до кастрюли —
И замрут часы остановив...
— Это будет в сумерках, в июле,
У пруда, средь низкорослых ив —
Ты придешь и встанешь между прачек,
И глубоко в первый раз вздохнешь...
— А ведь все могло бы быть иначе.
А ведь прожитого не вернешь!
И вода пойдет кругами, пенясь,
И затихнет слабый стук валька...
У дверей соседки, подбоченясь,
Не услышат крик издалека.

Преклоняюсь перед таким талантом.

На следующий день я была одна в доме и преспокойно шила. Вдруг в дверь кто-то постучал. Я открыла и была удивлена, увидев двух малознакомых девушек с плохой репутацией. Где и кто нас познакомил — не могла припомнить. Я все же открыла дверь и их впустила. Юля Т. и Маргарита А. Знакомые такого жанра не были желанны. Они уселись на стулья против меня, а я, извинившись, продолжала свою работу. Через несколько минут постучала в дверь соседка — мадам Поварова. Принесла и оставила у нас ключи от своей квартиры, как делала всегда, уходя из дома. Я привычным жестом взяла ключи и положила на комод.

Разговор с гостями был скучен и неинтересен. Разговаривая, Юля прохаживалась по комнате, что мне совсем не нравилось. Подойдя ко мне почти вплотную, она спросила:

— Где у вас находится туалет?

Выразила желание помыть руки. Я указала на дверь и сказала:

— В прихожей, около коридора.

Юля вышла, а я продолжала разговаривать с Маргаритой, не отрывая глаз от шитья. Последняя насилилась себя, рассказывая что-то, «заговаривая зубы». Спустя некоторое время, мне показалось, что Юля уж очень долго «моет руки». С каким-то нехорошим предчувствием я машинально взглянула на комод — ключей на нем не оказалось.

Как сумасшедшая я выскочила в коридор и, не видя Юлю, дернула ручку двери квартиры мадам Поваровой. Дверь была заперта, но сразу за стеной послышался шум, падение разбивающегося вдребезги стекла. Я забарабанила в дверь с криком:

— Юлька, открой сейчас же!

Маргарита стояла около меня, с рассеянно-испуганным выражением лица.

— Открой сейчас же, а то позову полицию! — продолжала я, а сердце билось так сильно, что я ощущала его физически.

Дверь отворилась, и в ней появилась Юля, с головы до ног обсыпанная мукой.

— Честное слово, я ничего не взяла... — бормотала она.

— Верить честному слову воровки? — сказала я нервно. — Мне доверили ключи, я ответственна, а если что пропало — обвинят меня!

Юля упала передо мной на колени и стала умолять:

— Я клянусь, что ничего не взяла, никому не говори, пожалуйста, никому, а в особенности... Коле!

Последние слова меня ошарашили: при чем тут Кока?

Непривычная ярость обуревала меня:

— Ты разворотила квартиру, а я буду молчать? Обязательно расскажу.

Юля встала с колен и переменила тон на угрожающий:

— Ах так, все же скажешь?.. Тогда пеняй на себя.

Что она хотела сказать этой фразой? Повернувшись, она наткнулась на Маргариту:

— Это ты меня подвела!.. Ведь мы по-другому договаривались...

Продолжая перебраниваться, они приблизились к выходной двери и удрали. Мне одной удержать их было не по силам.

Перед мадам Поваровой я чувствовала себя непростительно виноватой. Просила прощения, извинялась. Подробно рассказала всю историю, упомянув имена воровок. Добрая женщина уже не раз слышала о подобных кражах. Мне она не сказала ни одного укоризненного слова. Улыбнулась своей доброй улыбкой и спросила:

— Одному удивляюсь — где и как вы с ними познакомились?

Сердечный отзывчивый человек! Спасибо Господу, что существуют еще на свете такие. А мама, узнав обо всем, сердито мне заметила:

— Нечего сказать, хорошие у тебя подружки!

В этот же день, к вечеру, воровки умудрились выкрасть 180 гоби у зубного врача Бессоновой. На следующий день они решили покутить на эти деньги и пошли в ресторан, а после в кино «Весь мир». Здесь-то они и были «застуканы» полицией и арестованы. На этот раз воровкам повезло. Как раз была годовщина коронации императора Пу-И, и их выпустили по амнистии.

7-Е МАРТА (33)

Пришел Кока и сообщил, что собирается писать большую книгу. Прочел мне несколько выдержек. Молодец, у него большой талант. А мне захотелось рисовать. Но горе в том, что для своего личного удовольствия — нет ни времени, ни возможностей. А удастся ли продать — большой вопрос. Х.С.М.Л. готовится к большому шахматному турниру. У меня не будет времени пойти.

Вечером мама вернулась с новостью: в бакалейную торговлю «Волжское товарищество» на Китайской улице требуется продавщица, и мама предложила мою кандидатуру. Я и рада и боюсь. На следующий день, рано утром, мама меня отвела. Хозяин — китаец, хорошо говоривший по-русски. В Харбине почти все китайцы — крупные коммерсанты — говорят по-русски. Самая большая клиентура — русские. Как-то будет дальше? Хозяин приветливо меня встретил, объяснил, что и как, и я начала работать..

Первыми моя клиентами были русские ребята, купившие сосульки. Затем пришла хорошо одетая русская дама, попросившая меня отвесить ей два фунта сухарей. Около весов я замешкалась. Нашла какую-то гирю, взяла пакет и стала его наполнять. Оказался маленьkim — ведь сухари легкие. Переменила пакет и наполнила. Китаец стоял невдалеке и за мной наблюдал, а перед тем как передать пакет покупательнице, китаец взял его у меня, отсыпал обратно в ларчик больше половины, перевесил и передал даме. Когда дама ушла, китаец мне очень вежливо заметил, что я ошиблась гирей и, вместо двухфунтовой, поставила пятифунтовую. К вечеру хозяин меня поблагодарил, заплатил за день и очень вежливо — рассчитал!

Так закончилась моя первая работа на стороне. Отчасти я была довольна: не надо больше по утрам рано просыпаться, тащиться на Пристань — ведь это такая даль. Родной дом, со всеми его раздорами, нуждой и горем, показался мне вдруг таким милым и близким...

Приближался праздник Святой Пасхи, а в это время всегда много заказов на крашеные яйца. Есть шанс подзаработать, но на маму надежда плохая. Сколько мы ни зарабатываем, у нее ничего не остается. Как бездонное корыто... Мы никак не можем понять, на что она тратит деньги.

Неудачный опыт работы в бакалейном магазине меня не охладил, продолжаю думать о серьезной работе. Я верю в себя. Не хуже других — найду себе место. Надо только научиться.

17-Е МАРТА (33)

У Тамары — аппендицит, и надо обязательно оперировать, а денег опять нет! Но она сметливей и храбрее меня: пошла по харбинским богачам и в короткое время наскребла приличную сумму. Окрыленная успехом, она сразу же отправилась и... сделала электрическую завивку! Дала нам немного денег на обед, а остальное ассигновала на операцию.

Эти отложенные деньги она хорошо запрятала в доме до нужного момента. Через день надо идти в больницу. Тамара ищет свои деньги — и не находит. Что бы и как бы мы ни прятали в нашем доме, мама всегда найдет! Но на этот раз дело такое серьезное. Как мама идет на такой шаг? Сестра сама, унижаясь перед людьми, раздобыла деньги, спасая себя от возможной смерти, а мама этого понять не хочет и только делает гримасы и не сознается.

Сестра в бешенстве (и ее можно понять) требует у матери деньги, и мы всей семьей на ее стороне. Мама рассерженная бурчит. Складывает свои вещи, забирает Танюшу и уходит. Мы с Тамарой привыкли к ее выходкам, а дядя опять страдает из-за дочурки. От такой матери можно ожидать всего. Во время последней ссоры, помню, она говорила:

— Мои деньги за работу в больнице — нам с Танюшой хватит.

Во-первых, ложь — нигде она не работает. А если работает, почему своим заработком никогда не помогает семье?.. Ложь, ложь и ложь!

Мама ушла, а Тамара осталась без денег. Где и как она достанет еще? Приходят китайцы, которым мама задолжала, устраивают скандалы, а нам приходится за нее отдуваться. Вот приходит китаец-прачка, которому мама дала выстирать белье. При такой бедности она нанимает прачку? Бывали случаи, когда она намочит белье в ванночке, и оно так лежит несколько дней, пока не заплесневеет и не пропадет. Сейчас китаец кричит и требует деньги, а у нас ни копейки. Рассортировал он принесенное белье, выбрал две лучших простыни и ушел с ними, а мы остались с дырявыми. Так разбазариваются вещи, а у бедного дяди — ни одной рубашки, чтобы одеть под пиджак. За квартиру опять задолжали 147 го-би, и нам предложили освободить ее.

3-Е АПРЕЛЯ (33)

Через два дня после ухода мама вернулась и за обедом нам сообщает, что пришло время платить за паспорта. Какие паспорта? Первый раз слышу. У нас с сестрой никаких паспортов нет. Опять ее выдумка — а для чего? Посреди всех этих неприятностей, как же мне совместить работу над заказами, беготню в поисках настоящей работы и свидания с Кокой?

При первой же встрече я начала объяснять ему мое положение и обсуждать возможности выхода. Неожиданная странность — замечаю, что Кока меня совсем не слушает. Его голова занята другим? Тогда я решила отложить свои проблемы до следующего раза. А Кока, говоря что-то невпопад, потащил меня к своему другу, у которого он вчера купил винтовку за 35 долларов!

Эту винтовку он перепродал Жене Р. Возникла новая проблема: теперь Коке надо хлопотать о разрешении на это оружие. Я ничего в этом не понимаю и мне совсем неинтересно бегать по кокиным знакомым.

Я решила воспользоваться моментом и пошла искать службу. У японцев служить не хочу, а у других — время тяжелое — никакой работы не нашла. Но сегодня удивительно хороший день: тепло и солнышко с утра блестит. Настроение хорошее — хочется петь. Навстречу мне попалась группа знакомых молодых людей. Они познакомили меня с изумительно красивым высоким брюнетом с синими глазами — Генадием В. Он, немного поговорив со мной, назначил свидание. Такой красивый, что мне стало приятно и радостно. А ведь только вчера я решила не тратить времени на мальчишек и новые знакомства!..

27 АПРЕЛЯ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, ТРОИЦА

Пришел Кока. Пригласил меня в кино, и у меня не достало духу высказать ему все мои намерения и планы: меньше разгуливать и больше работать и учиться. Не Генадий ли этому причиной?

Пока я прихорашивалась, кто-то постучал в дверь. Вот так сюрприз — на пороге стоял Генадий. Вот кого уж никак не ожидала! Я его не приглашала — мне бы и в голову не пришло пригласить в такую бедную обстановку. Он запомнил адрес и пришел, не дожидаясь приглашения. Мне очень льстил его смелый жест, но как я теперь выкручусь?

Познакомила их с Кокой и усадила играть в шахматы, а сама — как на иголках... Генадия я еще не знаю. Вижу, что хорошо воспитан, вежлив. Но что насчет его культуры, интеллигентности, а главное — его чувств ко мне? В Коке я уверена и привыкла.

Кавалеры играли в шахматы недолго. Генадий простился и, уходя, шепнул мне, что будет ждать около Чурина. Мы пошли с Кокой в кино. Шли сразу две американские картины: «Ребекка» с участием Марион Дэвис и «Враги» с участием Ворнера Бакстера. Картины закончились поздно. С Геной я не встретилась — Кока проводил до дома. Уже очень поздно, и мне очень хочется спать, а Тамара еще не вернулась — прогуливается с Володей. Ждать ее, чтобы открыть двери, больше нет сил. Сниму крючок с петли, пускай сама открывает. Не думаю, чтобы воры пришли грабить таких «богачей», как мы.

• • •

Дяде Саше удалось найти работу далеко за городом, на Опытном поле. Заработка ничтожный. Чтобы хоть что-то заработать, нужно просыпаться в 4-е часа утра и идти пешком. Бедный дядя — с его здоровьем! Такая утомительная дорога, что временами ест и спит там, на месте. Мне его очень жаль. Для чего такая жертва, если мама весь месячный заработок спустит потом за день?..

После дядиного геройства я решила искать работу еще настойчивей. Бегаю с утра до вечера. Китайцы и европейцы «придущены» японцами, а у захватчиков я работать не хочу. Каждый раз возвращаюсь домой несолоно хлебавши, на четвереньках, и, добравшись до кровати, — бух, до утра, мертвым сном...

С Кокой не виделась больше недели. Сегодня он пришел. Мама отозвала меня на минутку помочь на кухне, а Кока воспользовался случаем и стал шарить по ящики. Нашел фотографию Генадия — скандал! Разорвал фотографию в клочья и бросил. Какое он имел на это право? Я на него накричала, и мы поссорились.

20-Е МАЯ (33)

Мама нашла квартиру в этом же районе. Большую, хорошую квартиру в три комнаты. Я боялась открыть рот и спросить — какая плата? С другой стороны, мы с сестрой возгордились, что сможем теперь показать кавалерам что-то стоящее, приличное, прибавить фруктовый сад с беседкой.

Однако уже через неделю возникли трудности. Хозяин оказался заядлым коммунистом и сплетником и ретиво отстаивал свои взгляды. С мамой у них возникли трения на политическую тему. Сестра встречается с Кокиным другом Володей, и они часами болтают под окнами хозяйствской квартиры, а тому это не нравится.

Меня навестили старые знакомые, Юра и Миша, и принесли букет цветов. Кока это узнал, и наша ссора, казавшаяся утихшей, разгорелась с новой силой. Вообще замечаю, что ссоры у нас учащаются. Чем это объяснить?

26-Е МАЯ, СУББОТА (33)

Уже вторую неделю дядя ел и спал на Опытном поле, а сегодня вернулся. Под вечер, у калитки, он встретил хозяина квартиры, который воспользовался случаем и «наплел» на нас целую гору. Во-первых, будто с мамой не сойтись характерами. Во-вторых, что мы с сестрой часами стоим у калитки с кавалерами и шумим, и т.д. Дядя огорчен. Дома он сделал нам с сестрой большой выговор, чего никогда еще не случалось. Иногда — редко и всегда с большим тактом — дядя делал нам наставления. Мы его слушались, подчи-

нялись ему и уважали. На этот раз, видя его таким усталым и похудевшим, мы устыдились и пообещали «исправиться». А мама не пропустила случая самой оправдаться, а нас обвинить:

— Это верно, Саша, девчонки сейчас только и думают о мальчишках и не работают (определенко намек на меня), и если так будет продолжаться, то мы переедем ближе к твоей работе, к Опытному полю.

Это означало — опять к черту на кулички!

Передо мной и сестрой вопрос стал ребром. В наших интересах — найти поскорее квартиру и настоящую службу. Сестра сразу же побежала в... полицию и, через какого-то знакомого, работавшего там, получила обещание места. А вот для меня труднее — никаких знакомых я не имею. Некультурная, ни к чему не способная — на что мне надеяться?

Я бегаю с утра до вечера, ищу квартиру и работу, но никакого результата. У сестры что-то наклевывается, но пока она держит в секрете. Это касается только ее работы, а с квартирой все безрезульятно. Все тверже убеждаюсь, что придется переехать в район Старого Харбина — к черту на кулички. И ни у кого из знакомых не будет возможности и терпения навещать нас там.

Насчет Коки все обдумано: не сегодня так завтра необходимо рас прощаться. Никаких серьезных планов на совместную жизнь с ним у меня нет. Еще надо попутешествовать, еще надо пожить своей личной жизнью и не сомневаться, а быть уверенной, сделать решительный шаг. Трудно объяснить все это Коке, но надо сделать. Опять встретилась с ним, но теперь у меня какое-то раздвоенное чувство: приучаю себя к мысли о неизбежной необходимости оставить его.

15-ГО ИЮНЯ (33)

Дни стоят изумительно теплые. Надю уже очень давно не видела, но терять ее ни в коем случае не хочу. Выкроила время, сходила к ней, и сговорились мы в воскресенье вместе сходить на Сунгари. Возвращаясь, встретила сына моего доброго хорошего учителя — Олега Ч. Блондин, с тонким лицом и черными очками, он сильно напоминал американского комика Гарольда Ллойда. Возможно, этим он мне и нравился. Застенчивый, со своим особенным характером, который я никак не могла раскусить. Одно вижу, что безвольный — своего мнения у него никогда нет, всегда под чьим-то влиянием. «Маменькин сыночек».

Воскресенье. День еще теплее и приятнее предыдущих. Приготовила все для пляжа и направилась за Надей. Она в постели — вывихнула ногу! Какое разочарование — возвращаюсь домой. А солнце играет, и птички поют, и воздух ароматно-теплый. Растроиться бы в этом — а мне домой, в угар и толкучку!

И вдруг, как счастливый мираж, появился Аркадий Вятыч со своим братом. Они собрались за Сунгари, и у Вятыча, как у настоящего репортера, через плечо — фотографический аппарат. Они предложили мне поехать вместе. На радостях я забыла всю обидную историю с жетоном и сразу же согласилась.

Переправившись через Сунгари, на Солнечном островке, у знакомой продавщицы пирожков, я переоделась в купальный костюм, и мы направились в сторону Зотовской протоки.

Летняя жара. Публики — видимо-невидимо. По праздникам кажется, что все европейское население Харбина перемещается за Сунгари. Повсюду слышны русские голоса, русская речь, и так хорошо, так весело — все невзгоды забылись и даже бедная Надя в кровати! У кавалеров также веселое, приподнятое настроение. Вятыч оборвал кустарник и сплел мне венок. На спуске к реке — плотные заросли крупных ромашек. Нарвал и их большим букетом и преподнес. Оглядывая меня, он восхликал:

— О, как вы изумительно выглядите! Надо обязательно сфотографировать.

С этими словами навел аппарат и заснял меня в разных позах. А какой это шанс для меня! Люблю сниматься, люблю иметь снимки, а возможности почти никогда нет. Надеюсь, что даст мне на память. Сегодня я так счастлива и надеюсь получить сувенир этого волшебного дня. А Вятыч продолжает засыпать комплиментами:

— Вы, Нина, смущаете покой моей души!

Ха, ха, ха. Я глупо рисуюсь, воображая себя героиней. Наивная, счастливая молодость. Даже японский гнет в этот день почти не ощущался.

А через несколько дней, на «Юнчжитской» страничке газеты «Рупор» была напечатана карикатура: Вятыч на колене передо мной подносит розу! Через неделю встретилась с Вятычем у Чурина, и он передал мне снимки. Получилось изумительно! Спасибо пребольшое, вот будет хороший сувенир на память — на всю жизнь.

Дома мы с сестрой часто скоримся, но когда у нас общая обида со стороны — объединяемся. Чаще она заступается за меня — у нее характер сильней, и она на два года старше. Сейчас у нас общая обида, общий интерес: мы не хотим переезжать далеко, и поэтому обе, до изнеможения, бегаем и ищем квартиру. Но пока безуспешно. Вечером усердно молюсь и прошу Бога нам помочь. Стою на коленях и усердно крещусь. Вдруг пальцы нащупали на лбу прыщик. Какой ужас! Вскочила и побежала к зеркалу — разглядывать. Очнулась — какой непростительный грех! Что, Господь будет меня дожидаться, чтобы я вернулась к молитве? Вот за такую оплошность меня и надо наказать — квартирой, а то и покрепче!

Сегодня мы с сестрой опять объединились и пошли искать квартиру. День такой жаркий, что даже с пар поднимается над тротуаром. Перешли мост и спускаемся по Модягоуской. В этом районе квартиры дешевле. Спускаемся ниже, в сторону церкви. По обеим сторонам улицы, по тротуарам — редкие скамейки. Сегодня,

как никогда, они оказывают нам великую услугу. Почти все заняты уставшей публикой, а на нашей стороне одна занята целиком — лежит умирающий старик, бедный китаец. С впалыми щеками и приоткрытым ртом на восковом лице. Глаза в провалах щелок мутны. Грудь его слабо дышит, приподнимая истрепанную майку. Всякого рода мухи, в том числе и огромные, навозные, темным жужжащим облаком облепили старика. Лезут ему в глаза и рот, а у бедного уже нет сил отмахнуться, пошевелить рукой.

Шокированные увиденным, мы с сестрой остановились. А китайская публика безучастно пробегает мимо. Судить ли их? У китайцев очень сильно такое поверие: если спас умирающего, должен ухаживать за ним всю жизнь. Поэтому они избегают и боятся. Вида, что и мы помочь ничем ему не можем, я подтолкнула сестру под локоть и сказала:

— Ну, пойдем.

А у сестры другая реакция, и она мне приказала:

— Подожди меня здесь, я быстренько сбегаю домой.

И она рысцой побежала обратно. Я отошла немного дальше и стала ждать ее в недоумении — что она еще придумала? Тамара вернулась довольно быстро, в руке она держала старый дырявый отрез вуали. Резким движением спугнула она мух с лица старика и поспешно стала прикрывать лицо и грудь больного, стягивая и сокращая дыры. Я с восхищением и уважением смотрела на сестру и думала: «Вот и Тамара, со своим паршивым характером и другими недостатками, дала мне хороший моральный пример!». И я почувствовала к сестре теплое, любовное чувство. А за себя мне сделалось угнетающе-стыдно!..

Мы оставили китайца и пошли по округу последних модягоуских домов, думая, что на окраине меньше спрос на квартиры. Но и здесь мы ничего не нашли и разочарованные и усталые вышли на ту же улицу, к скамейке больного китайца. Несмотря на вуаль, лицо его было облеплено мухами. Им удалось пробраться через дыры вуали. Старик больше не дышал — он был мертв...

Возвращаясь домой, мы с сестрой рассуждали о погибшем. Кто он нам? Но все равно горько, что лежал он теперь заброшенный, одинокий. Кто теперь займется его похоронами? Есть ли родственники?..

9-Е ИЮЛЯ (33)

Через 9 дней у нас с Кокой годовщина нашего знакомства! Как быстро прошло время и как сильно я к нему привязалась. А он, кажется, по-настоящему меня любит. Или это только мое воображение? Казалось бы — что мне еще надо? Я, бедная недоучка, с ненормальной матерью. А он — интересный, интеллигентный, из хорошей семьи.

Еще в детстве я, со своими претензиями, наметила себе жизненный план — так в мечтах по нему и живу. Обязательно попутешествовать, уехать из Харбина, хотя и люблю его как родной город. В своей мечте готова пойти на разлуку с родными. Но это другое дело — без них надеюсь иметь возможность больше зарабатывать, чтобы потом им же и помогать. А мужем для себя наметила обязательно высокого брюнета с синими глазами. Ха-ха-ха — но это так!

А перед добрым Кокой я виновата: первая придира, затейница всяких нелепых выдумок и ссор! И каждый раз, после ссор, я жалею и с нетерпением жду его прихода. Большую неловкость создает моя дружба и любовь к Наде. Кока всегда желает быть со мной наедине, совместить их невозможно. А на каждого порознь у меня не хватает времени. Кока знает, как я люблю американские фильмы, и часто водит меня в кино. Вчера видели «Викинги» и «Великий путь», а сегодня идем на «Торговца гор». Картина изумительная, и ее действительно снимали в Африке. Ходят слухи, что были настоящие жертвы при съемках. Вот это плохо.

Спектакль газеты «Рупор» отложен. Причина — смерть директора Лембича. Ждут из Шанхая его заместителя, господина Кауфмана.

Вычитываю в газете объявление: собирают артистов для создания молодежной драматической труппы. Которой предстоит выступать в больших и популярных театрах Харбина: «Палас», «Модерн» и «Гигант». Шутка ли! Я, окрыленная, захватив с собой Танюшу, побежала и записала в труппу себя и сестренку. Труппу создали две сестры средних лет, с внешностью простых крестьянок. Это неважно. Обещали платить — вот что главное.

И стали мы с Танюшой аккуратно ходить на репетиции. А я еще плачу, что времени мало! Но ведь это мечта — частичка моей жизни. После нескольких дней экзамена и репетиций мне дали первую роль: Яруси, дочери посадского. Танюше дали роль чертика № 5. Пьеса называлась «Чары заколдованного леса или "чертова дюжина"». Как волнует и захватывает меня игра! Перевоплощаюсь — и это уже не я, а на самом деле — Яруся! Я замерзаю в снежном лесу, дрожу и плачу, и голос дрожит, а на глазах, на самом деле, — слезы!..

Вчера на репетицию пришел тот брюнет, которого мы с Надей неоднократно встречали у Чурина и который решался только застенчиво кланяться нам. В театре он сидел в задних рядах, в темноте и наблюдал за репетицией. Когда мы кончили и стали выходить, в дверях я с ним столкнулась. Он меня остановил и смущенно попросил:

— Вашу лапку.

Я застенчиво подала ему руку, к которой он «приложился».

— Я за вами наблюдал во время репетиции. Изумительно играете — настоящий талант!

Танюша, стоявшая недалеко, лукаво скосила глазки и фыркнула. Дома она, смеясь, рассказала этот эпизод. При этом как раз был

Кокин друг Володя, который «намотал на ус» эту историю, и на следующий день рассказал Коке. Скандал — «из искры разгорелось пламя»! Сам Кока не пришел выяснить отношения, а передал записку с Володей, в которой обращался на «вы». Переписываю:

Милая Ниночка!

Как я думал, так и случилось — после хорошего у нас всегда следует скверное. Как было условлено, я пришел к Вам, но Вас не было дома. Это первое — Вы не первый раз избегаете меня. Второе: я слышал, что из студии Вас провожал какой-то мальчик и поцеловал Вас в руку (как говорит Ваша сестра). И возможно, поцелуй был не в руку, а в губы! И вдобавок ко всему, будто бы собираетесь идти на бал Боксеров без меня? Я здесь письменно клянусь Богом и всеми Святыми, что за все время нашего романа, кроме случая с Тамарой, ни с кем не целовался, абсолютно ни с кем не «финтил» и вел, удивляясь себе, исключительно хорошо. Еще раз клянусь в этом. Еще раз подтверждаю, что очень люблю Вас, что Вы мне нравитесь сейчас больше всех моих девушек (???). 5-е: теперь вижу, что не могу любить Вас, ибо любить Вас — значит унижаться, потому что любить девушку, которая неверна — это унижение. Мне дьявольски тяжело сказать последние слова, если я буду в состоянии, я постараюсь выбросить Вас и само Ваше имя из сердца и памяти! Прощайте, Коля.

П.с. Если Вы можете оправдать свои поступки, то я с большой радостью встречусь с Вами, чтобы выслушать. Но помните, мне надо доказательство (подчеркнуто), а не убеждения, и если первого нет, то встречаться не стоит.

Мы встретились на следующий день, и без всякого вранья я сказала ему только правду и добавила, что к нему я сильно привязалась. После моей «исповеди» Кока сказал:

— И все же мне хочется тебя наказать — пошли в кино!
Все бы меня так наказывали — хорошо!

На следующий ден, сразу же после обеда, пришла Надя. Я рада ее приходу и попросила ее пройтись со мной еще раз по Модягоу, поискать квартиру. Нам все равно где прогуливаться вместе, и Надя согласилась. Погода хорошая, и мы много ходили. Все же утомительно, если безрезультатно. Ну, еще один-два дома, а затем отдохнем. Под конец осмелились, прямо заходим во двор и спрашиваем жильцов: не сдается ли квартира? Заходим в последний двор, к китайцам. Там посреди большой костер, окружен взрослыми китайцами и мальчишками. Волнение и крики. Мы подходим ближе к костру и различаем на нем несколько небольших железных клеток. Несколько крыс в исступлении кидались на раскаленные железные прутья, а другие уже были недвижимы — обугливались. Каким жестоким должен быть человек, который находит удовольствие,

глядя на мучения животных? Но у нас нет никакого права вмешаться и остановить злодеев. С болезненно-горьким осадком мы покинули этот двор.

9-Е ИЮЛЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ (33)

Стоят хорошие жаркие дни. Встретились с Кокой. Говорит, что любит по-настоящему! А я задумываюсь. Но разве при настоящей любви задумываются? Знаю, что он мне дорог, здорово привязалась и никого другого не надо. Но это ли любовь? Не думаю, не соглашаюсь. При настоящей любви не думаешь ни о чем другом, а я мечтаю обязательно уехать. Повидать другие страны, пожить по-настоящему. Да еще такая фантазия: придумала себе мужа обязательно брюнета с синими глазами!

Лето удивительное. Как усидеть дома? Мы с Кокой с утра едем за Сунгари. Лодочники-китайцы перевозят нас на Солнечный остров, и мы направляемся в сторону Зотовской протоки. Народу много и процентов девяносто — русские. Как хорошо и радостно! На этой стороне бурлит пляжная жизнь. И чего только здесь нет! Всякого рода ресторанчики, киоски и «забегаловки», повсюду продажа изумительно вкусных пирожков, которые не забуду всю жизнь! Знаю, что даже есть ночное кабаре, в котором с большим успехом выступает танцор-цыган — Ленька Удалой! (Много лет спустя судьба неудачно столкнула нас. Но об этом позже.)

После вкусных пирожков с чаем мы пошли далеко-далеко, вдоль по протоке. Усталости не чувствовали и зашли к черту на кулички. Уже и публики здесь мало, и дорожки нет. Какие-то бугры и дюны. А дальше видны старенькие, наполовину сгнившие, китайские фанзенки рыбаков и крестьян. Между домишками — крохотные огородики. Удивляюсь: китайцы умудряются сажать даже на самой скучной земле. За деревушкой пространство покрыто небольшими бугорками. Догадываюсь — кладбище.

Неожиданно откуда-то вынырнула группа русских молодых людей, и среди них — «Котыч», брат поэта Миши Волина. Разглядела и Марика, который однажды преподнес мне букет цветов дикой яблони. Все они в купальных трусиках, загорелые. У «Котыча» идеальная спортивная фигура. Обидно, что рост у него небольшой.

Мальчишки «волынят», рисуются. Прягают по дюнам-могилкам, с какими-то небольшими топориками в руках. Борются, и мне кажется, что вот-вот кто-то кого-то ранит. Неужели они уже где-то «наклюкались»? Неожиданно с одного бугра ссыпалась земля, обнажив гнилые доски примитивного гроба. «Котычевская» компания разгребла бугор, вытащили прогнившие доски, а вслед за ними... вытянули небольшой человеческий череп!

Продолжая дурачиться, они разрубили этот череп топориком прямо у нас на глазах!.. Произошло это с такой быстротой, что не было времени их вразумить и остановить.

Профанация, кощунство!

Определенно, компания была навеселе. Они не сознавали, что делают. Даже застенчивый — Марик — разошелся. Вытащил откуда-то гранату и делает вид, что вытягивает кольцо и намеревается бросить ее недалеко от нас с Кокой! Я здорово струсила, но старалась не подавать виду, а Марик ее все-таки бросил — но в сторону от нас, далеко за дюны. Граната не взорвалась. Либо она была уже разряжена, либо упала на песок пружинкой.

Мы оставили шутников и с горечью удалились. Этот солнечный день частично был испорчен.

После этого я заметила, что несколько дней кряду Марик прокатывался на велосипеде около нашего дома. Но у меня совершенно не было желания с ним говорить. А Коля продолжает приходить и меня «воспитывать». Рассказывает много интересного, знакомит с организацией «Розенкрайцеров». Интересная философия, но есть места, с которыми я не согласна. Например: «Кто идет по этому пути, должен оставить все, даже забыть семью, если она тормозит и препятствует продвижению. Не тянуть за собой мертвых!».

С этим я не соглашаюсь: никогда не оставлю любимых и близких! Говорили о Боге, а откуда же появилось зло? Я изложила Коле свое мышление: возможно, что с самого начала в Боге было сочетание Добра и Зла, и Бог отнялся от зла. Появился дьявол, который теперь самостоятельно командует миром!

— Ха-ха-ха, — рассмеялся Коля. — А ты знаешь, что в этом какая-то доля правды? Я читал похожее в какой-то философской книге.

Я довольна собой — и я тоже могу философствовать.

На следующий день Кока неожиданно пришел утром. Раньше никогда этого не было. Квартира в беспорядке, сама я в неряшливом виде: гоню заказ «в хвост и в гриву» и совсем нет времени заняться собой. В таком виде я не хочу ему показываться и кричу через дверь:

- Я тебя не впущу. Очень занята, приходи вечером.
- Я совсем ненадолго, — настаивает он. — Хочу что-то сообщить.
- Не открою, приходи к вечеру, — уже немного рассердившись, повторяю я.
- Если не откроешь, сломаю крючок, — продолжал он стучать и ломиться. Он знал, что дома никого не было, а то постеснялся бы применять физическую силу. Не ожидала от него такого насилия. Неужели заподозрил, что со мной кто-то?

От сильных толчков петля сорвалась, и дверь открылась. Я вихрем в соседнюю комнату и закрылась на ключ. Над дверью этой комнаты — продолговатое небольшое стекло. Кока подтянулся на руках к нему и заглянул в комнату. Меня до предела разозлила его бес tactная настойчивость. Забыв, в каком я была виде, повернула ключ и с силой открыла дверь, которая стукнула висящего Коку в

живот. Он свалился на пол. Меня трудно рассердить, но на этот раз я была в ярости: налетела на него, обругала и выгнала.

Убедившись, что я одна и нет никаких поводов устраивать скандал, Кока извинился и ушел. Еще одна трещина в наших отношениях. Не могу простить такой дерзости. К вечеру прихоршилась и «с горя» пошла к Наде поговорить по душам. С ней мы сговорились пойти в субботу на танцевальный вечер в Реальное училище. Когда я вернулась домой, Кока, как ни в чем ни бывало, ждал меня и даже осмелился пригласить в «Комсоб». Я категорически отказалась. Тогда он, прямо у меня под носом, пригласил Тамару, которая с радостью согласилась. Какое безразличие с моей стороны! Вспомнила, как он однажды сказал мне по поводу сестры:

— Ну как ты можешь ревновать ее ко мне? Ведь она твоих подметок не стоит.

С Надей мы очень весело и хорошо провели время. Все шрамы последней ссоры (из-за мамы) стущевались и исчезли.

1-Е АВГУСТА (33)

Дневниковые записи делаю на всяких свободных листиках, на бумажках, которые нахожу под рукой. Прячу их по всяким закоулкам и тайничкам, чтобы никто не нашел, а потом сама не нахожу. А ведь это самое интересное в моей жизни, если доживу до старости, как интересно будет перечитать!..

Все последние дни идут дожди. И в августе так почти каждый год. Сунгари разливается. Население боится наводнения и эпидемии холеры. Строятся дамбы, но им не удается сдержать напор сильных волн. Воздух напитан влагой. Моя завивка не держится, и поэтому я сижу дома. Как на зло, на Пристани, в огромной японском магазине Маццура устроили витрины в живыми манекенами. Набирали их по объявлению в газете. Мне газета не попалась, и я об этом ничего не знала. Да если бы знала, наверняка не пошла бы. Что за идея — прогуливаться в витрине, как зверь в клетке? А вот Нина А. пошла и гордится этим.

Мне все же очень хотелось сходить и посмотреть. Но из-за проливного дождя я пропустила. А Нина потом наврала Кокиному другу Володе, будто я приходила пробоваться, а меня не взяли. Какая лживая холера! Набросилась на нее при первой же встрече, как фурия:

— Да нет, нет, я ничего такого не говорила, — с испугом оправдывалась Нина. — Это сам Володя придумал!

Ну ее, врушу, в болото! Противно разбираться.

На днях «Котыч» уехал в Шанхай. Русская молодежь, у кого только появляется возможность, покидает Харбин — едут в Шанхай и дальше. А у меня пока возможности нет: сижу, жду и мечтаю...

Заметила около Х.С.М.Л. красивого еврея — Ифлянд. Он прогуливался с «породистой» Люсей Т., девушки с талией ось. Они оба из богатых семей и оба, наверняка, скоро покинут Харбин.

Тамара вот уже два месяца как работает в больнице доктора Казем-Бека. Говорит, что получает гроши, но и это хорошо: доктор — большой гуманист и лечил нас до этого времени бесплатно. Другую часть времени сестра тратит на работу в... сыскном отделении полиции!.. Чем она там помогает? Что делает? Не могу догадаться! Вчера она принесла 20 го-би в дом, сказала, что начальник Никифоров заплатил за работу. Какая это работа, я не допытываюсь. Деньги для дома необходимы.

Изумительный, романтичный вечер: золотая луна повисла в небе и волшебным светом заливает цветущий сад и беседку. Тамара свободна, Володя пришел ее навестить, и они исчезли в беседке волшебного сада — определенно, «сушить сухари». Ха, ха!

И с утра погода замечательная: небо без единого облачка, солнце огненным шаром прогуливается по свободной бирюзе. На момент забыт надоедливый дождь. Надо воспользоваться таким моментом, но я только грущу: выйти не могу, нет туфель. Последние до того продырявились, что ни одна картонка не удерживается в дырках. И вдруг — чудо: у сестры хорошее настроение, и она приглашает меня на Сунгари. Даже принесла мне свои туфли. Ну как отказаться?

У сестры деньги есть, просто она одна ехать не хочет. Ей хочется самостоятельно покататься на лодке, а меня это неимоверно пугает. Около Яхт-Клуба встретили Верочку и Зойку, которые выразили желание покататься с нами. По реке ходят барабашки — ветерок довольно сильный. Тамара предложила нанять лодку напрокат, на два часа, а главное — без лодочника. Как пугает меня такая затея! Но она командует и ведет себя так уверенно. Лодочник, без энтузиазма, передал нам весла, и мы отчалили. Тамара и Зоя сели за весли, а мы с Верой ждали нашей очереди. Одна Тамара знала, как надо грести. Течение сильное, и бороться с ним трудно. Подвигались медленно, но все же подвигались. Через некоторое время сестра передала нам весла:

— Теперь ваша с Верочкой очередь, — сказала она, а сама пошла на нос и старалась стоять, рисуясь перед другими лодками.

Как только мы с Верочкой уселись грести, лодку стало заносить в сторону и обратно. Тамара качается на носу лодки, а у меня волосы дыбом. Лодки, идущие неподалеку, старались приблизиться, пассажиры их что-то кричали нам и жестикулировали — видимо, хотели указать на какую-то опасность. Тамара взяла у меня весла и постаралась выровнять движение лодки. Но течение здесь было еще сильнее, и тщетно сестра боролась с ним — лодку относило все дальше, к водоворотам.

Вдруг лодку потянуло, и она стала крутиться. Мы с Верочкой, испуганные до предела, заплакали. Зойка что-то нервно кричала, а сестра беспомощно махала веслами. Чудилось, что нас вместе с

лодкой тянет вниз, под воду. В это время неподалеку появилась моторная лодка спасательной службы. То ли публика донесла, то ли они сами нас заметили. Они бросили нам канат, и мы все четверо за него ухватились. Лодку из водоворота вытянули и дотянули до берега.

Мокрых и униженных нас повели в жандармерию. На допросе за нас всех отвечала Тамара. В конце концов, все обошлось наставлениями, и нас отпустили. Никому из нас и в голову не пришло продолжить «прогулку». Надеюсь, что сестра теперь вылечиться от своих сумасшедших идей. Ведь такой урок получен! Да и нас ни за что заставила страдать из-за своей экстравагантной фантазии. А назавтра — статья в газете, со всеми подробностями... Дома нам здорово попало!

Волна японского угнетения разливается по всей Маньчжурии. От жестокого насилия, и морально, и физически, страдают больше всего китайцы. Да и русским достается. Одним словом, и те и другие остались без работы и прозябают в бедности. С русскими, мне кажется, обходятся снисходительней. Но, возможно, это только кажется. Если кто попадается японцам в руки, от азиатской жестокости не увернуться.

Дядя из-за них потерял работу и теперь работает у черта на куличках. Бедный, бедный дядя, как он устает! А мама придумала новый трюк: раздобыла где-то подписной лист и «побирается» по нему. Перед тем как отдать собранные вещи по назначению, то есть для бедных, мы их пересматриваем дома и что подходит берем себе. Вот и я, грешная, втянулась в эту игру и, без угрызений совести, надеваю подошедшие мне вещи. Мне необходимо быть прилично одетой, а это единственный выход, так что я маме прощаю.

Воскресенье, сегодня дядя отдыхает. Как он похудел и осунулся, бедный. Войдя в кухню, я застала его с ложкой, наклонившегося над кастрюлькой с собачьей едой. Он соскребал со стен кастрюльки и ел «чумизу» (самая дешевая крупа, низкого сорта). Бедный, бедный, бедный — святой человек!

А я, гадина, на всю эту трагедию закрываю глаза — окунулась с головой в романтику и ни о чем знать и думать не хочу...

Очнуться, опомниться и прекратить! Боже, помоги мне с собой справиться, стать серьезной и найти настоящую работу и помочь дяде, облегчить его судьбу.

На этот раз мое решение твердое: с утра пошла по городу и учреждениям искать работу. В течение недели рыскала, унижалась — и все безрезультатно. Дошло до того, что я заболела и слегла. Слава Богу, молодой организм крепок, и на третий день я опять стала двигаться. Во время моего отсутствия Кока приходил несколько раз. Он не поверил моим объяснениям, решил, что я хожу на свидания с другим, и устроил сцену. Как мне это было безразлично! Я так от всего устала, что даже не хотелось оправдываться. Мое безразличие так подействовало на его нервы, что он сказал:

— Ну и хорошо! И я не скучал. На вечеринке у Гали Вишневской я познакомился с прехорошенькой, ласковой Таней Андерс. Я много с ней танцевал, а потом проводил. Мы решили еще встретиться!

Я слушала его болтовню равнодушно. Перед глазами стоял бедный дядя, усталый и худой, с ложкой в руке, над кастрюлей, наполненной собачьей «чумизой».

30-Е СЕНТЯБРЯ (33)

День Ангела пресвятых — Веры, Надежды, Любви и Софии. Я подарила Наде бусы — единственное колье, которое имела.

19-Е ОКТЯБРЯ (33)

— Знаешь, — сказала мне Надя, — мой брат мне сообщил, что готовится огромный бал в Чинхэ (это большой пригород Харбина).

Я тоже слышала о бале, но это так далеко, что решила смириться и не мечтать. А Надин брат не пойдет — где-то очень занят в это время. Все же интересно бы сходить.

— Знаешь, Надя, это так далеко — мы никогда не доберемся. Да и опасно ночью. Надо забыть и смириться.

Мы рас прощались и разошлись. О бале мечтаю? Значит, на ногах держусь. А работа? Я собралась и опять пошла. На этот раз искала по пристани. Неожиданно рядом останавливается машина-такси и оттуда выглядывает знакомая голова — тот шофер, который отвез меня домой во время наводнения, всю мокрую.

— Ну как, поправились? — с широкой и доброй улыбкой спрашивает он меня.

Он вышел из машины, и у меня был шанс еще раз его поблагодарить. Завязался разговор. С работой он не спешил. Я воспользовалась случаем и спросила, знает ли он, где находится Чинхэ. Просто так, из любопытства.

— Конечно, знаю — и очень хорошо. Там живут два моих приятеля. А кстати, слышали ли вы, что послезавтра там состоится большой бал?

— Да, слышала, и мы даже с подругой говорили о нем, но не поедем — уж больно далеко от Харбина!

— И совсем недалеко на машине, — рассмеялся он. — Я с приятелем туда поеду, ну и вас с подругой прихватим. Ждите нас послезавтра, в семь вечера, около Чурина. Два или четыре человека — для машины это все равно.

Обрадованная, я его поблагодарила и сразу же побежала к Наде с хорошей новостью.

В назначенный день и час мы ждали у Чурина. Шофер, со своим приятелем, появился без опоздания. С ними мы можем спокойно

ехать. Полное доверие, парни без претензий и задних мыслей. Хорошие, честные люди.

Закоулки, переулки — и вот Чинхэ. В темноте разглядеть трудно, ну, как «городская деревня». И бал-то — как сельская вечеринка. И публика попроще, но прямее сердцем, а танцуют хорошо, и это для нас самое главное. Мы с Надей все время танцевали и не скучали. Кто-то познакомил нас с красивым молодым человеком. Мы даже удивились, встретив такого в этой обстановке. Он оказался Мишой С. Здесь же на балу ему был присвоен титул «Мистера Чинхэ» — за красоту! Этот красавец провел с нами всю вторую половину вечера. Он же отвез нас обратно домой и взял мой адрес. Было поздно — вернее рано. Надя ночевала у нас.

22-Е ОКТЯБРЯ (33)

Я получила письмо от... Миши! Я его еще не «раскусила», не знала, насколько он интеллигентен, но его красота мне лъстила, и я прочитала письмо несколько раз. Прочла и забыла на тумбочке. Пришел Кока и наткнулся на письмо. Прочитав его, он здорово рассердился и приказал мне:

— Немедленно пиши ему ответ! Во-первых, скажи, что пишет он неграмотно. А во-вторых, что твое сердце уже занято.

Меня забавляла Кокина ярость, и я ему пообещала, что напишу, но не сразу. Мне не хотелось терять знакомство с таким красавцем. Я ответила Мише довольно сдержанно, но ответ все равно получила — и с приглашением на свидание. Потом я немного затянула с ответом. А моя сестра, узнав как красив Миша, списала с письма его адрес и ответила ему за меня. Очернила меня, убеждала его, что я совсем несерьезная и предлагала свою дружбу. Просит держать все в секрете!

Не видя мою сестру и не зная ее, Миша ей ответил. Надеялся на что-то лучшее — ха, ха, ха. Попался на удочку. Мне он ответил коротким письмом, сообщая, что очень занят, а сестре написал, что у него много свободного времени. Его письмо я нашла в Тамарином дневнике, и секрет открылся. Первое письмо его я отнесла в Чураевку, и там, коллективом, мы исправили ошибки. Затем я вложила его в конверт с такой припиской: «Милый "занятый господин"! У вас нет времени на письма, а вы еще умудряетесь писать "на два фронта" — мне и сестре! Облегчаю вас, теперь пишите только ей! — Нина.»

А Тамара ведет свою политику и рассказывает Коке, что есть и чего нет. Кока всему верит, и отношения у нас странные. Я же, честное слово, устала от интриг и сказала Коке, чтобы он ко мне больше не приходил. И «ко мне» он больше не ходит, а приходит к Тамаре!

Сегодня пыталась найти работу у коммерсантов на китайской улице. Я была с Надей, и мы больше развлекались, чем искали.

Вглядываюсь — по соседнему тротуару идет Кока, с другом Димой (последнего в шахматных кругах прозвали «Е-2 — Е-4»). Кока нас заметил и торжествовал, когда к ним подошли две знакомых — девушки не ахти какие. Доказывал, что он все же с кем-то. Конечно, мне стало неприятно — мы с Надей без кавалеров...

И вдруг, откуда-то, на нашей стороне появился красавец Миша! Он остановился и поздоровался, а я так рада его появлению, что невольно улыбнулась. Завязался разговор, и мы все вместе пошли тихим шагом. И все на глазах у Коки! Я торжествовала. Миша, вроде как бы прося прощения, извинился и три раза поцеловал мне руку! Так все хорошо получилось. Но почему я придаю всему этому такое большое значение? Неужели Кока мне до сих пор не безразличен?

На следующий день пришел Кока — под предлогом повидать сестру. Я с ним не разговаривала, а Тамары не было дома. Тогда он написал ей записку и, обращаясь ко мне, сказал: «Синьора, передайте это Тамаре». Беря записку, я ничего не сказала.

И на следующий день он опять пришел, и на этот раз выразил желание поговорить со мной!..

— Сначала письменное извинение, а потом будем разговаривать! — потребовала я.

Кока не спорил и сразу же написал — конечно же, в комическом тоне. «Нина Георгиевна, приношу Вам письменное искреннее извинение за все (подчеркнуто). Н.З. 11-го Октябрь 1933 г. Харбин.»

Есть над чем посмеяться. Уходя, сказал, что не хочет оставаться во враждебных отношениях со мной. И я этого не хочу. Значит помирились — начинай сначала...

28-Е ОКТЯБРЯ (33)

Вечером пришел Кока и принес мне в подарок изумительное золотое колечко с настоящим драгоценным камнем. Боже! Я и во сне такого не видела, и мечтать не решалась. Значит, у него действительно сильное чувство ко мне? А я так счастлива — это первая настоящая драгоценность, которую я имела. Не могла удержаться, надела на палец и расхаживала по дому и хвасталась.

Эту ночь я спала с кольцом на пальце. Утром, умываясь, положила кольцо на полочку около умывальника. Отлучилась только на секунду, чтобы взять полотенце. Вернулась — а кольца нет!

Только мама вертелась около. Я горько заплакала и стала ее умолять вернуть кольцо. Мама наотрез отказалась, буркала что-то себе под нос, а я продолжала плакать и умолять. Вся семья стала на мою сторону, даже Тамара не могла простить такой дерзкий и низкий поступок. Мать собралась и ушла. Кольца больше я никогда не видела. Залжила она его или продала?..

Вечером пришел Кока. Нашел меня странной и болезненной, и без кольца на пальце. Спрашивает «где?». А что я могу ему ответить? Выдать мать — значит опозорить всех нас. Такая семья! Да и

за нее так стыдно и больно. Заплетаясь, я что-то наговариваю, а что — и сама не понимаю. Кока понял, что я что-то скрываю и вру, заподозрил самое ужасное. Как я его понимаю! Такой щедрый подарок, из-за него и себе отказывал в чем-то, а я все вру и вру. Слезы душат — а правды не говорю. Ну вот, опять ссора. Злой и обиженный Кока ушел. Вот уже несколько дней я не выхожу из дома и реву, а Кока не приходит...

16-Е НОЯБРЯ (33)

В дневнике большой пропуск. О чём писать? Кока не приходит. У меня из-за кольца угнетенное состояние: часто плачу. Как продолжать жить с такой матерью? Бессердечный, жестокий человек или просто сумасшедшая?.. Моя родная мать!

Первая в сезоне Чураевка. Я иду, чтобы как-то забыться. Со своими стихами выступали: Николай Щеголев, Алексей Ачаир, Миша Волин и Валя Мациевская. Кажется, что Миша сейчас за ней ухаживает, но ничего определенного сказать не могу. Никогда точно не знаешь, за кем он ухаживает и в кого влюблен. Такая уж поэтическая, туманная натура!.. Знаю одно — я стою за чертой его выборов.

А вот что случилось однажды: разговаривая со мной, он застенчиво поправил мои волосы и так же застенчиво взял мою руку. Я подумала: «Не в тихом ли омуте черти водятся?». Ха, ха — вот такой талантливый наш лунатик Миша!

В этот же вечер Наташа Спирина сыграла на пианино, Бабушкина спела, Сергин прочел доклад, Валерий Перелешин — стих.

12-Е ДЕКАБРЯ (33)

Пришел Кока, но о кольце не спрашивает. Хороший, чуткий. Наверное, догадался, в чем дело, или кто-нибудь рассказал ему о маминых проделках. Вечер. Сидим с ним рядышком на диване, радостно, приятно и спокойно...

— Знаешь, — обратился он вдруг ко мне, — давай теперь хорошо друг к другу относиться — без всяких историй и измен?

Я ему никогда не изменяла, и потому было легко согласиться. Единственное, что «будоражит» мое спокойствие, — я еще не рассказала ему про свои планы. Не хватает храбрости и не могу выбрать момент. Но надо же ему сказать, что мое пребывание в Харбине — временное, что все мои мысли направлены на Европу, а еще больше — на Америку! Если мне и случается отвлекаться с другими, так это лишь для того, чтобы время разнообразней и быстрее проходило и чтобы не привязаться к Коке еще сильнее.

Сижу с такими мыслями, усталая и сонная. Закрыла глаза. А Кока взял кусок бумаги и карандаш и меня зарисовал. Рисует хорошо — большой талант.

Последние новости: Америка признала Советский Союз! И теперь здесь, во всех советскихочных клубах и дансингах, разрешили танцевать фокстрот!.. Ха, ха — это разрешение выглядит наивной шуткой.

Коля пришел рано, я еще не закончила работу над заказом и, извинившись, продолжала трудиться. Кока вышел на двор, нашел какую-то досточку и сел около меня и стал вырезать шахматную доску. Подошла Тамара и стала с ним заговаривать, а Кока довольно сухо ей ответил:

— А вы лучше покажите свой дневник!

Она смущлась и исчезла.

Кокина фраза застрияла у меня в памяти. На следующий день я подождала, когда сестра ушла, разыскала ее дневник и прочла: «Кока мне нравится, и я могла бы его любить, но он зацелован девушками».

Вечером пошли с Кокой прогуляться, и за все это время я не сказала ему ни одного неприятного слова. Только прощаясь, когда он притянул меня к себе, чтобы поцеловать, я отклонилась и сказала:

— Ты зацелован девушками, как пишет сестра. Целуй ее — она будет рада!

— С ней старая история, и я тебе уже об этом говорил. А что касается других, так это чистая ложь. Зачем же тогда, перед тобой, я попросил ее прочесть дневник?

Это правда. Опять я придираюсь — а зачем? Просто хотелось «ущипнуть». Вот какая дура!

Оставшись одна, я опять задумалась. Ведь встречаясь с ним, день за днем, я все больше и больше привыкаю. А так как я твердо решила на «харбинских» не останавливаться, зачем же терять время? Вот придет завтра, и я ему все точно объясню. Отдам ему его пачку недокуренных папирос, 50 копеек, которые он мне как-то дал в долг, и скажу:

«Кока, я все как следует обдумала, у нас с тобой ничего серьезного быть не может, давай лучше не терять времени и разойдемся. Вот твои сигареты и 50 копеек — и адью! Все, что было, то прошло, что прошло, то будет мило».

Как легко сказать все это без него! Да и где я возьму 50 копеек? Ведь их у меня нет — значит надо подождать.

На следующий день пришла моя милая подружка Надя, и пригласила меня в кино. По дороге она мне рассказала, что наша бывшая соученица Зина Колобова сбежала с Колей Куницким. Что за секрет? Почему надо было бежать?

Чудесно провели с Надей вечер в кино. Мы такие любительницы американских картин.

Продолжаю ходить на Чураевку — такое «дыхание культуры». Я так далека от этого, но тянусь, тянусь, всей своей силой, чтобы охватить что-то, усвоить, понять. На чтение у меня времени совсем нет, а хотелось бы узнать многое. Иногда иду одна, иногда с Кокой. Когда же бываю где-то без него, начинает придиরаться, вроде ревновать, а ревновать абсолютно не к кому. Из за своего болезненного самолюбия начинает рассказывать мне свои похождения, думаю часто просто выдуманные. Вот и после прогулки с подружкой он начал:

— Знаешь, в то время как ты была где-то (подчеркнуто), я был на вечеринке у Лели Коврижкиной, где познакомился с хорошенькой девушкой из пансиона...

И т.д. и т.д. Мне приелись его рассказы, они так похожи один на другой. Я ему верна, но его подозрения делаются утомительны. Чувствую, что мы, хоть и непреднамеренно, удаляемся друг от друга.

Я подцепила ангину, и вот уже четвертый день в кровати. Болею ангиной часто, и она у меня почти всегда в сильной форме. Кока пришел навестить, а я так не люблю показываться в больном неопрятном виде. Я «зарылась» в одеяло и не показывалась. Коке надоела эта комедия, стал прощаться и взял мою руку, а я ее отдернула. Ушел рассерженный, трещина углубилась!..

Я начинаю поправляться и была в состоянии привести себя в порядок. Кока здесь, и я спокойно и внимательно его слушаю. А вот он вдруг опять начинает свою «волынку»:

— Встретился с Лидой Т., и мы с ней катались на лошадях!

Это опять его самолюбие. Или нарочно, или не хочет понять, что его похождения мне безразличны и только утомляют. А в общем, это ослабило мое чувство вины за то, что я не рассказываю ему о своих планах. Чувствуется, что расстояние между нами увеличивается. Может быть, это к лучшему? Всему бывает конец!.. Прощаясь, сказала ему, что не лучше бы было, если бы он совсем не приходил?..

20-Е ДЕКАБРЯ (33)

Кока опять пришел и, зная, что я его не жду, делает вид, что пришел к сестре. А она как раз с Кокиным другом — Володей. Ну, смеются, шутят вместе. Я на них не обращаю внимания. Перед уходом Кока хотел меня поцеловать — я отвернулась. Думаю: животное физическое чувство — оно проходит через физическую оболочку. Приблизишься, тронешь, поцелуешь и... — завибрируют, затрепещут все соответствующие органы чувств, которые совсем не подчиняются платоническим командам. А как было бы хорошо жить без тела — физической нагрузки. Парить в нирване, легкой и безгрешной...

Этот год оказался для нас трагичнее всех предыдущих.

В течение целого года накапливались беды и неприятности, и вот в самый Новый год — взрыв, и все провалилось! Один за другим идут кредиторы, кричат, скандалят, не уходят из дома, пока мы им не заплатим. А чем платить? Кое-как наскребли с сестрой у соседей и заплатили хлебнику и молочнику, а для остальных у нас нет.

Мама ушла из дома, дядя, с головной болью, у себя в комнате, а мы с сестрой отдуваемся. Уговариваем, умоляем кредиторов, унижаемся. Как это больно и противно! Когда последний кредитор ушел, мама вернулась. Но за ее отсутствие мы с сестрой придумали такой план: чтобы дядя ей не давал всю пенсию, а только половину, а другую держал для уплаты кредиторам. Мы с сестрой были в таком взвинченном и нервном состоянии, что выложили дяде наше решение открыто, перед матерью. Дядя согласился, с мамой же случилась чуть не истерика. Она бешено взбунтовалась!

— Что же, я больше не хозяйка в доме? «затычка»? — И, обращаясь к дяде, завопила со злостью: — А ты веришь этим стервам, слушаешься?

Мы с сестрой — в слезы. Никогда не ожидали услышать такого от родной матери.

— Да ты, Паша, не видела, как им было трудно уговаривать рассвирепевших китайцев! — заступился дядя за нас. Потом, страдая от головной боли, удалился в спальню. А мама накинулась на нас:

— Что вы от меня хотите? чтобы я руки на себя наложила?

Но мы знаем, что это просто чтобы запугать нас. Как низко и противно! Боже, неужели нельзя жить по-другому?

И вот, все одно за другим в этот несчастный 34-ый новый год!

Недаром японцы избегают числа четыре. У них четверка — «си» — произносится как «смерть»!

Мамины нападки и крики были остановлены приходом китайского полицейского. Опять мама что-то натворила, и опять надо платить штраф! И так как денег у нас не оказалось, полицейский увел мать в участок.

Тамара сразу же побежала в сыск, где иногда работала. По рекомендации начальника Никифорова, персидский ростовщик одолжил сестре деньги и без процентов. Сестра сразу же заплатила деньги в участке и увела маму домой.

В доме у нас стоит удушливо-болезненная атмосфера, а русские «визитеры» продолжают «шататься» по городу и праздновать. Любят покушать и выпить. И еще заметила свойство русской натуры — не умеют экономить. Сегодня деньги есть, а назавтра — ничего. Мы довольны, что к нам никто не пришел. А через день появились Кока

с Володей. Приглашают нас с сестрой на бал. Мы с радостью согласились, и на этот раз пошли все четверо — вместе.

На балу мы с сестрой сделали огромную оплошность — разрешили себе протанцевать с другими кавалерами!. Я заметила, как недовольный Кока перешептывался с Володей, а когда вечер кончился, провожая нас, они решили нам дать урок.

— Послезавтра, — сказал Володя, — мы уезжаем с большой, опасной миссией на несколько дней.

— Вернемся ли, — добавил Кока.

Мы с сестрой прислушались — выдумали они эту глупость, чтобы нас проучить? Однако они продолжали очень серьезно говорить об оружии. Затем добавили:

— Если вы не верите, послезавтра, в восемь утра, приходите на вокзал нас проводить.

Это уже было похоже на правду. По Маньчжурии и Харбину часто ходят слухи, что русская молодежь присоединяется к китайским партизанам и вместе с ними воюют против японцев. Часто сражения заканчиваются трагично. Неужели Коля с Володей решились на такой шаг? В нас стало зарождаться беспокойство за них, страх.

— Конечно, обязательно приедем, — поспешили мы заверить кавалеров.

Перед сном я усердно за них помолилась и даже заплакала. А что если это правда? Через день, рано утром, мы были на вокзале. И на самом деле, Кока и Володя, с какими-то подозрительными свертками, сели в поезд.

Прошло несколько дней, потом еще несколько. «Милые» не возвращались.

А в городе по-старому продолжались вечера и танцульки. Кто-то пригласил Тамару, а я не решалась и сидела дома со своими грустными мыслями.

Наконец, кавалеры вернулись и пришли. Я старалась быть ласковой с Кокой, а вот у сестры с Володей что-то не клеилось. За этот перерыв кто-то донес Тамаре, что видел Володю несколько раз в компании одной девушки.

— Девушка с плебейской внешностью, — злобно бурчала сестра.

На улице я встретила девушку Оксакову, которая, после трехлетнего пребывания в Шанхае, приехала навестить родителей. О, как она изменилась! здорово похорошела, с заграничным лоском, одета по классу «люкс». Как «заграница» меняет людей, и как я ей позавидовала! Когда же наконец настанет мой час?

Следующим вечером, закончив работу, опять пошла к Чурину. Нужно же похвастаться обновкой, а потом у меня свидание с Геннадием. А у Чурина уже прогуливается четверть Харбина. Проходит мимо Кока. Отозвал «на минутку» поговорить, а «минутка» растянулась на полчаса. Подходит к нам сестра и громко сообщает, что на другом углу меня ждет Геннадий!

— Пойдем к нему вместе! — почти скомандовал Кока.

Я встречалась с красавцем Геной в надежде отдалиться от Коки, забыть его. В тот раз его поведение возмутило меня. Расстроенная, я оставила их обоих и ушла домой. Засела писать дневник. Вечер теплый, и окна открыты. Наша кошка прыгнула из сада на подоконник, а в пасти у нее воробышек. Отняла я у нее пораненную птичку и стала лечить, но оказалось — поздно. Вот как — один момент и нет жизни!..

Сестра приглашает меня выйти с ней. Редко, но случаются такие порывы. Значит у нее несколько копеек. Я люблю так выходить и знакомиться с совсем незнакомыми мне кварталами Харбина. Следую за сестрой, как слепая: ни на что не обращаю внимания и не запоминаю улиц (такая привычка мне здорово вредила с ранних лет). Люблю так вдруг очутиться в незнакомом районе. Мне представляется, что я попала в новый неизвестный мне городок. Сестра завела меня на Пристань, к дансингу «Четвертая крыша». Как она все это знает? Сама я ужасно боюсь таких мест и пройти внутрь отказалась.

- Что ж ты будешь делать?
- Буду гулять по Китайской улице и здесь тебя подожду.
- Дура, — рассердилась сестра. — Сколько же времени тебе придется ждать? Вот тебе деньги на такси — возвращайся домой.

Я так и сделала, потому что уже устала. В такси поглядывала в окно, и вдруг... по соседнему тротуару — Кока под ручку с Женей! Обидно и больно. Измена. Но не сама ли я этого хотела? «Собака на сене» — ни себе, ни другим. И все равно как-то не по себе. Мутит от злобы! Однако сну это не помешало. Но когда проснулась, снова накатила злость.

22-Е АВГУСТА (34)

С Кокой не встречаемся. Жизнь тянет однообразно и ничего сверхъестественного не случилось: ни убийства, ни землетрясения, ни пожара, а выдумывать для дневника, чтобы поинтересней, — не хочу. Дневник у меня будет правдивый. С Кокой давно не встречалась, но вижу его с другими девушками. Чего же вздыхать? Сама я этого хотела, это же мой план: хотела быть свободной; с кем хочу — гуляю и танцую. А все равно иногда думаю о нем.

4-ОЕ СЕНТЯБРЯ (34)

Вчера был мой день рождения — прибавился еще один год! Дома опять не все в порядке — мама за квартиру задолжала, и мы обязаны переехать. На этот раз у нас с сестрой опускаются руки: сдались, искать новую нет сил. Безвыходно, безнадежно...

Мама нас больше не ждет, у нее свои идеи. Вернувшись вечером, она нам сообщила, что сама нашла большую квартиру и

совсем недорого. Потом добавила: «И дяде ходить будет недалеко». Мы сразу же поняли: у черта на куличках. И не ошиблись — так и было. Квартира в Старом Харбине! Боже, сколько верст даже от Модягоу.

Мы с сестрой знали, что после переезда в «город» не скоро попадешь. Решили с Тамарой «надышаться перед смертью». Она стала чаще выходить одна, а я заходила за скромной Верочкой, живущей по соседству. Верочка хорошенькая, воспитанная девушка, но тоже из очень бедной семьи. И она, и ее младшая сестра Надя обязаны работать. Верочка мне сказала, что работает продавщицей в магазине, а я знала, что она на самом деле официантка в Яхт-Клубе. Ну и что же? Никто не имеет права ее обвинять в такие тяжелые времена. Да и официантка — вполне уважаемая профессия. Все зависит от того, как себя вести.

А вот насчет ее младшей сестры — не все понятно. Одевается изумительно, явно с деньгами, держится уверенно, независимо. От кого-то я услышала, что она живет с богатым китайцем. Обидно, но это тоже ее дело. (После многих, многих лет мы с ней встретились в Тяньцзине, но об этом — позже.)

Прогуливаясь, Верочка мне рассказала, как Петька-«колбасник» (Харбинские отбросы — и такие существуют) приставал к ней и как она дала ему пощечину. Вот молодец! А ведь этот же Петька налетел на Коку у Чурина.

— А ты знаешь, — сказала она мне однажды, — моя сестра Надя позавчера попала под автомобиль и сейчас в больнице — с раздробленной ногой.

Так жаль бедную, хорошенькую девушку.

Где и как познакомилась я с поэтом Виктором С.? Припоминаю, что в Чураевке. Виктор — младший брат поэта Валерия Перелешина, кажется, сводный. Приятной внешности, скромный, серьезный молодой человек, с которым приятно провести время. Встретились мы с ним и вместе пошли на собрание Чураевки. Кажется, сезон еще не начался, а поэтов собралось много. Здесь же и брат Виктора — поэт большого таланта. Но какая разница в характере этих братьев!

Валерий — в компании поэта и критика П.П. Лапикена — ехидного, циничного человека (видимо, гомосексуалиста). Кажется, что Валерий всецело под его влиянием. Почему же такой умный человек подпал под влияние язвительного циника? Неужели из-за своей непривлекательной внешности он мстил всему миру и окружающим? Восхищаясь его талантом, я стараюсь быть вежливой и доброжелательной, а он, подойдя, продолжает ехидничать и придиরаться, несмотря на присутствие своего брата. С ужимками, несильно, но все же больно, ущипнул меня в руку и запищал:

— Ах, противный, отстань, не щипись! Все мужчины — «щипчики»!..

А Лапикен рядом — наблюдает, улыбается и будто одобряет. И Валерий, посматривая на него, гордо посмеивается! Мне до слез

обидно, хочу остановить шутника, ответить, поставить на место, но не решаюсь. Знаю, что у меня не хватит культуры остроумно обрезать его. Виктор, зная характер своего брата, не вмешался. Мы вместе решили не связываться со «злом» — оставили Чураевку и ушли. Подходим к дому — неожиданный сюрприз. На скамеечке сидел Кока с той же хорошенькой Женей. Как странно, почему он выбрал место около нашего дома? Будто в Харбине скамеек не хватает.

15-Е СЕНТЯБРЯ (34)

Настало время — мы переезжаем в Старый Харбин. Жизнь меняется, ничего не поделаешь.

Нескончаемая дорога. На огромной арбе, нагруженной мебелью и шмутками. Наконец, мы остановились. Против огромного пустыря, через немощенную дорогу — длинный, деревянный крестьянский дом, с соломенной крышей. На наружной стороне, перед окнами — небольшой палисад с решетчатой оградой. Остальная, большая часть дома, с огромным двором, обведена высоким тесовым забором. Половину дома занимают хозяева — русские крестьяне, а другую половину заняли мы.

В самом дальнем углу двора — небольшая китайская фанза, флигель, который забит многолюдной семьей китайцев. В глубине двора — амбары, конюшни, сараи. Несколько лошадей, несколько коров. По двору хрюкают свиньи. Неимоверное количество домашней птицы. По всему двору — солома, навоз, неимоверная вонь от которого лезет в приоткрытые окна. Единственное преимущество — достаточно места для всех наших собак и кошек.

Мне сразу пришло в голову: здесь я заплесневею!

Первые дни были заполнены размещением, раскладыванием и уборкой. Потом несколько дней подряд шел дождь, было холодно, и все это время я проработала дома. Сегодня, наконец, выглянуло солнышко, и стало веселей. Сидеть дома уже невмоготу. Принялась и пошла исследовать окрестность.

Против нашего дома, через дорогу, начинались огромные пустыри, частично перемешанные с огородами. И все это поднималось гигантским холмом до самого горизонта. На вершине холма диковина — огромная, старая, наполовину сгнившая мельница. Ее здесь оставили, вероятно, из жалости, как старинный памятник. За мельницей продолжались огороды и пустыри. Вернулась к дому и от него, по широкой, плохо мощеной дороге, пошла направо, к постройкам, домишкам, напоминавшим село, к центру знаменитого Старого Харбина...

Хотелось плакать — сколько времени придется здесь прожить? Дорога разветвлялась и своими «притоками» вливалась в улочки. Выбрала из всех улиц самую большую, лучше мощеную, и пошла по ней. Пошла без плана и цели, куда глаза глядят. Вдруг неожиданно,

перед самым носом, вырос большой деревянный дом в стиле барака, а на нем вывеска: «Клуб». Меня так это заинтересовало, что я вошла внутрь и у симпатичного пожилого сторожа спросила, что здесь и как. Он мне любезно объяснил, что членами клуба могут быть те, кто живет в Старом Харбине. Собираются члены клуба только по вечерам: кто работает, кто учится, есть много студентов. Вот как? а я-то думала, что все население состоит из крестьян и «коровников». Да еще такая странность — на улице я почти никого не встретила, если не считать женщин крестьянского вида и двух неопрятных мужиков. Приду вечером — познакомлюсь.

Мама уже давно перестала ко мне придираться — не обращала внимания, как я причесываюсь и даже немного подмазываюсь. Ведь мне уже 19 лет. Подмазываться мне приходится не настоящей косметикой, а тем, что есть под рукой: обгорелый уголь и красная, гофрированная бумага с цветочных горшков!

От Коки ни слуха, ни духа. Надо обязательно развлечься, чтобы легче забыть. Итак, я пошла. Пошла одна, Тамара с нами не переехала. Она нашла работу — билетершей на автобусе (в частной компании) и сняла комнатку у Пакиних — жена с мужем, имеющие «Винный погреб» на границе между Модягоу и Новым городом. Молодец. Может быть, и у меня будет шанс иногда попользоваться.

Для меня началась новая жизнь, новые знакомства. Я в клубе. Записалась в члены и познакомилась с «молодняком». Девушек мало. Только одна — Лида — показалась мне интересной. Среди молодых людей — студентов — интересных можно сосчитать по пальцам, но чтобы узнать ближе и лучше, потребуется время.

Мы здесь уже больше месяца. Уже месяц сестра работает на автобусе. Она получила жалованье и, не забыв мой день рождения, купила и принесла мне небольшой подарок: флакон одеколона. О чем я и мечтать не решалась. Да и семью она не забыла и принесла что-то для каждого. Вот и сердись на нее!

Завтра в Х.С.М.Л. — большое баскетбольное состязание. Для меня в этом мало интересного, но, так как вся молодежь только об этом и говорит, захотелось пойти, посмотреть. Пугает далекий путь, а единственный способ передвижения, который нам по карману, — китайская коляска-драндулетка, да и ее надо делить с другими пассажирами, преимущественно китайцами. Охота пуще неволи, и, несмотря на поздний час и страх, я все же решилась.

А что если в попутчики попадутся хунхузы? Я сразу себя успокоила: хунхузы не станут воровать бедных пассажиров с драндулетки, они охотятся за богатыми коммерсантами и людьми с деньгами. Дорога длинная, но ничего не случилось, и я слезла, где мне надо. До училища дошла пешком. Неожиданный сюрприз: встречаю Гену.

— Я срочно должен лететь в Шанхай — моя сестра опасно заболела, — грустно сообщает красавец.

— Да, еще одна неприятность: на днях мы в компании подпили, где-то подрались, полиция нас задержала и временно запретила уезжать. Значит, в ближайшее время нам не удастся встретиться. Но зато потом... Как мы весело проведем время! — решает он за нас двоих.

Мне неприятно слушать болтовню — как-то она не вяжется с его красивой внешностью.

Я здорово похудела. Совсем нет аппетита. Каждый день одна и та же еда: картофель, капуста и хлеб. Очень редко и скучно что-то прибавляется к этому. Пересилю себя и буду есть хотя бы это. Нельзя превращаться в лучинку. При нашей последней встрече сестра мне сообщила, что одновременно с работой на автобусе она находит время помогать в сыске.

— Какая же у тебя там работа? — спросила я, расхрабрившись.

— А ты читала газету? Юлька и Маргарита опять попались. Их задержали в кино «Ориант». Так вот, их «дело» поручили мне! И мне — нам — удалось их задержать перед самым отъездом — побегом в Шанхай.

Опять Шанхай! Шанхай, Шанхай, слышу я ото всех непрерывно. И во сне вижу, и наяву брежу. Так сжилась я с этой идеей, что на днях у Чурина «назвонила» знакомым, что скоро уезжаю! Ну, не дура ли? Какие будут последствия?

С Надей мы больше не встречаемся. Она во мне разочаровалась из-за романа с Кокой. И правильно. А теперь еще так далеко живем. Выходит она теперь со своей новой подружкой, Тамарой, и мне это обидно до слез.

Вчера в Харбин приехали из Голливуда представители американской фирмы «Метро Голдвин Мейер». В газете была заметка, сообщавшая, что они только что «вернулись из плена». Какого плена? Не были ли они в плену у хунхузов, которые требуют невероятные суммы в качестве выкупа? И кто платил выкуп?

Чтобы узнать подробности этого дела, я раздобыла у соседей газетку и прочла ее от начала и до конца. Ничего не поняла — похоже, что о главном автор умалчивал. Зато нашла в газете объявление: приглашали партнерш для танцев в дансинг «Модерн». Плата очень высокая — 70 го-би в месяц! Как соблазнительно, и какая помощь дому. Ведь я теперь хорошо танцую. И все же — нет. Нет и нет. Не могу себе позволить из-за денег обниматься с кем угодно! Подожду и потерплю еще немного.

Опытное поле от нас недалеко, и дяде гораздо ближе ходить на работу. Но все равно он устает, и у него часто болит голова. Хотелось бы мне выучить английский язык, и в этом только дядя способен мне помочь. Но мне жаль его, усталого, я не решаюсь его беспокоить и изучаю самоучкой. Как-то «кумекаю» по-своему, но если заговорю, вряд ли кто-нибудь меня поймет.

Тамара, с ее слабым здоровьем, тоже устает на работе. Целый день трястись в автобусе — как она еще держится?

А вечером сюрприз для всех: мама вернулась не одна, а привела с собой «простачка» — мальчика Алешу, ровесника нашей Танюши. Мама нам объяснила, что отца у Алеши нет, а мать сошлась с другим, который не переносит присутствия мальчика. Мать где-то работает и будет нам столько-то платить за сына. Значит Алеша остается жить у нас... «Не было у бабы забот, так купила баба поросенка.»

Сегодня в Харбин, под неимоверно большой охраной, приехал император Пу-И. Публику на улице останавливают и проверяют бумаги и паспорта. Собак всех заперли или привязали во дворах. Нам, молодым, рекомендуется не выходить, потому что у нас еще нет бумаг. Ужасно интересно!

К вечеру как-то улеглось и успокоилось, и много молодежи выбралось в город, посмотреть на перемены. Я взяла драндуплетку и «докатила» до самого Чурина. На мое несчастье, встретила Тамариного бывшего кавалера, который ко мне привязался и настаивал на том, чтобы я примирila его с сестрой. Бесцеремонный и надоедливый — трудно от него отделаться. На мое счастье спас меня знакомый Женя Ю. — увел от приставалы. Мне был приятен такой героический жест Жени и хотелось узнать, что толкнуло его помочь мне. Показалось даже, что я ему очень нравлюсь. Не влюблен ли?

Женя пригласил меня пройтись около Чурина, на что я с радостью согласилась. Пройдясь один раз, стал упрашивать « зайти за дом». В его жестах и голосе появилась какая-то нервозность. «Это еще что?», заинтересовалась я. Зная, что молодой человек корректный и ничего лишнего себе не позволит, я согласилась. Мы остановились у слабо освещенного черного выхода. Здесь мало движения, а публики совсем нет. Женя извинился, резким движением вытащил из кармана небольшую бутылочку с водкой и жадно заглотал содержимое. Вот так кавалер! Мои романтичные грэзы разлетелись. Я укоризненно на него посмотрела и рас прощалась.

Возвращаясь домой, встретила группу молодых людей. Юноши и девушки оживленно разговаривали. Я присоединилась к ним. Темой разговора был брак. Кто-то был «за», кто-то — «против». Я горячо отстаивала официальное бракосочетание. Но в душе знала, что пока это не для меня. Чем позже, тем лучше. В то же время за мной увиваются разведенные мужчины. Я против развода, а вот разрешаю им со мной кокетничать и говорить комплименты. Для чего? Просто для приятного щекотания нервов? Это не оправдание.

Дома. Приведенного мамой мальчика Алешу мы записали в школу, вместе с нашей Танюшей, с первых же дней занятий. У Тани сразу дела пошли хороши, а бедный Алеша никуда не годится: отсталый, ничего не соображает. Может быть, он с рождения недоразвитый? Но мама сегодня, с важным видом, заявила, глядя на Алешу:

— Я из этого мальчика сделаю человека!

Ха — она сделает из него человека? Когда? Ведь ее нет дома с утра до вечера, а над Алешей бьемся мы с Танюшой.

После многих дней сидячей работы дома не выдержала — собрала последние копейки, села в драндулетку и добралась до Модягоу. Решила пройтись по знакомым кварталам. Возвращаясь по Церковной улице, встретила Аркадия Вятича, с незнакомым Гришой Т. Познакомились. Гриша оказался симпатичным, воспитанным молодым человеком, приятной внешности, но совсем не моего типа. Несмотря ни на что, мне было приятно с ним поговорить.

Аркадий ушел на свидание, а Гриша вызвался меня проводить. Узнав, что я живу далеко, нанял такси. Пока мы стояли и болтали у ворот, такси его ждало. Повидимому, в деньгах не стеснен! Прощаясь, просил разрешения придти завтра. Так далеко, «на другой край света»? Ведь он живет на Пристани! Ну, если так захотелось, пусть приходит.

Этот период назову периодом «Гри», потому что имя «Гриша» звучит хуже. Итак, на следующий день, к вечеру он уже здесь. В дом его не приглашаю — стесняюсь обстановки. Погода прекрасная. Пошли прогуляться по кварталам поблизости от дома. Плохо мошенные, пыльные и грязные тротуары и дороги, низенькие деревянные домишкы и китайские фанзенки. Впрямь, похвастаться нечем! Даже стыдно, что живу в такой трущобе. А вот Гри эта обстановка совсем не смущила, и он стал приезжать ко мне почти каждый день.

Привез и подарил мне свою фотографию. Я заметила, что на карточке его волосы гладкие, а здесь — вьются. Да какое мне до этого дело? Главное, нашла симпатичного собеседника и, кажется, друга. Узнала, что у его родителей, на Пристани, большая рыбная торговля и что он помогает отцу, стоит за кассой. Оказалось, что и он пишет стихи. Еще один поэт? Но сначала надо познакомиться с его творчеством. Приезжает — прогуливаемся — уезжает. Мне с ним спокойно и просто: не назойлив и никаких намеков на поцелуи. Не то что было с другим!

А вот сегодня — сюрприз! Неприятный, неожиданный сюрприз. Стоим у калитки. Гри вдруг мне говорит:

— Нина, вы такая красивая, вам совсем не стоит подкрашивать ресницы!

Бац — как ушатом по голове! Вот вам «тактичность и воспитанность»! Даже сразу не нашлась, что ответить, но потом вспомнила про его фотографию и сказала:

— Я девушка, и это нормально. Другое дело, когда мужчины завиваются. А если вам не нравится — нечего приходить.

Я повернулась и хотела уйти. Гри смущенно меня остановил и стал извиняться:

— Да я совсем не хотел вас обидеть. Простите пожалуйста! Да и как бы вы ни выглядели, я вас уже люблю!..

Вот тебе и фунт изюму. Чувствовала, что ему нравлюсь, но ничего подобного не ожидала. Как бы там ни было, его замечание

оставило след. Прощаясь «до завтра», я его не пригласила, а сказала, что буду занята некоторое время и что дам знать потом.

Сейчас сижу и пишу, а Танюша просит меня снять с гвоздя ее скакалку — подвешена высоко, а она еще не доросла. Милая, маленькая сестренка. Продолжаю. О, как в этом захолустье скучно и монотонно. Даже в клуб не решаясь пойти вечером: ходят слухи, что в нашем районе появился «Джек-потрошитель» и будто уже зарезал одну девушки и ранил другую!

Пришла Тамара нас навестить. Рассказывает, что была в Х.С.М.Л. на... боксе. Удивляюсь, как ее может интересовать такой спорт. «Мордобитие»! Соревновались два известных харбинских боксера: «Валло Спид» и Голдобин. Боксировали свирепо. Тамара ревела, а около нее еще сильнее ревела Танечка — невеста «Валло Спida». Нечего сказать, большое удовольствие! Бокс закончился вничью, будет повторение. Будут бить морды во второй раз, и девчонки снова будут реветь. Преогромное удовольствие, за вход платите большие деньги!

Гришу я не вижу и не приглашаю, и он решился мне написать. Послал заказное письмо по неверному адресу. И откуда он его взял? «Главная улица, № 1, Старый Харбин». (Вроде как «на деревню дедушке».) Письмо вернулось ему обратно с пометкой, что такого адреса не существует. Самое замечательное то, что я и сама нашего адреса не знаю.

Через два дня я нашла письмо, без марки, прямо в нашем ящике. Наверняка сам его привез. Письмо написано рифмой — прямо-таки новый Гумилев или Есенин. Переписываю для смеха:

Хэлло, Нинон, как поживаешь? Кого теперь ты забавляешь?
Все так же красишься иль нет?

(Вот холера, продолжает настаивать)

А впрочем, дай мне ответ

(перебой, нехватает тактики и дипломатии)

О том, о чём сама желаешь. Я буду рад, Нинон, всему,
Что ты бы мне ни написала и как бы мило ни...

(проситься слово «согласа»).

Конечно, ты там не скучаешь, но я, Нинон, поверь сему
Лишь о тебе одной мечтаю и от любви изнываю

(перебой).

Меня вчера ты обманула и на свиданье не пришла

Быть может, чувство уж заснуло, или другого ты нашла?

(Ну что за дерзость — какое еще «чувство»?)

Зачем, к чему обманывать, Нинон, и игнорировать часы
свиданья?

Хотя ты и хорошенъкий бутон, но не люблю я ожиданья.
Ведь ты могла предупредить меня о том, что ты уедешь.

Могла ты также и спросить: «Когда, мой маленький,
приедешь?»
Но ты, как больно вспомнить, с каким-то типом
промелькнула
И мимоходом, так сказать, своими глазками скользнула.
Ты, может, скажешь, что неправда. О нет, друг милый,
только правда.
Я знаю хорошо твои ресницы, глазки и брови с месячной
окраской (попала шлея под хвост).
P.S. Прости ты за письмо мое, все это писал
ведь о тебе скучая.
Скажи, скажи, когда смогу увидеть тебя, Нинончик,
дорогая? (Как я не любли — Нинон.)

Гриша Т.

А в это время меня ждет Виктор, а он на самом деле — посеръезному — тактичен. А в общем же, все они «хорошие ребята», хорошие друзья, а от романтики я так далека — встречи «платонические», и даже намека на поцелуй нет. Что же их удерживает около меня?

При встрече Виктор мне сказал, что собирается драться со своей группой друзей против другой группы. Причина, определенно, политическая. У молодых, как у петухов, — потребность драться. И предотвратить это не в моих силах. А Виктора жалко.

У меня красивые, мелкие, белые зубы, и я бережно занимаюсь своей внешностью. А порывистой глупости в голове полно: из табурета торчит гвоздь, так вместо того чтобы взять клеци, я стала вытягивать его зубами... Послышался треск, а когда посмотрела в зеркало, на переднем зубе — трещина. Дура!

Сегодня Гриша меня подкараулил и пошел провожать. Всю дорогу он декламировал мне стихи, посвященные мне, и сказал, что несколько стихов он отоспал в редакцию журнала «Рубеж» и что их у него приняли. Ну и хорошо. Если это правда, стихи должны быть посеръезней тех, которые он посвящает мне. Желаю ему успеха.

Пришла Тамара.

— Сегодня у меня выходной день, буду у вас ночевать, — сказала она.

А через несколько минут пригласила меня поехать в «Весь Мир» потанцевать. Вечер прошел хорошо, но не нашлось никого, кто бы предложил нас проводить. Пришлось сесть в драндулетку, где третьим пассажиром оказался китайский полицейский. Было поздно, и на протяжении всей дороги полицейский и кучер давали нам наставления: «Молодым девушкам одним опасно передвигаться так поздно и далеко». Так с наставлениями довезли они нас до самой калитки дома. Мы их поблагодарили — хорошие китайцы. Знают ли они, что столько русских выступают за Маньчжурию, как за свою родину?

Калитка и ворота заперты. Забор плотный и очень высок. Звонить в колокольчик, будить сына хозяев не решались. Бедный малый работает много со скотом и устает за день. Собаки нас узнали и не лают. Мне с неимоверным трудом удалось перелезть через забор, и я открыла калитку сестре.

Утром пришла дама и заказала мне нарисовать две подушки. Я сразу же засела за работу и быстро закончила. На одной подушке — голова тигра, а на другой — ветвь цветущей яблони. Понесла заказы сама и по дороге размечталась: вот бы еще несколько таких заказов, и купила бы подержанный велосипед. А то ведь так далеко до центра! И копить надо долго. А что сделать в первую очередь — запломбировать зуб или купить велосипед?

Танечка учится на пятерки, а с Алешей — катастрофа. Но мама продолжает твердить, что «сделает из него человека». Несмотря на нашу бедную жизнь, мальчик к нам привык и привязался.

На днях, возвращаясь к себе с работы, Тамара встретила Коку с Зиной. Зина спросила:

— А где же Нина? Мы ее совсем не видим.

Сестра ответила:

— Уехала в Шанхай.

Зина удивилась, а Кока саркастически улыбнулся — не поверил.

Поздно. Пишу дневник, а все домашние сердятся — трачу электричество и мешаю спать. Столько сейчас работы с заказами, что на записи не остается времени. Надо обязательно ответить Грише. В его письме столько чувства и любви — нельзя обижать мальчика. И обязательно ответить Виктору. Он тоже «хороший малый» и, кажется, из-за меня поссорился со своей приятельницей Зиной. Я в этом не виновата.

Ходят слухи, что наши девушки-волейболистки в Х.С.М.А. на Олимпиаду не поедут — «проштрафились». Не были готовы в 20 минут — положенное им время. Так решили организаторы-китайцы. И вдруг, по какой-то причине, было повторение, и «наши» девушки выиграли! Почему я пишу «наши»? Они же советские. А все же свои — русские.

В это время я была в городе, и меня застал дождь — катастрофа для моих волос. Х.С.М.Л., а здесь как раз тренировка волейболисток. Вдруг мне стало так завидно. Захотелось быть спортивной и принадлежать к какой-то спортивной группе. Однако, подумав серьезней, я пришла к заключению, что нельзя хвататься за все. Надо выбрать одно и в этом совершенствоваться. Мой выбор — танцы!

24-Е СЕНТЯБРЯ (34)

Очень много пропустила. Гриша часто с Пристани приезжает сюда, и я не всегда готова, а такси долго ждет у калитки. Сколько

это ему стоит? Ну ладно — работает в отцовском магазине за кассой, и все же...

28-Е СЕНТЯБРЯ (34)

Вечером свидание с Геннадием. Люблю с ним встречаться — он такой красивый, и это мне льстит. Люблю с ним рисоваться перед другими девчонками. Встретили Володю Ж. с Ниной А. А хотелось бы встретиться с Кокой, чтобы он увидел Гену. Опять Кока? Почему? Неужели он мне не безразличен? Глупости, просто тщеславие.

Дома мне удалось уговорить дядю Сашу заниматься со мной английским два-три раза в неделю. Он так занят и устает — и все же согласился. Я ленива, пуста, но теперь надо приложить все силы и не разочаровать дядю. Два дня я работала как каторжник и збурила английский язык. А на третий день пришла Тамара и увела меня в «Весь Мир» на танцульку. Моя бывшая подружка Надя была здесь же со своей новой подружкой. Как глупо — мы с ней в ссоре и даже не здороваемся, и все это — из-за Коки. Столько было хорошего между нами, так хотелось бы помириться, чтобы все шло по-старому. Так нет — сидим каждая в своем углу и дуемся.

Какой-то юнец пришел с огромной живой змеей на шее. Танцевал так и рисовался. А через несколько минут я увидела нашу Тамару с этой же змеей. Она тоже носила ее на шее и рисовалась. Вот в этом наша Тамара всецело.

У нас в Старом Харбине молодой продавец-китаец из соседней лавочки выразил желание изучать русский язык и предложил мне с ним заниматься. Я с радостью согласилась. Несколько лишних копеек кстати. Первый раз он пришел один, а второй раз — с приятелем. Первый ученик принес мне в подарок пару шелковых чулок, чем смущил меня ужасно. Они стоят так дорого. Ну, взяла, поблагодарила и думала, на этом дело закончено. Однако на следующий урок он пришел опять с подарком — хорошенъкий, шелковый шарфик. Я даже испугалась — а что если он все это ворует в лавочке? Нашла какую-то причину и отказалась ему в уроках.

Сестра нас всех перепугала — у нее сильно раздулась нога. С ней всегда что-то случается. Она и сама переполошилась и побежала к доктору. Оказалось, что какое-то насекомое ее укусило. Несколько примочек, мазь, и через два дня все прошло.

К вечеру, закончив работу, бегу в клуб. Убить время как-то надо, но мое будущее — не здесь. В большинстве члены клуба — земледельцы или скотоводы, совсем простые парни. Конечно, духами не пахнут. Стараюсь относиться к ним справедливо — надо уважать такой труд. А все же танцевать с ними не хочется. Наряду с ними

— несколько культурных студентов, и даже очень приятной внешности. Есть из кого выбрать, чтобы провести время приятно.

Вчера на пустырь неподалеку от нашего дома упал небольшой аэроплан — китайский или японский. Я не побежала смотреть, была в неопрятном виде. Но в толпе любопытных заметила Костю и Шуру из клуба, потом спрошу у них. Гришу я избегаю — он сердится и он прав. Тамара встретила его у Чурина, и он пригласил ее к себе и показал свою комнату. На потолке которой, якобы, была нарисована я. Портрет или во весь рост? Возможно, Тамара солгала. Но с какой целью?

Сегодня я написала одна всю «Стенгазету» для клуба. А в клубе возбуждение: все только и говорят о предстоящем конкурсе на звание «Королевы Старого Харбина». Я взбудоражилась тоже — среди местных девушек у меня неплохие шансы.

Сегодня младший сын хозяина дома сильно ударил камнем собачку Маську. Удар был силен, и собака еле отошла. За это паршивцу здорово попало от мамы. И как только земля носит таких злобных выродков?

3-Е ОКТЯБРЯ (34)

Вчера в Чураевке был знаменательный вечер в честь великого мыслителя и ученого Н.К. Рериха. Он также художник большого таланта и политический деятель. Мы с сестрой побежали, возбужденные, и нам посчастливилось познакомиться с великим человеком. Познакомила нас с ним добрая Галина Ачайр, жена поэта Ачайра. В первую минуту ученый принял нас за близнецов. Значит, все же есть сходство? А я-то считала нас такими разными.

К моему большому удивлению, ни Коки, ни Володи не было. Зато был ехидный критик Лапикен и, как всегда, около него крутился его преданный друг — поэт Валерий Перелешин! Валерий, с глупой гримасой, посыпал мне воздушные поцелуи, а Лапикен хихикал. Моему терпению пришел конец. Я набралась храбрости, подошла к Валерию и сказала:

— Если вам так хочется меня поцеловать, так целуйте сейчас же и по-настоящему!

Надо было видеть, как он смущился и сжался. После этого они оставили меня в покое. А когда мы случайно встречаемся с Валерием без Лапикена, он совсем другой — нормальный и даже добрый!

Доклад Рериха оказался очень интересным. Собрание закончилось поздно. Тамара выразила желание переночевать у нас. До дома проводили добрые кавалеры: Игорь Жизнев с другом.

Завтра в таниной школе вечер с лотереей. Маме, по подписному листу, удалось насобирать много всяких блестящих безделушек, которые она передала Татьянке. Надо было видеть глазки ребенка,

каким счастьем и гордостью они блестели. Вот вам и мама на этот раз!

Во дворе, в соседнем флигеле — траур. В китайской семье умерла бабушка. У китайцев цвет траура — белый. С утра музыка — цимбалы и какие-то завывающие инструменты. Нанятые плакальщицы, тоже все в белом, рассевшись кружком, прямо на земле, завывают и всхлипывают. Эта музыка и плач с утра до вечера — очень утомительны. Слышно даже сквозь плотно закрытые ставни.

Из-за похоронных хлопот семья забыла о своей макаке. Бедная голодная обезьяна сорвалась с привязи и заскочила к нам на подоконник. Мы сжалились над ней, впустили в дом и хорошо накормили. Китайцы оставили у нас Мэйзу (обезьянку) на несколько дней, до окончания похорон. Мурка, наша кошка, не одобряла нашего гостеприимства. Недовольная, она ходила большими кругами около обезьянки, щетинилась, шипела, горбила спину. Мэйза была заинтересована кошкой, но привязь не пускала ее приблизиться к ней. На второй день кошка убедилась, что Мэйза не настроена враждебно, стала уменьшать круги. Мэйза спокойно ждала подходящего момента. У кошки любопытство перевесило страх, и вот она уже совсем близко от обезьянки. Последняя стремительно прыгнула, поймала кошку за хвост. Кошка не ожидала такого нападения. Она зашипела, выпустила когти и залепила обезьянке сильную щечину. На этом роман кошки и Мэйзы закончился.

Подходили холода, а китайцы продолжали оставлять Мэйзу на ночь в сарае. Мы заметили, как макака худела, как теряла силы. Мы попросили «одолжить» нам Мэйзу на зиму, и китайцы с радостью согласились. Днем макака бегала почти свободно под моим присмотром, а ночью спала рядом на половицке, но привязанная.

Сегодня все заняты, разошлись по своим делам. Я привязала Мэйзу крепкой веревкой к своей кровати и тоже спокойно ушла. Когда я вернулась, глазам моим предстала катастрофическая картина: Мэйза сидела посреди распотрошенного матраса и, ничуть не смущившись при моем появлении, продолжала его потрошить и выбрасывать содержимое. Я в отчаянии резко стянула ее, привязала подальше. Это ей не понравилось, и она меня укусила. А мне жаль ее наказывать — такой уж у меня характер. Я успела к ней привязаться и полюбить. К приходу остальных я решила скрыть следы преступления. Кое-как все закрыла, а уж зашивать буду позже — спокойнее.

7-Е ОКТЯБРЯ (34)

Вчера состоялся танцевальный вечер в таниной школе. Для такого захолустья, школа очень приличная. До этого праздника у меня было много работы: кроме заказов, торопилась закончить Танино платье, а главное — научить Алешу танцевать «цыганочку».

Было много и взрослой публики, которая развлекалась и радовалась не меньше детей. Пришел интересный Сергей, со своей барышней, хорошенькой Лидочкой. Он играл во все игры со школьниками — его везде выбирали. Это ему льстило, он так радовался, ходил петухом. Иногда «удостаивал» меня нежным взглядом или танцем. Я забавлялась и совсем не чувствовала себя виноватой перед Лидочкой. Наоборот, она получила возможность увидеть, чего стоит ее кавалер.

Протанцевала несколько раз с Алешей. Надо было видеть, как он был счастлив. Пришло время детям уходить. За ребятами пришла мама. Бедный Алеша упал на колени посреди зала и стал плакать — так ему не хотелось уходить. Плачущего, его уволокли по паркету, а мы, взрослые, продолжали танцевать.

На следующий вечер в нашем клубе опять встретила Сергея. Он пришел без Лиды и выразил желание проводить меня. Посидели на скамеечке около дома и даже, прощаясь, поцеловались. Я чертовка — к чему мне это? Зачем подкладывать свинью симпатичной Лидочке?

Сегодня погода изумительная: тепло, и в воздухе аромат счастливой надежды. Грех сидеть дома. Как раз подвернулся случай идти в Модягоу к заказчице, которая на месте хочет объяснить подробности заказа. Денег на драндулет нет — пошла пешком. Идти приятно, но проспект нескончаемый. Выдержу ли? Иду медленно, восхищаюсь природой по сторонам. Вдруг на другой стороне тротуара замечаю влюбленную парочку, идущую под ручку. Вглядываюсь — Сережа и Лида! Вот какой мне щелчок в нос. Так мне и надо — хороший урок. Ревность? Но у меня на это нет никакого права. Просто уязвленное самолюбие.

20-Е ОКТЯБРЯ (34)

(Эти листки дневника мне пришлось восстанавливать с большими трудами. Таскала я дневник с собой по всем странам, и вот на пути на Филиппины пароход попал в сильный тайфун, дневник очутился в воде, и чернила расплылись.)

Вернувшись домой, опять получила сюрприз от Мэйзы: она, стащила подушку с кровати и всю ее распотрошила. Перья повсюду и сама она в перьях! Хорошо, что мамы нет дома, есть время поправить дело. Пока привязывала ее подальше, она умудрилась заскочить за спинку кровати и, в порыве злости, затрясла ее с ужасной силой. Несмотря на то, что макака создает столько неприятностей, я ее полюбила и отдавать обратно китайцам не собираюсь.

Наконец, условились с Гришой пойти в кино, на картину «Князь Серебряный». Я все забыла, перепутала и пошла в клуб. Там встретила Костю. Интересный, культурный человек, и поговорить с ним — одно удовольствие. Но время от времени он меня пугает: отклоняется от темы и начинает говорить непонятно, чудить. Невольно задумываешься: «все ли у него дома»?

Пришел в клуб Славик Красовский — знакомство нашего детства. Его семья жила с нами по соседству, когда мы жили в «бараке». Славик с братом вечерами играли на трубах и мешали маме отдохнуть после больничной работы. Славик превратился в интересного, высокого молодого юношу. Вот только досада, что теперь у него на правой руке не хватало нескольких пальцев. Виной всему война. Он, как все харбинские ребята, бегал в места, где проходили бои, и притащил оттуда снаряд или гранату. Принес в школу и во время урока стал ковырять. Произошел взрыв, которым ему оторвало несколько пальцев.

Провожать вызвался Костя. Несмотря на то, что временами я его побаиваюсь, интересно с ним побеседовать: такой содержательный и воспитанный юноша. Чтобы укоротить путь, пошли пустырями и оврагами. Светила луна, и казалось мне, что я в страшной, заколдованной сказке. Было страшно и интересно. Все кончилось благополучно.

1-Е НОЯБРЯ (34)

Сегодня день Таниного рождения: ей исполнилось десять лет. Боже, как быстро летит время. Благодарю Тебя, Боже, за благополучно прожитую жизнь и за настоящую, спаси и сохрани в будущей.

На следующей неделе — выборы «Королевы клуба». У меня нет ни одного приличного платья. И времени, чтобы подработать, не хватает: зачем-то связалась с клубной стенгазетой и одна ее «прокручиваю».

Клуб процветает. Появился стол для пинг-понга и пользуется таким успехом, что близко подойти невозможно. По пути из клуба встретила Костю. Хотелось поговорить, но нормально поговорить — трудно, и он внушает мне все большие опасения.

Утром к нам пришел «молочник». (Здесь русские держат коров и молоко разносят по домам помесячно.) Я испугалась, думала, что мама ему задолжала и он пришел за долгом. Мама усердно угощала его чаем, они оживленно болтали, но о деньгах — ни слова. Простой, разговорчивый человек. Прихлебывая чай, он присматривался ко мне, потом подозревал ближе и стал... сватать за своего сына!

— Он у меня малый интересный — культурный сынок! Играет на скрипке и говорит по-английски. Сейчас живет и работает в Шанхае, но скоро приедет на каникулы. Я уверен, что Нина ему понравится!

И, не спрашивая моего мнения, опять обратился к маме:

— А все-таки я заберу у вас Нину!

Ну что на такое ответишь?

Выборы назначены на воскресенье. В клубе только об этом и говорят. Одна из членов клуба, мадам Д., мне любезно сообщает: «Мы тебя, Нина, выберем в принцессы!».

Да пошла она в болото! Какое отношение она имеет к выборам? Зная всех претенденток, я уверена, что буду не принцессой, а королевой. Вот какая уверенность! Не ошибиться бы.

На самом деле, последние дни я просидела грустная, ни на что не надеялась. У меня нет платья, в котором можно показаться. Думаю, что мама поняла мою грусть и сегодня принесла белой материи мне на платье. Я засела за шитье. Вместо того, чтобы сшить что-то попроще и полегче, накроила воланов, которые надо подшивать на руках. До головной боли, до позднего вечера сижу и шью. Стало немоготу — выскочила за ворота хлебнуть свежего воздуха. А у калитки — Костя. Не видя меня в клубе, решил узнать, в чем дело. Стал мне что-то рассказывать и объяснять, из чего я половины не поняла. Уже собиралась уходить, как Костя ринулся ко мне, сжал в объятиях и крепко поцеловал. Сумасшедший. Я испугалась, вырвалась и убежала.

Вечером я в клубе. Идет хиленькая домашняя пьеса. Артисты слабые, суплер подсказывает слишком громко. Хорошо, что быстро закончилось. Кто-то старался завести викторолу — она сломалась. Костя около меня и что-то рассказывает, а я теперь его боюсь. Гриша приехал к нам и, узнав, что я в клубе, приехал за мной и «спас».

Выборы в клубе перенесли на неделю. Мне это на руку — платье еще требует много работы. В Модягоу выборы уже прошли, и «королевой» была выбрана Ольга Хомельчук, о чем известила газета «Наш путь».

Позавчера был день рождения Тамары, а я забыла. Она наприглашала гостей и здорово угостила. Значит хорошо зарабатывает.

Сижу дома, заканчиваю платье и почему-то задумалась о... Коке!

Нам опять надо переезжать с квартиры. Мама объясняет это по-своему:

— Печка дымит, вытягивает все топливо, а не греет. Хозяин не хочет исправить.

А я объясняю так: опять задолжала, ну ичинить не хочет.

— Я уже нашла, совсем близко отсюда, другую квартиру, еще лучше и дешевле, — продолжала мама. Она уже дала задаток и попросила меня не медлить и привести квартиру в порядок до переезда. Как это для меня совпало не вовремя: надо заканчивать платье и как можно лучше подготовить себя к выборам. А тут беги и выскребывай половицы!

Я повиновалась: сделала несколько узлов и понесла на новую квартиру. Целый день провозилась, отмывая пол, окна и стены. Устала до чертиков, и руки в таком виде — страшно посмотреть.

Когда собиралась уходить, пришел хозяин и, протягивая мне деньги, заявил:

— Вот задаток вашей матери, квартиру я вам не сдам!

«Определенно кто-то донес, что мы плохие плательщики», — пронеслось в голове у меня. Зря калечила руки!

13-Е НОЯБРЯ (34)

Вот уже три дня лежу в постели — сильная ангинка, мучаюсь, температура лошадиная. Вроде как брежу. Вспоминаются неприятные эпизоды и столкновения, и как ехидная Верка прошипела:

— А ты знаешь, что перед выборами кандидаток заставляют умыться?

— Ну и что же, и умоюсь, если надо. Мое легкое подмазывание большой роли не играет. Это свинью как ни раскрашивай, красавицы из нее не получится.

Тамару мы долго не видели. Лида М. нам передала, что сестра здорово похудела и выглядит болезненно. Я подумала: вот жила бы с нами и мы бы заботились о ней. И сразу же передумала: были бы у меня деньги, я бы тоже, как и сестра, убежала из ада, устроенного мамой.

С нашим приемным мальчиком Алешей все труднее и труднее. Очень плохо учится, плохо понимает. Определенно какие-то железы у него не в порядке. Мама решила вести его к сыну великого ученого Рериха, за советами. Опять спятила! Как будто у Рериха своих дел недостаточно.

Теперь молочник приходит за деньгами — и ему мама умудрилась задолжать. Несмотря на то, что сватает меня за своего сына и ведет как родственник, деньги все же требует!

Красавец Геннадий спрашивает обо мне у знакомых и через них же назначает свидания. Как обидно, на свидание пойти не могу: погода сырья, дождливая, и мои волосы совсем не держатся и висят, как крысиные хвостики. В таком виде показаться не могу.

Откуда-то неожиданно появился в нашем клубе совсем незнакомый организатор выборов. Мужчина лет 35-40, японский коллaborант. Каким-то образом он пронал про меня и стал назначать свидания. «Чтобы лучше познакомиться!» Я боялась, но все же ему отказывала, отговариваясь ангиной. Знаю, что от него зависят выборы, но плевать! Продавать себя я не намерена.

Идти на выборы нет ни туфель, ни чулок. Кое-как выклянчила у Тамары.

17-Е НОЯБРЯ (34)

Сегодня прошли выборы, но не так, как я думала: выбрали только четырех принцесс. На мое счастье, выбирало не жюри, а

публика. Но и здесь плелись интриги. Например, Миша И. бегал среди пришедших и вытаскивал билеты, потому что в «кандидатках» была его невеста. С моей стороны были только пришедший Гри с другом, но вытаскивать билеты они считали низким. Да и я так думала. Еще на моей стороне были все «авангардисты», а также группа... китайских полицейских, приглашенных сюда для поддержания порядка. Они громко повторяли: «Тын хао кань», что означает «красивая».

Подходили и другие молодые люди. Они рассматривали мой номер (9-ый) и с улыбкой замечали:

— Мы голосуем за вас.

— Спасибо, — отвечала я, и мне было тепло и радостно чувствовать симпатию этих людей. Вот подошел ко мне совсем близко старишок в военной форме, с царскими медалями на груди. Надел очки, разглядел мой номер и крупно записал его на своем билете.

— Голосую за вас, безусловно нет лучшей!

Как после этого не радоваться? Оказалось, что кандидатками были не только старохарбинские девушки, но и алексеевские (из пригорода Алексеевка).

Через некоторое время со сцены сообщили результат выборов. В принцессы попали: я, Женя Колчина, Надя Дурнопьянова и Вера, фамилию которой не запомнила. Публика аплодировала. Заиграла музыка, и пары пошли танцевать. Гриша занял столик и заказал закуски и напитки. Мне есть совсем не хотелось. Я думала: «А кто же теперь из нас будет королевой?». Ведь выбирать будет уже не публика, а жюри, главное место в котором занимает господин Х. Лида — приятельница или невеста Сергея — на балу не показалась и свою кандидатуру не выставила. А ведь она гораздо интересней остальных. Какой благородный жест! Я преклонялась перед ее геройским решением, а сама унижаюсь, но у меня «охота пуще неволи»!

На сцену вышла «доморощенная» певица и завизжала тонким голосом. Мои застольные кавалеры покатились со смеху, а певицу Кису наградила меня убийственным взглядом, будто я в этом виновата. Я бы никогда не позволила себе такой бес tactности.

Через некоторое время всех принцесс пригласили в комнату на «допрос». Надя, что-то зная, вытерла губы и мне шепнула: «И ты вытирай». Я вытерла, но удивилась: «Что за причина?» В комнате среди допрашивающих находился косподин Х. Каждого из нас вызывали по очереди, и ответы записывались в тетрадь. Вопросы такие: национальность, подданство, политические убеждения, долго ли живете в Харбине? какого сорта друзья и... мажете ли губы? Хаха — это уже переходит всякие границы. Не выборы красавиц, а сплошная нервотрепка.

Вечер закончился поздно.

19-Е НОЯБРЯ (34)

Вечером пришел Гри, и мне захотелось быть с ним доброй и отблагодарить за все жертвы, которые он для меня приносит. Мы засиделись долго, а Гри все не уходит. Мама и дядя устали и хотели спать, а так как они спят в столовой, мама бесцеремонно выпроводила нас на кухню. Гришу это совсем не смущило, и он просидел еще добрых два часа.

Я опять заболела. На этот раз опухоль появилась в горле. Не свинка ли? Этого еще не хватало! Вот уже два дня лежу в постели и улучшения не чувствую, несмотря на то что без остановки лечусь всеми домашними способами. Получаю от Гри стихи и письма, в которых он рассказывает, что девчонки меня критикуют. Это меня совсем не трогает — завидуют и все. А вот гораздо обиднее, что сам Гриша в своих стихах меня критикует. Хотя по всему остальному чувствуется, что влюблена.

20-Е НОЯБРЯ (34)

К вечеру мама принесла две газеты: «Харбинское время» и «Новости дня». С каким интересом я на них набросилась. Но сразу стало до слез обидно: они критиковали великого человека, Николая Константиновича Рериха. Гениальный академик, бьется из всех сил, помогая русским людям и спасая русскую культуру. Переписываю из газет заголовки статей о нем:

**Н.К. Рерих — легат великого Братства АМОРК.
Истинный лик академика Н.К. Рериха
Документальные данные, разоблачающие Рериха
с бесспорной точностью**

Дальше шли письма, фотографии и другие документы, якобы уличающие его в причастности к какой-то таинственной организации. К массонству? К Аморк? Пишут, будто академик старается создать государство в Сибири и завладеть всеми ее богатствами.

Чем сильнее газеты нападают на Рериха, тем больше я на его стороне. Как бы хотелось лично поговорить с ним и высказать свою симпатию!

3-Е ДЕКАБРЯ (34)

Завтра в клубе из четырех принцесс выберут королеву! На этот раз выбирает не публика, а жюри. В него входит господин Х., которому я отказывала в свиданиях. Знаю, что шанс у меня слабенький, и все же иду!

Вечер выборов. Я нервничаю, и все у меня получается не так, как хочу. В довершение здорово опаздываю. Гри терпеливо меня ждет.

Как я и предполагала, так и получилось: не выборы «королевы красоты», а «политическая лавочка». Опять допрос и обвинения. Меня обвинили в том, что я: а) училась в советской школе; б) живу в Старом Харбине недавно; в) хожу в Х.С.М.Л... и т.д., и т.д.

Все четыре кандидатки прошли через это судилище. Потом жюри объявило со сцены о своем решении: выбрана была простенькая Женя.

Публика загудела и недовольно затопала ногами.

Около меня образовалась группа сочувствующего «молодняка». Я горячо всех поблагодарила, хотя горечь обиды царапала сердце. Я прикладывала силы, чтобы себя успокоить. «Ведь не для такой трущобы я себя готовлю!» Гриша тихо и грустно сидел около и также пытался сказать мне что-то утешительное. Хороший, добрый дружочек!

С вечера выборов Гри подвез меня в своем такси. Не знаю, ждала ли его машина здесь целый вечер или приехала к концу. Как бы там ни было, он тратит сумасшедшие деньги! Надо обязательно что-то придумать, чтобы прекратить это безумное транжирство.

Прощаясь, Гри сказал:

— Ну, Нинон, до завтра.

А я жестоко, необдуманно:

— Ну, до завтра еще надо дожить!

Какая я холера! Вот часто так что-то нелепое отвечаю и — одумавшись — жалею. Мне стыдно, что за всю его доброту я плачу безразличием. Надо попросту ему объяснить, чтобы не тратил столько денег. Но никак не могу найти подходящий момент. Так и тянется эта неопределенная ситуация, а Гри продолжает писать и посвящать мне свои стихи.

Дождавшись вечера, бегу в клуб. Все же интересно поболтать с Сергеем, Костей, да и остальными. Для чего я все это записываю? Для того, чтобы — если доживу до старости — как будет забавно прочесть! А пока что время тянется так пресно и долго. Скорей, скорей бы какую-нибудь перемену! Но какую?..

Вчера встретила одного чураевского поэта, который рассказал мне грустную историю о двух талантливых поэтах, которых я хорошо знаю: Георгия Гранина и Сергея Сергина. Этих поэтов объединило общее непонятное тяготение — настойчивое влечение к «рандеву со смертью». Вместе шатаются по паркам, декламируя и придумывая стихи, вместе упиваются, снимают комнату в отеле, поджигают бумажный абажур, ложатся на кровать и наблюдают, как его пожирает пламя! Совсем свихнулись, бедные. И чем это закончится?

6-ГО ДЕКАБРЯ (34)

Этого надо было ожидать — оба поэта вчера застрелились в гостинице! Эта черная идея преследовала их в течение двух лет.

Болезненно ощущалась эта смерть, в висках стучало, а в голове всплывали строки их стихов:

Синеватое облако, холодок у виска.
Синеватое облако и еще облака.
Синеватое облако, улыбнись и нажми,
Это облако узкое, словно лодка с детьми...

Все равно, что немного осталось
К двум десяткам непрожитых лет.
Все равно, что вино расплескалося,
А бокалов давно уже нет!..

Еще я запомнила стих, который, как уверяла Тамара, был посвящен ей. А мне казалось, что поэт был влюблена в Ларису? Попробуй разберись. Вот этот стих:

Пусть ничего и не было на свете,
Но вечер был, и тьма была, и ты...
Пусть ничего, пусть это только ветер
Шумит, пригнув осенние кусты.
Пусть ничего, пусть это только снится,
Поэтам часто снятся по ночам
Над горизонтом дальние зарницы
И голубые розы у плеча...

Перед смертью поэты оставили несколько записок: семьям и еще кому-то. И следом за драмой — другая: покончила жизнь самоубийством Тамарина подруга, Лариса Гиренко. Не так давно она вышла замуж за молодого музыканта, который оказался наркоманом. А незадолго до этого у нее умерла мать. Газеты пишут, что задохнулась в подушке. Не убийство ли это?

Серия несчастий не закончилась — вчера умер председатель нашего клуба, господин Будко, оставив жену и двух дочек. Вспомнила, как в последнем своем докладе он умолял всех русских Харбина объединиться, забыв о политических разногласиях. «Сила в единении», — закончил он свой доклад.

Вечером приехал Гри. Но после всего случившегося было так тоскливо на душе, что идти никуда не хотелось. Гриша был доволен, что можно посидеть со мной, и засиделся до 12-ти ночи. Опять я искала момента, чтобы сказать, что наши встречи ни к чему не ведут, и опять не решилась. Он выглядел таким счастливым, что мне было жаль его обидеть.

У сестры опять «заскок»: пыталась перерезать вену. Или опять в кого-то влюбилась, или из-за смерти Гранина? Она совсем не думает о том, что своими выходками причиняет нам горе и бесконечное беспокойство!

9-Е ДЕКАБРЯ (34)

Вчера вечером мама привела Тамару к нам, и здесь она ночевала.

А сегодня — похороны поэтов. Налетел на Харбин смертельный шквал и унес молодые жизни. Хочется кричать, возмущаться несправедливостью. А на кого пенять в этих случаях? Ведь сами решили. А мне так хочется жить! Жить, жить и как можно дольше.

Сестра была еще очень слаба, но на похороны поэтов решила идти обязательно. Я пошла с ней. Перед уходом она надела мою шубу, потому что ее шуба оказалась недешевой. Сестра не умела шить и всегда ждала, чтобы кто-то за нее сделал. На этот раз, видя ее такой удрученной и слабой, я решила ей уступить, а сама кое-как натянула ее шубу.

Отпевание проходило в Новгородней церковке. Народу собралось много, преимущественно поэты из Чураевки. Тамара сильно плакала, и я за нее боялась, что потеряет сознание (это с ней часто случается). Глядя на нее сейчас, я вспомнила, как однажды, прогуливаясь с Кокой, мы заметили сестру с Георгием в саду, на скамеечке, в нежной позе. Значит, на самом деле у них был роман, и на самом деле стих Георгия Гранина был посвящен ей.

О поэте Сергине мы говорили меньше. Мы его почти не знали. Он был скромным, застенчивым юношей, из очень религиозной семьи.

После этих похорон сестра решила идти на похороны подруги Ларисы. Я очень за нее беспокоилась, но пойти с ней не было возможности. Подкладка ее шубы все время распахивалась и тянула в сторону, сам верх не сходился, и в прореху забирался холод. Я решила ждать сестру у нее дома.

Она вернулась поздно и очень растроенная. Я старалась ее рассеять и отвлечь от сегодняшних переживаний. Вспомнила, что как раз сегодня день именин Коки. Вместе написали записку: «Кокус, с днем Ангела» и подписались. А я еще добавила дату нашего знакомства. Спрашивается — зачем? Записку отнесли вместе до самого его дома и опустили в ящик. Эта прогулка помогла сестре успокоиться.

Прощаясь, сестра попросила меня оставить ей мою шубу еще на несколько дней. Мне было трудно обижать ее сегодня. Уже темнело, и я вернулась домой в ее шубе.

10-Е ДЕКАБРЯ (34)

На душе тяжело — трудно забыть вчерашнее. А рассеяться, пойти в клуб — не в чем. Сегодня придет Гри. Я отпорола от маминого жакета воротник и манжеты и пришила к своему жакету. Все же теплей и нарядней. А с Гришей надо во что бы то ни стало закончить. Написала ему записку и оставила ее дома: «Гри, я очень занята, уезжаю в Новый город». А сама укрылась в клубе.

Гри не поверил записке и пришел в клуб — проверить. Застал меня там, и мне было очень стыдно и неприятно. Я ему солгала, что мы были с Лидой в кино и только что вернулись. Поверил он или нет — не знаю. Однако виду не показал и проводил до дома. Опять засиделся до двенадцати. Ну что мне с ним делать?

13-Е ДЕКАБРЯ (34)

Хозяйский сын утром, во дворе, зарезал свинью. Бедная так визжала, что в закрытом доме и зажимая уши, я слышала визг. А «убийца», рисуясь, бегал по двору с кишками и пузырями — такой герой! На дворе мороз, и кровь на снегу сразу же замерзла, а голодные собаки выгрызали ее и дрались.

Вчера Гри был у Тамары и принес нам от нее записку, в которой она просит выручить ее «чифаном» — едой. Как странно — никогда этого еще не случалось, обычно она нас выручала. Оказалось, что она сделала большой перерыв в работе и у нее не хватало денег. Неужели это недавние смерти так на нее подействовали, что она не могла ходить на работу?

Опять Гриша просидел у нас до ночи. С ним не отдохнешь! А все же он хороший, услужливый паренек. Сидит спокойно, не пристает, и ни намека на поцелуй. Тамару мы выручили едой, и я попросила Гри проводить меня до нее. Хотела узнать, как она себя чувствует. Пришли — а у нее полно «молодняка»! Закусывают, выпивают. Сестра смущалась и стала оправдываться, что мол с завтрашнего дня начинает работать, а сегодня у нее последний день отдыха. Работа на автобусе требует много сил, а она так слаба — лучше бы отдохнула.

Тамара сумасшедшая — начала курить. Делает все, чтобы себя погубить, и никак ее не вразумишь. А ведь начитанная и культурная, знает, что для слабого здоровья это гибель.

Приехал Гри, поехали на картину с участием Нормы Ширер.

На следующий день он опять приехал, а я так устала, все перепутала и заснула. Бедный! Обиделся, а все-таки ждет, пока я оделась и навела красоту. Такси нас ждало. Поехали на бал, где он тратился на угощения и лотерею. Откуда же он берет столько денег? Какой бы ни был ответ, надо кончать с этими тратами.

У мамы опять денежные затруднения. Да когда у нее их не было? На этот раз — еще серьезней, из-за дядиного здоровья: у

бедного участились головные боли и чаще надо покупать соколовские порошки.

Вечером пошла в клуб. Костя был там и показался мне еще больше обычновенного странным. От меня не отходил, смотрел глубоким, добро-преданным взглядом и умолял проводить. Мне было больно ему отказать, и, несмотря на беспокойство, я ему разрешила. Опять, как в первый раз, пошли коротким путем, через пустыри и овраги. На полпути он сообщил мне, что устал и предложил присесть — отдохнуть. Сесть пришлось прямо на землю, на край оврага. Полная луна высоко в небе и обливает нас и пустыри сильным серебряным светом. Костя разговаривает серьезно, своим культурным языком. Я удивляю как могу от его вопросов. Мне культурой хвастаться не приходится. Вдруг Костя посмотрел на меня как-то дико, схватил в свои объятия и поцеловал. Я в испуге отшатнулась, и его поцелуй попал в шею. На этот раз он показался мне совсем невменяемым. Собрав все самообладание, я обратилась к нему тихим голосом и стала вразумлять. Костя очнулся, вытер вспотевший лоб платком, извинился и всю дорогу, до самого дома, вел себя нормально.

20-Е ДЕКАБРЯ (34)

У меня большой заказ: выпиливать из фанеры детские игрушки. Их много, а дядя мне помогает слабо. Порошки действуют на него, как наркотик — чем больше принимает, тем больше требуется. Бедный, бедный дядя, как он мучается. Больно на него смотреть. Какое странное совпадение: Тамара и я часто видим дядю во сне.

23-Е ДЕКАБРЯ (34)

Понесла в город законченные игрушки. С багажем поехала на драндулете, сдала заказ и получила деньги. Время оставалось, зашла к сестре. Она будто меня ждала. Кто-то подарил ей живого зайчика, а у нее совершенно нет времени им заниматься. И она, зная, что мама никогда не отказывала нам в животных, вручила его мне.

Я посадила его в коробку, плотно обвязала и пошла домой пешком. Погода хорошая, солнечная, холод не чувствуется, а воздух чистый, свежий. Идти легко и радостно, когда в кармане заработок. Зайчик сидит спокойно. Неожиданно я поравнялась с Лидой, возвращавшейся домой. Поздоровались и заговорили, как старые друзья. Хорошая, милая девушка рассказала мне, что мучилась от худосочия и что до сих пор у нее осталось несколько прыщиков.

— И у меня в детстве было худосочие, — перебила я ее. — Все тело было покрыто прыщами, да вот, слава Богу, теперь ни следа не осталось.

Постепенно разговор перешел на Сережу.

— Сереже нравится за вами ухаживать, — сказала она, — но меня он любит серьезно!

Я не ожидала такого резкого оборота, но вида не показала, а спокойно ответила:

— Для меня весь период «старохарбинский» — легкомысленный, ничего не значащий пассаж.

Мне Лиза нравилась, ни в коем случае не хотела ее обидеть. Мы дружески попрощались.

Дома я накормила зайчика, перехватила что-то сама и побежала в клуб. В клубе царит странная тяжелая атмосфера. Ни у кого нет настроения веселиться и «волынить». Объясняется это тем, что вот повадился в последнее время ходить в клуб один русский, лет под тридцать (определенко — японский шпион). Каждый раз представляется пьяным, разыгрывает «приятеля». Обнимает парней, предлагает угостить и, пользуясь моментом, расспрашивает. Уже некоторое время мы не видим клубного Бориса, и кто-то сказал, что видел его последнее время в компании этого подозрительного типа. Так и буду теперь его называть — «Тип», — не зная настоящего имени.

Так вот, сейчас этот Тип опять здесь и опять разыгрывает пьяного, но теперь ищет себе новую «добычу». Все его боятся, все сторонятся. Ходят слухи, что за городом построены экспериментальные здания наподобие немецких, где японцы делают свои жестокие опыты над пленными, среди которых большей частью китайцы, но есть и русские.

Сегодня Алешина мама заплатила за своего сына, моя мама дала мне деньги и сказала:

— Своди ребят в синема.

Меня долго упрашивать не надо — все быстро собрались и пошли. Смотрели американскую картину «Полет в Рио». Фильм и мне, и ребятам очень понравился. Выходя из кино, встретила поэта Виктора С. Удивляется, что меня не видно. Да ведь из нашей дыры выбраться — целое событие.

24-Е ДЕКАБРЯ (34)

На улице собачий холод. Шуба моя так разлезлась, что и починить невозможно. Сижу дома. Пришла сестра и радостно сообщила мне, что познакомилась с высоким и интересным Владимиром. Опять Володя? Она назвала его «Великолепным Марком».

Продолжать так сидеть дома — не выдерживаю. Шубу переделала на жакет, прицепила мех, а под него наодевала фуфаек. До Модягоу доехала на драндуплете, не осталось ни копейки. Как приятно вспомнить все времена, прожитое здесь. Вспомнился и Кока. Слышала, что все последнее время он выходил с Зиной. Как раз встретила ее сейчас. Никакой злобы против нее нет, разве что маленькая ревность. А может, просто любопытство? Мы разговаривались совсем по-дружески:

— Ну, как у тебя с Колей? — спросила я.

Она состроила недовольную гримасу и ответила:

— Ради Бога, никогда больше о нем не спрашивай!..

Потом встретила Кокину сестру Верочку, с женихом, и мне почему-то стало неудобно — они привыкли видеть нас вместе с Кокой. Незаметно прошаталась по Модягоу до вечера, а теперь почувствовала холод. Надо в такую даль возвращаться пешком.

Теперь холод пробирает до костей. Брови и ресницы в инее и сосульках, а волосы совсем как крысиные хвости. По проспекту никакого движения, иду по середине шоссе. Вдруг слышу за спиной топот лошадиных копыт. Колеса заскрежетали и остановились. Я оглянулась и увидела крестьянскую телегу, на которой сидел наш сосед Костя. Пригласил довезти, а мне так стыдно показаться ему в таком виде. Но тащится дальше в такой мороз не было сил. Я взобралась и села к нему спиной. Все же мы проболтали всю дорогу до дому.

Боялась, что на следующий день заболею. Однако ничего — еще нашлись силы проработать целый день. Уф, заработалась, уже поздно, а все равно, хочу сбегать в клуб. Тороплюсь, надо прихорашиваться. Косметика у меня самодельная и даже настоящего зеркала нет. Употребляю толстый угловатый кусок от разбитого трюмо. Чтобы держалось, втыкаю его острым углом в сахарницу с мелким сахаром. Причесалась, подмазалась, а теперь, вместо крема, чтобы лицо не обветрило, намазала сливочным маслом. Последний взгляд в зеркало — и можно бежать. Освещение плохое, нагнулась к самому зеркалу. А оно, паршивое, пошатнулось, зацепило углом сахар и, падая, пригоршней швырнуло мне в лицо. Сахар прилип к маслу — прощай, красота! Надо идти мыться и все начинать с начала. Но ни терпенья, ни времени уже нет. Осталась дома.

26-Е ДЕКАБРЯ (34)

Клуб усиленно готовится к встрече Нового года.

Каждый вносит свою лепту. Об этом я намекнула маме. Как раз она собирала вещи по подписному листу и, что не подошло ей, передала мне. Для лотереи все сойдет. Чтобы подработать к празднику удачно подвернулась работа: мадам Пакина, хозяйка Тамариной комнаты, предложила мне протереть листья фикусов в ее квартире, а их у нее немало. Работой она осталась довольна.

28-Е ДЕКАБРЯ (34)

Какая приподнятая и суеверная атмосфера в клубе! Все за работой — украшают и чистят клуб, трудятся до самой ночи. Перед уходом женщины выпили чаю, а мужчины — спиртного. Мне кажется, что русская молодежь много пьет. Осуждать не хочу, не зная

причины. Меня до дому пошел провожать чуть ли не весь клубный «молодняк». И Сергей здесь — уже навеселе. (Терпеть этого не могу!) Слащавый и услужливый, пускал в дело свой «шарм», но на этот раз его приемы на меня не подействовали. Этого Дон Жуана я успела раскусить — комедия и наигранность.

Утро солнечное, но холодное. Зайчик осовился и к нам привык, лезет на колени и кусает. С макакой они сдружились, а мне со всем этим зверинцем работы по горло...

Мама не осталась безразличной — видя мои старания в последние дни, принесла мне материи, и я за два дня сшила прелестное платье. Тамара выразила желание встретить Новый Год со мной в клубе. Завтра встреча нового — 1935 — года. Ура! у нас все готово.

1935

2-Е ЯНВАРЯ (35)

1935-ый год — будет ли он счастливей предыдущих?!

Тамара почему-то не пришла. Я не беспокоилась. Она всегда с фантазиями — ну, передумала и пошла в другое место.

Наш Новый год прошел блестяще!

Я чувствовала себя свободной и без конца танцевала. Позже пришел Костя. Он встречал праздник с семьей. Продолжал вести себя странно. Его пристальный взгляд меня беспокоил и пугал. А к пяти часам утра почти все мужчины упились, и интерес пропал. Сторож клуба, пожилой Михаил Филиппович, так упился, что не держался на ногах. Обняв столб вешалки, он клевал носом и бурчал, обращаясь к молодым:

— Дураки вы, мальчишки, не видите, какая Ниночка очаровательная. Другой такой вам в век не найти.

Я смущалась, но хорошо знала, почему он так говорил. Ведь я никогда его не «снобировала» и часто подолгу дружески разговаривала. Продолжая бурчать, скатился он по столбу и растянулся на полу. Вдруг вспомнил:

— А где моя шапка?.. А может, и не надо ее?.. А как я найду свой дом?..

В этот момент появилась новая группа молодежи, и они приволокли с собой замерзающего пьяного мужика, которого нашли около клуба в канаве. Отогрели его спиртным и сволокли к горячей печке вместе с Филипповичем. Обидно за русских — до чего доходят!

3-Е ЯНВАРЯ (35)

Тамары нет. Теперь мне кажется странным, что она за все это время не пришла нас поздравить. Подождала еще день и побежала узнать, в чем дело. Тамару я не застала, а мадам Пакина сообщила, что сестра в... больнице!

Ринулась в больницу и нашла Тамару в гипсе: у нее несколько переломов.

Как я уже говорила, она работала кондукторшей на автобусе, который принадлежал частной компании, а не правительству. Тихим голосом сестра мне рассказала: в сочельник она еще работала. На какой-то остановке в автобус вошли четверо китайских полицейских. Сестра потребовала с них деньги, так как на частных автобусах они должны платить. Полицейские запротестовали, а сестра настаивала. Закончилось тем, что они ее зверски избили. В итоге — несколько переломов.

У сестры здоровье слабое — только этого ей не хватало! Дома рассказала о беде, и мама с Таней тоже поехали навестить Тамару.

Пришел Гри — добрый, хороший дружок. Принес новый стих. Когда же, наконец, я наберусь храбрости объяснить ему, что все это бесполезно? Поскорее бы найти настоящую работу. Усиленно налагаю на английский язык, но одной трудно. Дядя болен, результаты слабые.

Вечером заседание в клубе, посвященное встрече Нового года по старому стилю. Я воспользовалась случаем и подарила сторожу Филипповичу маленький подарок. Гри пришел к нам, меня не застал, но теперь хорошо знает, где искать — пришел в клуб. Проводил домой и опять засиделся до ночи.

14-Е ЯНВАРЯ (35)

Новый год по старому стилю.

Как неудачно начался этот год. Сторож затопил печь и рано закрыл трубу. Все угорели. Чтобы выгнать угар, пораскрывали все двери. Публика напялила шубы. Болела голова, стучало в висках и тошнило. О танцах нечего было и думать. Сидели за столиками одетыми и распивали чай.

Часам к двум утра несколько смельчаков решили развеселить публику: выступили с акробатическими номерами. Гвоздем программы был номер Севы Окладникова: он поднял зубами небольшой квадратный столик с несколькими тарелками и рюмками на нем и ничего не разбил! Я внимательно за ним наблюдала и заметила, что одна из ножек стола упирается в его живот. Но даже и так, номер очень трудный. Надо попробовать сделать его дома. После Севы еще несколько человек пытались повторить номер, но у них не получалось, и в результате много посуды оказалось побитой.

Костя был странней обычного: то ли упился, то ли оригинальничает, то ли на самом деле такой. Забился в угол и следил за публикой, как затравленный волк. Пьяных становилось все больше, они копошились вилками в тарелках, разбрасывая еду по столам.

Заграла викторола, и некоторые пошли танцевать. У меня от всего виденного пропал аппетит и настроение упало. Я собиралась улизнуть, но в дверях меня задержали Сережа и Лева. Стали упрашивать остаться на игры. Костюмы смяты, галстуки на боку, перегаром несет. Мне все же удалось улизнуть. Как спокойно и хорошо сидеть дома за стаканом горячего чая! А на часах — 4 утра.

Пронеслась поздно, и вдруг меня как ушатом холодной воды окатило: ведь сегодня знакомые делают визиты, придут — а у нас никакого угощения. Надо сбежать из дома. А куда я пойду? На улице мороз, а одежда у меня «жиденькая», холодная. Сижу и раздумываю. Кролик забрался мне на колени и ласкается. Мэйза на своей веревке старается приблизиться как можно ближе. Кошка спокойно сидит в углу и за всем наблюдает. Даже Маська здесь — из-за холода ее впустили в дом. Она смешно растянулась на полу и, прильнув животом к половице, помахивает хвостом, и как ящерица

придвигается все ближе и ближе. Мне так хорошо с ними. Плевать — никуда не пойду. Если кто придет — спрячусь. Слава Богу — никто к нам не пришел.

Даже в праздник я работала. Терпеть не могу сидеть сложа руки.

20-Е ЯНВАРЯ (35)

Все без изменений: целый день выполняю заказы, а вечером — в клуб и обратно. Добрый Гри старается меня развлечь, приглашает в кино и на танцы. И тогда выходит, что я от него завишу. А так хочется быть свободной. Ищу уловки и отправляю его танцевать с другими девушками. Но он говорит: «Разве я тебя на кого-нибудь променяю?».

Сегодня Гри повез меня в синема «Америка» на картину «Чудный бар». Картина антирелигиозная, и это меня возмутило. Не одну меня — в зале послышались взрывы хлопушек, дым и газ наполнили помещение. Публика в панике ринулась к выходу, давя друг друга. Одну женщину вынесли наружу бес сознания. Администрация старалась успокоить зрителей, но ей это плохо удавалось. Кашляя и обливаясь слезами, люди выбегали из кинотеатра, и мы вместе с ними. Гри нанял такси и повез меня домой. В автомобиле он вручил мне еще один стих. Я силилась быть с ним поласковой, но у меня ничего не выходило. Что делать, если чувство «заморожено»?

Надо обязательно заработать на шубу. Решила не выходить в течение недели. День тянется. Чего только не передумаешь за однообразной работой. Итак, ноги я себе исправила, теперь пора подумать о ресницах! Зачем? На свои жаловаться не могу, а все же завидую Жениным: они у нее такие длинные и загибающиеся. И я придумала: сделать пересадку волос с головы на веки.

Тут же приступила. На мое счастье — дома никого. Приготовила все для «операции» и уселась за стол возле самого окна. Вырываю волос из головы и внимательно осматриваю: нужно, чтобы был с корнем. Укорачивю до двух сантиметров. Затем раскаляю иголку на свече и сверлю ею дырочку на веке между ресниц. Боль невыносимая! Терплю. Выступила кровь. Вталкиваю корень волоска как можно глубже в отверстие и приступаю к следующему. Первый «сессия» выдержала только по два волоска на каждый глаз. Теперь надо ждать результатов. Хочешь быть красивой — надо страдать.

Веки распустили, но никто не замечает.

Теперь даже по вечерам не выхожу — работаю. Мама в восторге. Я ей сказала, что работаю на шубу. Каждый день присматриваюсь к результату «операции». Вокруг посаженного волосика образовалась корочка, через три дня она стала отставать, а вместе с ней отстал и волосок. «Операция» не удалась — обидно.

День пасмурный, непрятливый, за окном адский холод. Затуманенные стекла окон, через которые сilitся пробраться

дневной свет. Быстро пообедала и опять к окну за работу. Перед окном — узенький палисадник. Дальше — грязная, немощеная улица. Часа четыре пополудни. Меланхолично временами бросаю взгляд на улицу. Вдруг смотрю и глазам своим не верю: перед самым окном проходит... Кока со своей новой барышней, Валей: брюнеткой, с синими глазами, в больших очках с черной оправой. Из-за этих очков я ее прозвала «ква-ква».

Мне даже показалось, что Кока всматривается в окна. Разглядывает ли он меня? Узнал ли в таком неприглядном виде? Мне ужасно стыдно. Я отшатнулась от окна, а когда они прошли взгляделась в их спины. Бессспорно они! Почему в такой холодный, неприглядный день Кока решил отправиться в нашу трущобу, да еще не один? Совершенно ясно, что явился не для прогулки, а разыскивая меня, самоуверенно думала я. До самой ночи мысли и воспоминания меня не оставляли, даже засыпая думала о нем.

На другой день работаю еще ожесточенней. Выпиливаю абажуры — вся в опилках, в клее и краске. Первый заказ уже закончил, и за ним к вечеру пришел муж Агриппины Петровны — неприятный дядька лет сорока. Думала, что он будет сидеть с родителями в столовой, а он — паршивец — открыл дверь моей комнаты и вошел. От неожиданности и смущения я схватила подушку и ею прикрылась. Другой бы понял, а этот нет: стал вырывать подушку и ему это удалось. Тогда я схватила рядом сидевшего кролика и прикрылась им.

— Как бы я хотел быть на месте вашего кролика, — сказал дядька.

Возмущенная, я ответила ему сердито:

— У вас с ним большое сходство: такие же длинные уши.

Тут в комнату вошла моя мама и сказала:

— Ваш абажур уже закончен и ждет вас в столовой, а не здесь. И увела заказчика.

30-Е ЯНВАРЯ (35)

Заметка в газете: «Бракосочетание Людмилы Водиниковой с профессором Энгельсом». И вспомнилось мне, как я у них сломала заводной паровозик. Тогда все мы еще были детьми — как быстро летит время. И еще вспомнилось, как мы с ней говорили по телефону и она спросила: «Почему ты ко мне не пришла завтра?». А я ответила: «Я к тебе вчера приду».

И вот эта маленькая девочка уже выходит замуж. На свадьбу мы приглашены не были.

Гриша приглашает меня отметить полгода нашего знакомства. И что только держит его около меня? Ведь за это время между нами не было даже ни одного невинного поцелуя.

3-Е ФЕВРАЛЯ (35)

Японцы не теряют времени: уже под их властью все харбинские учреждения. Высасывают из людей последние силы, как присосавшийся осьминог. Пропагандируют, шпионят и безжалостно истребляют «враждебный элемент». Страх и горе на каждом шагу!

В нашем клубе вывесили объявление: бесплатные уроки японского языка. Я колеблюсь, но понимаю, что без этого языка не пробиться. Только с ним можно будет заработать приличные деньги, чтобы улизнуть от них же.

10-Е ФЕВРАЛЯ (35)

Полугодовой юбилей знакомства с Гри решили справить на балу в «Жилсобе». При входе, как назло, столкнулись с Кокой и «Ква». Что-то кольнуло в сердце. Остался отголосок нашего романа? Или это ревность? Не думаю — больше похоже на чувство собственности.

Мы с Гри заняли место на балконе. Кока и «Ква» оказались по соседству. Я машинально посмотрела в их сторону. Кока, заметив мой взгляд, демонстративно взял руку «Ква», положил ее на перила балкона, начал пожимать. Мне стало неприятно и я подумала: «А если бы мы с ним помирились, я бы определенно вскоре снова поссорилась, чтобы стать свободной!».

Заиграла музыка, пошли в зал танцевать. Как нарочно, все время сталкивались с Кокой и «Ква». Мы с ним переглядывались. Вдруг, к моему ужасу, я заметила в зале японского «стукача» — того самого Типа из Старо-харбинского клуба. Плешивый русский дядька, лет под сорок. Он нагонял на меня панику и страх. Значит, он и здесь «стучит», подлец? Смотрит на меня — узнал, раскланивается... Дрожь по телу, избегаю его взгляда, танцуя с Гри.

Вдруг, с кем-то танцуя, он оказался около нас и через Гришину спину передал мне записку. Я ее быстро спрятала. Во время антракта прочла, стоя в углу балкона: стукач назначал мне свидание и предлагал хорошую работу! Откуда он знает, что я ее ищу? Что бы там ни было, твердо решила, что на свидание с ним не пойду. Чем это мне грозит? Боже, помоги!

12-Е ФЕВРАЛЯ (35)

Советское правительство продало Китайско-восточную железную дорогу японцам. Советские остались без работы, большинство собирается уезжать в Советский Союз. У дяди нет причины уезжать. Вот уже пять лет, как он не возобновлял свой советский паспорт. Да и душа его не лежит к советскому строю. Теперь, если дядя Саша больше не будет работать на Опытном поле, нам нет причины оставаться в Старом Харбине!

Советские служащие получили наградные, но для дяди — без паспорта — надежды нет.

Мама принесла мне чью-то шубенку. Переделала по своему вкусу, и меховой воротник с жакета подошел как нельзя лучше. За мою усердную работу получила немного денег. Ура! Теперь на бал в Х.С.М.Л. смогу пойти одна — свободная! Выйду из дома рано, меньше шансов столкнуться с опасностью.

Прихорашиваюсь и выхожу. И вдруг сразу же за воротами — нос к носу — Сергей и Костя. Будто ждали меня нарочно. Стали упрашивать меня пойти в клуб. Я наотрез отказалась. Тогда они силой взяли меня «под ручки» и повели. Пришлось пойти на хитрость:

— Хорошо, я пойду, только позвольте взять жакет — забыла его дома.

Они поверили и отпустили меня. Тут я заметила приближающееся такси. «Гриша», — догадалась я. Сергей затащил меня за угол, а Костя пошел к машине и сказал Грише, что я уже уехала в Новый Город. Такси скрылось. Кавалеры меня отпустили, уверенные в том, что, взяв жакет, я приду в клуб. И они удалились.

Через минуту я прибежала к месту стоянки драндулеток. Взяла первую, где уже сидели два китайца — попутчики. «Поехали», — крикнул возница громко, по-русски, и задергал вожжами. На половине дороги нас нагнало Гришино такси. Гриша вышел из автомобиля и стянул меня с драндулета. Я быстро сунула кучеру приготовленные деньги. Пришлось сесть с Гри в машину — я была здорово разочарована.

Приехали к сестре, где я надела свой костюм — рыбы. Сестра оделась испанкой. Все ее ранения зажили, и опять она была готова танцевать. На балу мы держались вместе. Гриша недоволен, а я — еще больше. Вечер прошел неудачно. Засыпая, вспомнила, что не пошла на свидание к стукачу. Теперь жди беды. От такого гада всего можно ждать.

27-Е ФЕВРАЛЯ (35)

Автобусная компания возместила все убытки и хорошо вознаградила сестру. На радостях Тамара пригласила меня в кино на американский фильм «Сюзанна — это я», с участием Лилиан Харвей. Ночевала я у нее.

6-Е АПРЕЛЯ (35)

Ужас, сколько времени не писала. За это время произошло страшное событие: неподалеку от Старого Харбина, в Гондатьевке, взорвался пороховой склад. Он был в японских руках. Спрашивается: несчастный случай или диверсия?

Взрыв был такой сильный, что у нас в доме растрескались стены и обвалилась штукатурка. Постройки, находившиеся ближе к взрыву, пострадали еще сильнее. Один дом был сдвинут со своего фундамента. Даже в магазине Чурина, который находится в Новом городе, оказались разбиты стекла в двух витринах. По официальным японским сведениям, жертв не было. Но ходили слухи, что одному часовому оторвало голову, а другому — руку.

На наградные деньги сестра купила преображенскую шубу и теперь задается. Я ей позавидовала, а потом меня разобрал стыд. Ведь не я была избита! Угрызения совести так на меня подействовали, что я пошла в церковь и исповедалась. И за этим последовало чудо: один за другим пришли заказы.

Только что узнала правду о нашем воспитаннике Алеше. Отец Алеси — китаец, с которым его мать разошлась и живет теперь с кем-то другим. Боясь, что отец отнимет мальчика, мать поместила его у нас за 15 го-би в месяц. Алеша у нас нравится. Он привык, освоился и даже капризничает, как полноправный член семьи. Любит мне помогать и разносить со мной заказы.

Вот и сейчас пошел со мной относить абажуры. Одной бы мне не справиться. Закончив доставку, я велела Алеше идти домой. У меня был урок японского языка, а потом хотелось немного погулять. Не тут-то было. Алеша шлепнулся на тротуар и стал реветь: хочет дальше идти со мной. Публика останавливается и с любопытством наблюдает сцену. Мне ужасно стыдно. Я стала объяснять ему, что у меня урок языка. Капризный мальчик ничего слушать не хотел и бежал за мной, как преданная собачка. Я пошла на урок, а оностоял почти час, около здания, на холоде. Дома я напоила его горячим чаем с водкой и растерла, а сама стала собираться в клуб. Вижу, что Алеша натянул свое пальтишко и опять собирается бежать за мной. Пришлось взять его за руку и «из рук в руки» передать маме.

Сегодня автомобилем задавило Маськиного щенка — Кариоку. Жалко — поревела!

Железная дорога в руках японских правителей. Будут ли они выплачивать дядину пенсию? В клубе положение критическое: меньше и меньше народу. Молодеж боится приходить из-за стукача. И я его боюсь. Ведь на свидание не пошла — теперь жду последствий. Грище отказываю в свиданиях — не хочу, чтобы он тратился.

Мечтаю научиться петь и танцевать, но на все нужны деньги. В балете я ничего не понимаю, а вот акробатику иногда делаю. Однажды попробовала сделать «мост» с пола на кровать, но не заметила, что из кровати торчит огромный гвоздь. Свалилась боком и зацепилась за него. Рана глубокая и много крови. Никому не говорю — боюсь сознаться. Залила иodom, замотала чистыми тряпками — увидим. Сижу дома, лечусь и пишу частушки для стенной газеты клуба. Вот одна:

Молоком торгует бойко,
Режет чушек и свиней.
Кто бы мог быть? Это только
Турчанинов Алексей.

Узнав про частушку, Лида — невеста Алексея — уговорила меня ее не помещать. Ну, ладно, уступлю. Все равно клуб «угасает». Стала замечать за собой, что копирую некоторые Лидины выражения. Остановиться, перестать! Всегда считала, что у меня есть собственная индивидуальность.

9-Е АПРЕЛЯ (35)

Зима как будто бы удаляется. Сижу, обложенная яйцами. К празднику Св. Пасхи большой спрос. Как на фабрике: цепочкой накладываю тот же самый штрих, потом перехожу к другому — так скорей. Царский герб, с двухглавым орлом и флагами, с одной стороны яйца, а с другой просто Х.В. Это легче, а вот что труднее: рисунок Собора на выдущих утиных яйцах. Засиживаюсь иногда до двух часов утра. Отлучаюсь только на час — урок японского языка.

На урок я много сил не трачу. Так же, как в школе: что запомнится — хорошо, а насиловать себя, зубрить — не в моем характере. На дорогу в Новый город трачу больше времени, чем на сам урок. Сегодня решила передохнуть и навестить сестру. Застала ее с Володей Кузмным, он и оказался «Марком Великолепным»! Мне показалось, что они очень серьезно строили планы насчет бракосочетания. Дай-то Бог, может, брак поможет ей остепениться.

Долго я с ними не сидела, на этот же день у меня было назначено свидание с красавцем Геной. Встретились мы у кинотеатра «Ориант». Гена пригласил меня в кафе, а мне просто хотелось с ним погулять и похвастаться перед знакомыми его красотой. Как нарочно, навстречу попались Кока с Володей Ж. и с их новыми девушкиами. И здесь же Гри, который отозвал меня в сторону и назначил свидание. Гена мне очень нравится, но ни в коем случае привыкать нельзя. Он держится джентльменом и только сегодня, в первый раз, доведя меня до сестры, сказал:

— Ну, поцелуйте же меня на прощание.

Это мне понравилось, но получилось как-то смешно: мы неуклюже нагнули разом головы, стукнулись и поцеловались, как неопытные застенчивые дети. Как странно: такой красивый юноша — и без практики.

Вернулась я домой поздно и все равно засела за работу. Определенно мама хорошо заработала на раскрашенных яйцах — купила мне материю на платье и хорошенечкие туфли. Одна обида: не хватило времени сшить платье к празднику.

К Заутрене пошла усталой. Как-то никого не хотелось видеть. Лида пришла в новом пальто и шляпке и выглядела очень эффектно.

Странно, ей я совсем не завидую и не ревную. К ней у меня теплое уважительное чувство: умная, серьезная девушка. По окончании службы я спряталась, избегая «христосования». Домой возвращались всей семьей. Ночь была холодной и ветреной. Одной Танюше удалось донести свечку до дома. Ею, как положено, накоптили кресты на перекладинах дверей и зажгли лампаду. Быстро и очень скромно разговелись. Мне кажется, что никогда в жизни я так крепко не спала.

На следующий день все как полагается: мужчины делают визиты, а женщины дома угощают. Так как у нас угощать нечем, я с утра сбежала и «прошаталась» до самого вечера. Промерзла и устала. От работы отдыхаю, легла рано спать.

Ночью меня разбудили крики, стоны и звук ударов. Оказалось, что хозяинский сын Женя поймал вора-китайца, который, выломав несколько досок забора, пытался вывести скот. (Наши собаки спали в ту ночь в доме.) Женя бил китайца так сильно, что последний мученически кричал и стонал. Мне захотелось выскочить и за него заступиться. Наконец, появились китайские полицейские и увели вора в участок.

В сегодняшней газете — извещение о смерти Ниночки Марчуковой, которая в страничке «Юнчиков» подписывалась Нанси Кароль. Умерла она от скарлатины. Молодая, так ее жаль. В Таниной школе также появилась эта болезнь и унесла одну из учениц. Неужели эпидемия будет прогрессировать? Через несколько дней заболела наша Танечка! Мы, конечно, в панике — позвали доктора. Доктор внимательно ее осмотрел и определил: корь. Уф, отлегло от сердца! Но и с корью шутить нельзя. Ухаживали за ней, и через несколько дней Танюша поправилась.

Из-за Таниной болезни я просидела несколько дней дома, а когда вышла, в Модягоу встретила Олега Ч., который мне сообщил, что Сережка М. и Виктор С. задержаны полицией из-за какой-то стычки. Жутко, беспокойно и страшно за русских ребят. Теперь в Харбине все так не стойко.

Кажется, наш клуб при последнем издыхании. Публики все меньше и меньше, финансовое положение — катастрофическое. На последние средства клуб все же решил поставить спектакль и провести лотерею. Я вызвалась нарисовать декорации, а теперь раскаиваюсь: будет ли у меня время?

Неожиданный и неприятный сюрприз: сегодня мама пришла в клуб сама. Мне за нее стыдно: неопрятно одета, по деревенски проста, ни намека на кокетство. Принесла она стеклянных веичек для лотереи: вазочки и статуэтки. Почему она не доверила это мне? Причина оказалась проста: передав вещи администрации, она сразу же попросила у них другой подписной лист, по которому обещает им принести еще что-то! Я стала смиряться с этой «комбинацией», потому что и мне иногда перепадает что-нибудь очень нужное из одежды. Но все же не хотелось бы, чтобы мать здесь показывалась.

12-Е АПРЕЛЯ (35)

Танюша опять свалилась с какой-то новой болезнью. Что у нее на этот раз? По ночам бредит, а у нас нет денег, чтобы опять вызвать доктора. Молимся и надеемся. Больше всех страдает и переживает дядя Саша.

16-Е АПРЕЛЯ (35)

Слава Богу, Танюша чувствует себя лучше. А что с ней было, мы так и не узнали. Теперь я успокоилась и с утра до вечера рисую декорации для клуба. Вызвалась — теперь расхлебываю! Однако позже я была вознаграждена. По всем заборам и стенам Старого Харбина расклеены афиши, на которых крупными буквами: «Декорации выполнены Ниной Мокринской». Я горжусь. Пусть в захолустье, а все равно приятно.

Спектакль прошел с успехом. Молодые люди поднесли мне букет цветов дикой яблони. После спектакля до дома проводил Сергей. Как всегда, ласково и пристально заглядывал в глаза, пускал в дело свой шарм. «Ну, красавчик, на меня больше ваш шарм не действует», — думала я про себя. Твердо решила оставить его милой, симпатичной Лидочке. У них гораздо серьезней, а у меня только мимолетный флирт.

23-Е МАЯ (35)

Совершенно нет времени писать. Как странно, этой ночью во сне видела Коку, а ведь совсем о нем не думала. Странное совпадение: вчера был его день Ангела! Значит, не совсем «стерся».

31-Е МАЯ (35)

До 12-ти ночи вытиливала абажур, еще не закончила, но ужасно устала. К утру надо обязательно сдать заказ. Передохну немного, записывая эти строки, и опять за работу. До которого же часа придется сидеть? Боже, дай силы. В доме все спят.

3-Е ИЮНЯ (35)

Решила серьезно заняться японским языком. Без него не сдвинуться. Теперь хожу регулярно, но идти надо далеко, в Новый город, а деньги на проезд есть не всегда. Из Старого Харбина сговорились ходить на урок вместе с двумя мальчиками: Ваней Д. и Лушенцевым. Сегодня, после урока, они пошли на именины, и мне

пришлось возвращаться одной. Стал накрапывать дождь. Быстро потемнело. Дождь разошелся.

На счастье, у меня оказались деньги взять драндулетку. Одна остановилась, и кучер спросил, куда я еду. В Старый Харбин его устраивало, он жил там и как раз возвращался. Я с облегчением взбралась и спряталась под огромным, темно-желтым зонтом, которого было достаточно для меня и кучера. Широкий, длинющий Хорватовский проспект не освещен, и только небольшой фонарик с драндулета бросает тусклый свет на мокрое шоссе. Медленно проехали половину пути.

Неожиданно совсем рядом завижила тормоза автомобиля. Я почувствовала сильный удар в спину, вылетела на мокрую мостовую и потеряла сознание. Но под холодным дождем сразу же очнулась. Боль чувствовалась во всем теле, но я была жива. Моментально в голове пронеслась благодарственная молитва Богу.

Тут я заметила, что продолжаю держаться за ручку зонта, а самого зонта нет. Около меня возился пожилой японец, пытаясь приподнять. Вокруг валялись в грязи тетради японского урока и листки моего последнего дневника.

Китаец-возница, охая и хромая, привел под уздцы убежавшую лошадь, с одной оглоблей на боку. Сама драндулетка лежала грудой расколотых дощечек. Машина, которая на нас налетела, стояла неподалеку, поперек шоссе. Я на своем еще очень бедном японском языке спросила, кто шофер машины.

— Даре коно дидося — но унтэнся?

Японец удивленно на меня посмотрел, однако понял и ответил, указывая пальцем на сидящего в машине человека, «Чосен чжин», что означало «кореец». Я уже знала, что корейцы еще хуже и опаснее японцев. Не раз слышала, что японцы передают им работу палачей.

Кореец вышел из машины и передал какую-то бумагу вознице. Вместе оба собрали мои листки, усадили меня в машину и довезли до первой полицейской будки, где что-то записали, а потом отвезли домой. Все же довезли — а ведь могли бы и на дороге оставить. Теперь их власть.

Не стоит описывать, как все перепугались за меня дома. Очень серьезныхувечий не было, только глубокий порез на правой руке, от кисти до локтя. И невероятное количество синяков по всему телу.

На следующий день сразу же поехала в участок для «выяснения дела». Оттуда меня направили к японскому доктору за удостоверением. Доктор нашел мое ранение серьезным и дал бумагу. Служение дела назначили на следующий день. Оно разбиралось в участке Старого Харбина. Там, проверив бумаги, спросили, сколько я требую. По своей робости, я попросила совсем ничтожную сумму, только за те дни, в которые я не смогу работать — всего 18 го-би. Кореец-шофер, виновник случившегося, предложил только 5 го-би,

со словами: «На конфеты». Такой гад! Я отказалась и решила пожаловаться на него в высший японский суд, надеясь, что японцы войдут в мое положение.

Рана на руке постепенно заживает, но боюсь, что шрам останется на всю жизнь. А у меня опять ангина. Пришел Гри. Он уже перестал верить, что у меня вечно ангина. На этот раз ему разрешили войти, и он сам убедился. Принес мне стих.

С корейцем дело затягивается. Русский клуб обещает мне помочь, но я этому не особенно верю. Что они могут сделать при режиме японской оккупации? Сами дрожат от каждого японского жеста! Все же за предложение — спасибо.

17-Е ИЮЛЯ (35)

Столько времени не писала. Да вдобавок в катастрофе потеряла несколько листков.

Дни стоят изумительно жаркие. Молодежь, окружающая меня, проводит время за Сунгари, а я — без купального костюма. Наконец, набралась храбрости и выпросила деньги у сестры. Тамара выразила желание поехать со мной. По дороге, в каком-то магазинчике — распродажа. Купила прехорошеный купальник, совсем недорого. Продавщица нашла нужным мне сказать:

— Этот размер для подростков.

Поначалу мне было стыдно показаться в купальнике: белая, худая, прозрачная от болезни, утомительной работы и недоедания. Но через некоторое время освоилась, и мы с сестрой чудно провели время. Денег сестра потратила много: невозможно провести целый день под палящим солнцем без пирожков и напитков. Решили сэкономить «на транспорте», то есть обратный путь проделать пешком. У меня туфли кем-то пожертвованные. Они так натирали ноги, что я не смогла вытерпеть боль. Ступни стали опухать, появилась кровь. Еле добрались до Тамариной комнаты. Я бухнулась на кровать, Тамара промыла мне раны, продезинфицировала йодом и наложила компрессы. У нее хорошее доброе сердце. Осталась спать у сестры.

19-Е ИЮЛЯ (35)

Дядю Сашу уволили с Опытного поля! Все места заняты японцами. С одной стороны, новость печальная, а с другой — радостная. Мама начала поговаривать о переезде в Модягоу. «Фацай! фацай!» (это вроде «ура» по-китайски).

26-Е ИЮЛЯ (35)

Ноги мои зажили, и мама принесла мне легкие сандалии, которые пришли впору. Погода стоит великолепная. Сходить бы еще за Сунгари, да денег — ни гроша. Танюша и Алексей сидят голодными — больно на них смотреть. Я не выдержала, пошла к сестре. На счастье, она была дома. Выслушав мою историю, она собралась и пошла со мной. По дороге она купила еды, и дома мы приготовили обед, по времени больше похожий на ужин.

Прожевывая еду, сестра мне сообщила, что на днях уезжает в Советский Союз ее бывший ухажер Виктор и он упрашивал сестру проводить его. А у нее как раз свидание с «Марком Великолепным».

— Выручай меня, — обратилась она ко мне. — Виктора мне жаль, хороший парень, и это его «адью» навсегда. Но с Марком (Володей) у нас серьезно, и я не хочу его потерять.

Я пообещала. Своей добротой она нас здорово выручила с этим обедом — теперь моя очередь.

Настал день. Сестра приоделась и поехала на вокзал провожать Виктора, а я стала «маячить» около ее дома. Ждать мне пришлось недолго. Силуэт «Великолепного» я сразу же различила и пошла ему навстречу.

— Я только что виделась с сестрой, автобус, на котором она работает, нанята на целый вечер, и вернется она поздно.

Я врала легко и беззастенчиво.

— Давайте прогуляемся, — добавила я.

Володя мне поверил, и я завела его очень далеко. Когда мы вернулись, Тамара была уже дома. Уф — все закончилось благополучно. Но все же от этой лжи мне было противно.

31-Е ИЮЛЯ (35)

Вечеринка в клубе, а у меня такая апатия — никуда больше не тянет. Думаю о скором переезде в Модягоу, строю новые планы и надежды...

Мама сама нашла квартиру в Модягоу. Чуточку на отлете, и только через небольшую полянку и дорогу начиналось Модягоу. В первый же свободный момент побежала посмотреть новое место жительства. Увидела только снаружи длинный деревянный дом, с палисадником перед окнами. Детали не рассматривала. Главное, что в Модягоу. Ура, ура!

Возвращаясь с «инспекции», на противоположной стороне Гоголевской улицы увидела... Коку. Он был одет совсем по-летнему. Мне показалось, что за этот долгий перерыв он отрастил себе животик. А впрочем, возможно, что мне это только показалось. Еще через несколько шагов встретила Верочки. Здесь жизнь бурлит! Разговорились. Верочка, узнав, что Володя К. вроде жениха у Тамары, очень удивилась:

- Ведь он безумно влюблен в Злату.
- Был влюблен, — подчеркнула я. — А вот теперь в Тамару. Верочка хорошая — спорить не собирается.

Суббота. Вспомнила, что с самой Пасхи я не была в церкви. Пошла в Монастырскую. Народу почти не было. Молилась усердно. За дядино здоровье, за его силы и терпение, за слабенькую Танечку, за Тамарино шаткое здоровье и трудный характер. За ненормальности мамы. На душе тяжело, и молитвы и просьбы мои вырываются из души с болезненной силой. Смотрю на образ Спасителя и чувствую, как горячие слезы катятся по щекам. Дрожат огоньки свечек. И Бог меня услышал и приблизился, почти физически ощущаю Его присутствие, и постепенно становится радостней и легче. А когда вышла из церкви, солнце заливало деревья, дома, дороги, и весь мир показался мне раев!

Вечером в клуб опять пришел стукач. Веселое настроение присутствующих сменилось беспокойством и страхом. Один за другим все быстро разошлись. Я убежала одной из первых.

Ватанабе-сан, наш учитель японского языка, из всех учеников выбрал троих: Лушенцева, Яковлеву и меня — заниматься русским языком с его женой и некоторыми друзьями. Как я справлюсь? У меня и так времени не хватает.

На этот раз дом был заполнен японскими «шишками», и приветливая жена Ватанабе-сана всех угождала японским чаем «о банча» и приторными бобовыми пирожными. Атмосфера была совсем не учебная. Японцы громко разговаривали, смеялись, хвалили меня. За что? Один даже осмелился и на ломаном русском языке мне сказал: «Очень красавица!». Неужели с ними надо будет заниматься? Совсем не серьезно.

В доме стало совсем невыносимо: кредиторы, которым мама не платит, ломятся в дверь, кричат, скандалят. Какой позор! Хоть домой не возвращайся.

В газете объявление: требуются «головы» для испытания первой электрической завивки. Бесплатно! Для меня — неожданная оказия, хотя и с риском. Я подумала и все же пошла.

Завивка прошла благополучно — не спалили, но срезали волосы так коротко, что мне совсем не идет. Надо бы высидеть дома, пока отрастут. Но как раз в клубе интересный доклад священника Нестора — пропустить нельзя. Я надела шапку и пошла. В помещении сидеть в шляпе запрещено. Сняла и почувствовала себя, как голой! Выручил меня симпатичный военный старичок, который голосовал за меня на выборах «королевы». Несмотря на мой облезлый вид, подошел, наговорил кучу комплиментов и поцеловал руку. Доклад священника был очень интересен — побольше бы таких для улучшения морали нашей молодежи.

Бедный дядя Саша, как он заметно тает. Чаще и чаще страдает от головной боли, и порошки, которые принимает, — явный наркотик. Все чаще дозу надо увеличивать. Радикально его излечить — нужны

большие деньги. А я, паршивка, теряю время в своих глупых флиртах. Какой же выход? Единственный — отдаться какому-нибудь богатому за деньги. Но от одной такой мысли тошнит и кровь стынет в жилах. На такой шаг никогда не решусь. А дядя мучается и слабеет...

Пошла пошататься по задворкам квартала. По правую сторону от дороги, за редким забором — домишко с соломенной крышей, напоминающей украинскую. Совсем деревенская, русская, полная женщина в цветном платочке на голове, вытащила небольшой коврик. Я притаилась за кустиком и наблюдаю. Повесила она коврик на веревку около небольшого огорodka и взялась выбивать пыль дубинкой, напевая. Ветер относил в сторону ее совсем деревенский, писклявый голосок:

Там в саду, при долине, громко пел соловей,
А я мальчик на чужбине — позабыт от людей.
Позабыт, позаброшен с молодых ранних лет
Я остался сиротою, счастья-доли мне нет.

Стук дубинки и ветер заглушали слова. Я расслышала только обрывки:

И сухарики с водою со слезами глотать...

Вот умру я, умру я — похоронят меня,
И никто не узнает, где могилка моя.
И никто на могилку на мою не придет,
Только раннею весною соловей запоет...

Я опять не слышу, но от себя в голове подбираю рифмы, чтобы закончить фразу: «И какой-то пьяный дядька, спотыкаясь, пройдет...» Мне смешно. Женщина сняла коврик и унесла в дом. Я не решилась спросить у нее конец песни. Может быть, в другой раз.

1-Е СЕНТЯБРЯ (35)

Как быстро прошло лето, и как незаметно подступил сентябрь. К вечеру закончила заказ и уселась писать дневник. Вдруг под окном услышала Тамарин голос. Я совсем забыла, что на днях она меня попросила передать родителям, что придет со своим Марком-Володей — «поговорить о чем-то серьезном».

Ничего не приготовлено, и комнаты не убраны!

Скорей, скорей покрыла стол скатертью и запрятала валявшееся тряпье.

Тамара одета по-праздничному, и Володя — с иголочки. Сестра представила Володю как жениха и сообщила, что скоро они собираются повенчаться. Новость приятная: может быть, брак утихомирит сестру?

Пока мужчины разговаривали, мы, женщины, приготовили на кухне угощение. Из «ничегонетного» умудрились только смастерить скучный винегрет. Хорошо, что пришли они не для еды и вскоре удалились.

В клубе опять новое: через русских «сошек» японского правительства вышел такой приказ: образовать охрану нашего округа. Чего они боятся? Каждый молодой человек, житель Старого Харбина, должен поочереди, вооруженный, ночью обходить свой округ.

Дошла вскоре очередь до нашего соседа, Жени Ж. Глубокой ночью, на пустыре, напала на него группа своих же русских эмигрантов, с дубинками и кастетами, пытаясь отнять у него винтовку. Женя со страху стал стрелять в небо. На выстрелы подоспела китайская полиция, которой удалось арестовать виновников. Среди них оказались знакомые нам Митя Б., Жени И. и другие. Дело серьезное — как они выкрутятся? Вот для Жени И. есть надежда — его сестра замужем за японцем.

6-Е СЕНТЯБРЯ (35)

Тамара накопила денег на подарок Володе, а мама каким-то образом их выкрала. Тамара была очень расстроена, но скандала маме не устроила. Ей все же удалось купить Володе дешевенький портсигар. Как же после всего этого называть маму нормальной? Во всех своих молитвах молюсь за нее.

8-Е СЕНТЯБРЯ (35)

Ура, ура! Переезжаем в Модягоу. Такое совпадение, что новая квартира находилась как раз через полянку против дома Тамариного жениха. Квартира наша занимала половину «украинского» домика, о котором я уже писала. Комнат хватало на всех и большой двор, удобный для собак.

Для переезда было необходимо нанять арбу. На нее погрузилось все, даже «животина». Хозяева оказались симпатичными людьми: пожилые муж с женой и молодая дочь. Стали размещаться. Работы много. Но ведь мы уже в Модягоу! К вечеру захотелось прогуляться. Почему-то вспомнился Гена. И тут же увидела его через дорогу: садился в такси с красивой девушкой Женей. Вспыхнуло какое-то чувство похожее на ревность. Или это просто задетое самолюбие?

Утром мама ушла и оставила дяде два порошка. Я закончила абажур и принялась мастерить обед из скучных остатков. После

обеда передохнула, принарядилась и совсем уже собралась выходить, как заметила, что дядя опять сидит на кровати в той же позе и стонет.

Я не выдержала: завернула абажур в небольшую простынку и пошла продавать — искать покупателя. На улице ветер, абажур большой, тяжелый и неудобный. Меня с ним все время заносило с стукало о заборы и столбы. Потеряла много времени, абажур не продала, только обломала все виньетки. Возвращаясь домой, представила себе страдающего дядю — не выдержала, зашла в аптеку и выклянчила в долг два порошка. Дала их дяде, а сама думаю: а правильно ли я сделала?

В сенях, в ванночке лежит намоченное мамой белье — уже четвертый день плесневеет и гниет. У меня нет сил вороачать большие вещи. Просто вытащить и просушить не догадываюсь. Таким образом теряем последнее тряпье. Голодная собака пробралась в сени и вылакала все сало из крынки. Бедные — и они голодают.

11-Е СЕНТЯБРЯ (35)

Мой день рождения был совсем не замечен, а завтра — день Ангела дяди Саши. Мы с Тамарой размечтались сделать ему подарок и в рассрочку купить костюм. Тщетно — в долг нам никто не доверяет. Так и остался он в своем задрипанном старом жакете и протертых до дыр брюках...

Наконец-то император Пу-И уехал. Как-то сразу стало спокойнее.

Чудом заработала Зго-би и купила у сапожника подержанные, но хорошенъкие туфли. Побежала сразу же хвастаться сестре. Она посмотрела на мои туфли и сказала:

— А знаешь, что я сегодня сделала? Заплатила за маму ее долг в магазин.

Вот ведь какая я — все ищу ее недостатки!

Приближаются осенние холода. Мама давно заложила мое пальто, и квитанция уже просрочена, пальто пропало. Еще она умудрилась каким-то образом выкрасть тамарино красивое пальто, за которое сестра еще не закончила выплачивать и тоже заложила. В негодовании Тамара пришла к нам и устроила скандал. Мы с дядей ее поддержали. Опять скандал!.. Мама одела Танюшу и ушла...

22-Е СЕНТЯБРЯ (35)

Думали, пройдет день-другой — и мама вернется. А вот уже четвертый... Настроение убийственное. Вчера был праздник: Рождество Пресвятой Богородицы. Весь день прошел в слезах и молитвах.

Сегодня родители Володи — Тамариного жениха — пригласили нас на обед. До того ли нам сейчас? Они не знают о нашей драме. Мы не хотели идти, но Тамара с Володей пришли и повели нас. Сразу же после обеда, поблагодарив хозяев, дядя ушел. Он очень устал. Я вернулась вместе с ним. Дядя прилег отдохнуть, а я уселись за работу. Какие-только думы не лезли в голову!..

25-Е СЕНТЯБРЯ (35)

Утром мама с Танюшой вернулись. Какая радость!

После обеда я вспомнила, что как-то с дядей разговаривали о работе на экспрессе «Азия». В тот момент я чего-то испугалась и отложила это дело. А что если опять попытаться, да посерезней?

2-Е ОКТЯБРЯ (35)

Несколько дней прошли спокойно, а вот сегодня мама вернулась в очень плохом настроении и стала нападать на дядю. Я за него заступилась и за это получила такую сильную пощечину, что из носа пошла кровь! Я подумала — и простила ей. Ее молодость прошла, а жизнь подвигается к исходу. Моя же только начинается, и я уверена, что в будущем буду счастлива.

Вечером мы узнали истинную причину маминого огорчения. Уже со вчерашнего дня, т.е. с 1-го числа, каким-то судебным образом мамины долги будут автоматически вычитаться из дядиной пенсионной книжки. Значит, пенсия значительно уменьшится и нам будет еще труднее жить.

Хватит! Завтра же напишу заявление насчет работы в Управление железной дороги. Буду стучаться во все двери, пока не добьюсь.

3-Е ОКТЯБРЯ (35)

Началась война между Италией и Абиссинией. Верней, Италия напала на эту маленькую страну. Непростительный жест со стороны европейской нации!

К моему заявлению необходима фотография. Пошла к маленькому, дешевому китайскому фотографу. Китаец усаживает меня на стул и делает комплименты. Здесь же еще два японца — ожидают свою карточки и тоже лезут с комплиментами. Да ну вас всех в болото! Лучше бы дали работу.

С корейским шофером дело затянулось. Была в Старохарбинском участке. Вызвался какой-то японец мне помочь. Назначил свидание и повел в японское консульство. А по дороге вдруг стал приглашать мне поступить к нему в секретарши. Не дойдя до

консульства, остановился около японского «Чайного домика» и предложил выпить чаю. Я, извиняясь, отказалась, наврала, что опаздываю на другое свидание. Так и закончилась его помощь.

Возвращаясь, встретила Олега Ч., который сообщил мне, что Костя из Старого Харбина — в больнице для душевно-больных. Боже, как мне его жаль! Боже, помоги ему выздороветь.

11-Е ОКТЯБРЯ (35)

Бегу в участок, где будет разбираться дело с корейским шофером. В огромной комнате, на возвышении, за кафедрой сидят судьи. Внизу, на скамеечке для публики, сидит китаец — я узнала возницу драндулетки. Рука перевязана, глаза нервно моргают. Узнав меня, он радостно улыбнулся и, приподнявшись, поклонился. Я приветливо ему улыбнулась и сделала приветливый жест рукой.

Стоявший поблизости полицейский жестом предложил мне приблизиться к кафедре. Я подошла и теперь внимательней разглядела судей. На главном месте восседал человек с ехидно-самоуверенным выражением лица и с неестественно выпуклой грудью. Лицо его было знакомым. Я узнала клубного «вельможу» — японского холуя, который неоднократно и безрезультаатно назначал мне свидания, господина Х. Он тоже меня узнал.

— Ну как? — обратился он ко мне. — Одумались ли вы и готовы ли забыть об этом ничтожном происшествии?

Я возмущенно ответила:

— Как же забыть? Я жертва и страдала от ушибов больше десяти дней, не могла работать.

Он скривил рот, сделал недовольную гримасу и фыркнул вроде как себе под нос: «Знаем мы вашу работу». Затем нормальным голосом, обращаясь ко мне:

— Значит настаиваете? Тем хуже для вас. Недаром все знают вашу мать-аферистку. Яблоко от яблони недалеко падает.

От этих слов у меня потемнело в глазах. Ноги стали ватными, я пошатнулась, но не упала. У меня никогда не было обмороков, надо продержаться и сейчас. Взяя себя в руки, я укоризненно посмотрела на обвинителя и подумала:

«Недолго тебе радоваться. Настанет возмездие, и Бог будет Судьей!»

(Знаю, что после окончания войны его арестовали советские, пришедшие в Харбин, и больше о нем никто не слышал.)

Я больше не сказала ни слова — повернулась и ушла. Возвращаясь домой, была как в угара — ничего не слышала и не видела. Повторяла только фразу «яблоко от яблони не далеко падает». Опять мама, опять мама!..

Вдруг очнулась: совсем близко, почти под ногами, услышала жалобное повизгивание щеночка. Кто-то бессердечный выбросил.

Забрала его и понесла домой. А ведь дома уже столько «животины» — чем их кормить?

Дело с корейским шофером решила оставить — ну их к черту! Все равно не выиграю, только теряю время и получаю пощечины. О случившемся в участке маме ничего не сказала. Урок она не извлечет, привыкла к оскорблению такого рода. А я еще долго переживала и втихомолку плакала.

А вот и радость: подобранныго щеночка мне быстро удалось пристроить в хорошие руки.

13-Е ОКТЯБРЯ (35)

Теперь одна мысль в голове: поскорее устроиться на железную дорогу. Серьезно и настойчиво взялась за это дело. Все мои бумаги готовы. Утром пришла к нам знакомая девушка Зоя, которой я как-то рассказала о своем намерении работать на поезде. Она воспользовалась случаем, принесла свои бумаги и присосалась ко мне, как пиявка. Ну что делать? И она бедная, надо помочь. Пошли вместе в Управление Ж.Д. Сдали все бумаги какому-то японскому клерку, который пообещал заняться и позже сообщить нам результат. «Отять вилами на воде писано», — подумала я, но Зое ничего не сказала. Решили терпеливо ждать.

Приятный сюрприз: около калитки меня ждал Виктор с фотоаппаратом. Хотел сходить со мной в питомник и посниматься, да отдаться от Зои никак невозможно! Ну ладно, пошли вместе и поснимались трое.

— А в следующий раз пойдем только вдвоем! — шепнул мне на ухо Виктор.

С удовольствием согласилась. С Виктором мы придумали «почту»: прячем записки под большим булышником перед домом, на полянке. Теперь встречаемся с ним часто, разговор душевный и дружелюбный. Какая разница характеров между ним и его братом — поэтом Валерием Перелешиным! А вот Гриша не приходит. Не знает, где я живу, или просто надоело мое безразличие?

15-Е ОКТЯБРЯ (35)

В Маньчжурии, а особенно в Харбине, жизнь становится невыносимой. Особенно тяжело приходится молодежи мужского рода. Безработные семьи мучаются и голодают. Молодежь идет на все, жертвуют убеждениями, а то и жизнью рискуют. Некоторые поступают в японскую полицию, другие соглашаются на самые ничтожные амплуа, от которых самолюбие страшно страдает. А что делать? Надо переждать, когда это иго склынет. И мы все так в это верим! Теперь уже японцы выписывают в Маньчжурию свои семьи, занимают все лучшие посты, запрудили весь край.

Записочки Виктора становятся все откровеннее и смелее. Сознаться ли ему, что я старше и смотрю на него, как на младшего брата? Случай пока не представляется — подожду еще немного.

Сижу дома — работаю. Тороплюсь, вид неопрятный. Передохну, налью себе в кружку подслащенную жижу, похожую на чай, и опять за работу. Кто-то стучит в дверь, а я никого не жду. Оказывается, Виктор перепутал дни и пришел. Какойстыд! я в таком виде открыла ему дверь. От неожиданности и стыда выплеснула ему в лицо всю чашку и убежала.

Виктор тоже неплохой поэт. Но он реалист и знает, что на стихи не проживешь. Поэтому серьезно учится в Политехническом институте.

В Чураевке вечер. Мы с Виктором сели рядом за партой, и он таинственно сообщил, что для меня есть сюрприз. Меня это заинтриговало, но допытываться я не стала и спокойно ждала.

Один из писателей прочел целый рассказ, каждое слово которого начиналось буквой «п». Потом кто-то прочел еще — это не запомнилось. Вдруг поднялся Виктор (его псевдоним Виктор Ветлугин) и смело заявил:

— Стихотворение посвящается моей соседке.

Он стал четко декламировать:

У СТАНКА

В тревожном говоре станков
Я слышу голос твой — не ты ли
Глядишь из черных облаков
Тяжеловатой душной пыли?

Зачем ты снова здесь? Зачем
Глядишь и хмуришь брови строже,
И на твоем крутом плече
Прозрачная белеет кожа.

Да, знаю я, что это бред...
Но разве я смогу разрушить
Глубоко врезавшийся след
В мою потерянную душу?

И для чего? Я даже рад —
Пускай в бреду, но ты со мною
Своей осенней тишиною
Твои глаза меня томят,

Волнуют дерзкою загадкой...
И сильная моя рука

Какой-то судорожной хваткой
Сжимает ручку молотка.

Виктор сел. Какой молодец — герой, ничуть не смущился.

Валерий спокойно прослушал брата, а потом все же не удержался и подскочил:

— А какой соседке ты посвящаешь? Соседке, которая сейчас около тебя или которая живет в соседнем доме?

И опять хихикает и жеманничает. Бог с ним. Я прощаю его — ему, по-моему, просто не везет в жизни.

Через несколько дней мы гуляли с Виктором. Я хорошо чувствовала, что с ним творится что-то неладное, но он мне ничего не сказал. На другой день я встретила Олега Ч., который объяснил мне нервное состояние Виктора. Оказывается, он сошелся с какой-то опасной компанией «молодняка», которая затянула его в историю. Они попытались напасть на китайского полицейского и отобрать у него винтовку. План не удался все были задержаны, и Виктор тоже попал под подозрение.

Днем я увидела через окно, как Виктор прибежал, положил записку под камень и исчез. Я сразу побежала и взяла ее. Записка гласила:

«Милая Ни! Если сегодня со мной не случится особенного (????), то буду непременно, только в семь часов, а в 2-а у меня дело. Виктор.»

Я ей ответила доброй, подбадривающей запиской. Ведь ничем другим я помочь не могу. Мы встретились вечером, и на этот раз Виктор сам мне рассказал всю историю. На другой день — опять записка, которая меня испугала. Она была полна безнадежности и пессимизма, даже с намеком на самоубийство. Бедный — как и чем я могу ему помочь?

На следующий день мой ответ под камнем оказался не тронут. Чего только я не передумала! И одновременно с этим невыносимые домашние драмы: мама стала совсем невменяемой, после того как долги ее стали вычитаться с дядиной пенсионной книжки. В этом она обвиняет дядю. Их отношения так обострились, что сегодня обычно сдержаненный дядя крикнул:

— Пеняй на себя, если что случится!

Со стоном сел на кушетку, закрыл лицо руками и... заплакал.

Так, покачиваясь, он просидел с четверть часа. Потом, медленно поднявшись, взял бумагу и уселся за стол писать... прошение об отъезде в Советский Союз! Бедный, бедный — до чего дошел.

У меня страшно болит зуб. Чтобы запломбировать, надо 40 копеек, а я со всей домашней драмой не решаюсь напомнить о себе.

19-Е ОКТЯБРЯ (35)

Наконец встретилась с Виктором. Слава Богу, он на свободе. Сообщил мне, что собирается ехать в Шанхай, а оттуда удрать на Филиппины. Почему же удрать? Я так этого и не поняла. Жаль потерять еще одного милого преданного друга. Да сама-то я только и думаю об отъезде. Пусть едет, спасается. Здесь для него никакого будущего.

Опять в Чураевке. Талантливые поэты читают стихи.

Читал Валерий Перелешин, потом Михаил Волин — стих «Россия»:

Это — тройка и розвальни-саны,
И унылая песнь ямщика,
Это — в синем, вечернем тумане
Одинокая стынет река.

Это — грудь с неуемною болью,
Но палимая вечным огнем,
Это — крест, затерявшийся в поле,
И казачья папаха на нем.

Это — степи, столбы верстовые,
Беспределенный, бескрайний простор.
Это — Лермонтов — в грудь и навылет —
На холодной земле распростерт.

Еще запомнилось стихотворение Николая Щеголева «Сирена»:

Сидит — поджатые колена,
Большие лунные глаза.
Оцепенелая сирена —
Как затаенная гроза.

Как много, как ужасно много
Людей в былом, теперь — калек,
Толчется у ее порога!
Один красивый человек

Теперь в нее влюблен. Печально
Он с ней до сумерек сидит.
Она не гонит, но глядит
С холодностью необычайной...

А по ночам она — сирена.
Она сирена по ночам

Крадется в парк. Дрожат колена,
И косы выются по плечам,

Как перегрызенные цепи.
Стоят беседки. Месяц строг.
И ждущий фавн табачный пепел
С козлиных стряхивает ног.

Выступали и другие. Таня Андерс хорошо спела песню из репертуара Вертиńskiego «Молись, кунац». Собрание закончилось очень поздно.

Я вернулась, а мамы все нет. Ужин всегда приносит она, и сейчас мы все сидим голодные. Наконец, очень поздно, она все же вернулась. Слава Богу!

7-Е НОЯБРЯ (35)

Сегодня—репетиция воздушной тревоги. Ночь темная, выходить запрещено, а нас гонит любопытство. Так хочется узнать, для чего японцы все это затеяли. По всему небу летают аэропланы, а на них со всех концов города наводятся лучи прожекторов. Аэропланы сбрасывали огромные огненные шары, которыми освещалась земля. Мы никакого страха не чувствовали, а зрелище было потрясающим интересным.

8-Е НОЯБРЯ (35)

Ходила к Кузьминым — родителям Тамариного жениха. Помолвка объявлена официально и Тамара называет Александру Афанасьевну «мамой». Мне странно это слышать.

Хозяйка Тамариной комнаты, мадам Пакина, заказала мне выпилить из фанеры вывеску для их «Винного погреба»: виноград с листьями, который будет освещаться изнутри. Я заторопилась с работой: будут деньги, чтобы запломбировать зуб.

Гриша меня совсем оставил, должно быть, понял, что бесполезно. Виктор встретил у калитки, был сдержан и холоден.

За ночь выпал глубокий снег, почти до колен. Настоящая зима. Через окно гляжу на эту белоснежную картину, а выйти — не в чем. Натягиваю на себя все фуфайки, затем жакет. Выгляжу как капустный кочан — позор! Ну и сижу дома целый день, и выпиливаю.

10-Е НОЯБРЯ (35)

Наконец мама принесла мне чью-то заношенную шубенку, которую я решилась надеть только поздно вечером, чтобы никто не разглядел. Понесла мадам Пакиной законченный заказ. Получила деньги, возвращаюсь, а у калитки — Виктор. Мне всегда приятно с ним поговорить.

Тамара переезжает к Кузьминым. Сказала, что они с Володей уже повенчались в церкви. Почему же мы об этом не знали? Не врет ли?

Утром перешла шубу, кое-как улучшила. Сходила и запломбировала зуб. Теперь нужны высокие теплые ботинки — ходить по глубокому снегу. Пошла к сапожнику в надежде найти поношенные — подешевле. А у сапожника загляделась на модные туфли «кариока». Все же не купила — слишком дорого. Купила какие-то высокие «расхлябы», зато высокие и теплые.

Возвращаюсь домой, а мне навстречу группа «молодняка». Среди них — Вовка А., которого я знала только по Тамаринym рассказам. Проходя мимо, он отпустил по моему адресу оскорбительное слово! Я удивилась — почему? Больно и обидно.

А тут из-за угла вывернулся Виктор, как раз шедший ко мне на свидание. Я с горечью рассказала ему о случившемся. Не задумываясь ни на секунду, один против всех, побежал и догнал группу! Я наблюдала. Виктор серьезно разговаривал с зачинщиком и через минуту подвел Вовку ко мне.

— Извиняюсь, принял вас за Тамару, — буркнул тот. Повернулся и пошел нагонять приятелей.

Я восхищалась Виктором. Герой! Не побоялся один против всех.

Поехала на танцевальный вечер в Старый Харбин. Странно, пока жила там, только тянуло в город, а теперь захотелось туда? На мое счастье, на стоянке драндуплеток встретила знакомых попутчиков, с которыми сразу же сговорилась вернуться домой вместе.

В клубе большие перемены. Зал наполовину пуст. Сева болен, Лиза М. — тоже. Сергей здесь, но и он изменился: одет неопрятно, пьяный. Подошел ко мне, улыбнулся, заглянул в глаза своими красивыми — синими, хотя и покрасневшими уже от спирта — глазами. Дохнул перегаром. Зачем он пьет? Такой красивый и интеллигентный. Казалось, вся жизнь его должна была идти от успеха к успеху. Знаю, что русской молодежи очень тяжело под японской оккупацией. Кости Л. нет. Мне сообщили, что он все еще в больнице для душевнобольных. Стало так тяжело. Хотелось заплакать —казалось, что теряю близкого, родного человека!

Женя К. с мужем пригласили меня за свой столик. И здесь мне вспомнилось, что Женя была невестой Славика (моего друга

детства). Они совсем уже были готовы повенчаться, да вдруг надумали проверить чувство и расстаться на год. Год прошел — ничего. Кто-то мне сказал, что видел Женю плачущей на могилке ее ребенка. А вот теперь она рядом со своим мужем, и о Славике — ни слова. Какие там танцы! Так грустно. Не думаю, что мне захочется сюда приехать снова.

30-Е НОЯБРЯ (35)

Соседка пополнела и попросила меня перешить — расширить — ее платье. Я быстро с этим справилась и получила в награду от нее два билета на «Журбалин» — ежегодный праздник в «Желсобе». Что может быть лучше?

Я пригласила подвернувшуюся Зою. Она еще беднее нас (если только это возможно). Она была счастлива, но у нее нет ни платья, ни приличных туфель. Вместе побежали по соседкам — выклянчивать. Нам посчастливилось: достали вещи ей в пору. Но только все надо вернуть завтра. Быстро переоделись в дамской комнате, я все свои вещи сдала на вешалку, а Зоя постеснялась своих старых и грязных туфель и поставила их сушиться в углу, около отопления.

Побежали в зал.

Мне так хотелось похвастаться перед Зоей, показать ей, каким успехом я пользуюсь. Но как назло, когда я с ней, меня никто не приглашает. Прямо напасть какая-то. А стоит ей отойти — целая очередь. И Кока и «Ква» здесь. Почему я так ее называю? Определенно из-за ее огромных, в черной оправе, очков. Глупо. Она даже хорошенькая, но я не выношу ее зализанную прическу. Думаю, что к Коке она относится лучше, чем я, добре. А если у него к ней настоящее чувство? Лучше оставить их в покое.

Киоски были убраны изумительно красиво. Заворожил меня один — с чучелом пантеры, обтянутым настоящей шкурой. Пантера била хвостом, передвигала лапы, поворачивала голову, а в глазах и во рту горели настоящие крохотные лампочки. Такие вещи я могу наблюдать часами.

Но вот вечер закончился, и мы с Зоей пошли к вешалке переодеваться. Я взяла свои вещи, а Зоя нервно шарила по всем углам около отопления, но своих туфель не находила. Кто мог соблазниться таким хламьем? Подошел к вешалке добрый Федя, шофер, который предложил отвезти нас до дома. От замешательства и самолюбия отказались, о чём потом сильно жалели. Эти старые туфли были у Зои единственные.

Вся в слезах, в красивых туфлях на каблуках и длинном бальном платье, заковыляла она около меня, шлепая по мокрому снегу. Скользила и шаталась, цепляясь за подол платья, разрывала подол острыми каблуками. Нам становилось жутко. Идти еще далеко — в каком виде мы доберемся? А завтра мне возвращать занятые вещи! Позор! И дернул же меня черт связаться и поручиться за нее.

Утром она починила оторванную байку, подчистила туфли и принесла мне. Вещи оказались далеко не первой свежести, и мне было убийственно стыдно их возвращать.

23-Е ДЕКАБРЯ (35)

До сего времени Зоя ко мне не приходила: или стыдно, или не в чем?

Харбин дышит тревогой и выглядит растревоженным муравейником. Предсказывают скорую и неминуемую войну. С кем же? Какую войну?

У меня сильный насморк и головная боль. Лечусь домашним способом. Мамы дома нет. Пришел хозяин нашей квартиры и требует плату. Уже и ему мама умудрилась задолжать. Такой хороший, симпатичный хозяин — жить бы да жить. Я приложила все усилия и уверила его, что заплатим в ближайшее время.

Случилось чудо: пришла Тамара, сказала, что получила годовые наградные и дала дяде 25 го-би, чтобы заплатил за квартиру. Мы с дядей бесконечно рады. С сестрой пришли Володя и его добрая мать Александра Афанасьевна. Мама разговаривала с ними и все же каким-то чутьем поняла, что что-то творится за ее спиной. Когда увидела, что дядя пошел к хозяину Кашину, вскочила и побежала за ним. Дядя уже вручил хозяину деньги. Совсем не чувствуя стыда, мама взяла обратно 20 го-би, оставив хозяину только пять, и довольная вернулась домой.

Уже засыпая, я услышала перебранку между дядей и мамой. Возмущенная, я не выдержала, соскочила с кровати и вмешалась в ссору:

— Тамара дала деньги на квартиру, и они должны быть уплачены!

Мама взбесилась и обозвала меня «стервой». Уж этого я совсем не ожидала. Стало больно и обидно до слез. Противно смотреть на ее искаженное злостью лицо. Засыпая, вспоминала, как она нас любила и ласкала, какой была чуткой, близкой, нежной. Не могла же она внезапно так измениться, без шока или какого-то морального удара? Но что же это могло быть?

25-Е ДЕКАБРЯ (35)

Время тянется в неизвестности и ожидании. Но ни на минуту не теряю надежду, что меня примут на службу. Только когда? Мечтаю почти все время, и это помогает мне жить. Мечтаю не о принце, который меня спасет, а о путешествиях, других странах, другой жизни. Надеюсь только на себя.

Вечером закончила игрушечный домик для детей господина Строганова и легла спать. Заказов у нас много, потому что работаем

за гроши. А просили бы больше, никто бы не заказывал. Так и перебиваемся.

Чтобы подбодрить меня, мама дала небольшой задаток под следующую работу. Я устала от недоедания и недосыпания, но вместо отдыха раздумываю о костюме для предстоящего костюмированного бала. На этот раз хочу одеться павлином — костюм смастерю из целофана.

Пришла Тамара, спрятала у нас взятый напрокат костюм «Дэнди». Хочет на бал идти без Володи. Вот паршивка! За «молчание» она мне заплатила, а мне деньги как нельзя кстати. Уже поздно и холодно, у меня времени мало. Успею ли до бала закончить костюм?

Побежала покупать недостающие вещи. Выбившиеся из-под шапки волосы висят сосульками, брови и ресницы в инее. Бегу быстро, задыхаюсь, а дышать носом — не хватает воздуху. Глотаю его ртом и слышу, как от холода потрескивают зубы. Усталая и нервная вернулась домой и здесь обнаружила, что остаток моих денег или потеряла, или кто-то вытянул их из моего кармана. Значит, на билет денег нет.

Тамара больше дать не могла, но дала совет:

— Иди к профессору Анерту, у него всегда пригласительные билеты. Сам на балы не ходит — значит, пропадают.

Хорошая идея. Профессор принял меня любезно, но, как нарочно, на этот раз билетов у него не было. Расстроенная, я направилась к двери. Добрый профессор меня остановил:

— А сколько стоит билет? Наверное, не больше одного го-би?

И он направился к угловой этажерке.

— Хватит одного го-би?

— О, конечно, конечно. Не знаю, как вас отблагодарить.

— А вот на балу, если кто будет вас угождать вином, так выпейте за мое здоровье! — засмеялся он.

— Нет, вина я не пью. Но вот перед самым сном обещаю помолиться за ваше здоровье.

Он был растроган и улыбался, закрывая за мной дверь. Существуют же на свете такие добрые, чистые души. Обязательно смастерю ему подарок.

Из-за всей этой беготни костюм я закончить как следует не успела. Пришлось упрощать и вышло не то. На балу были изумительно шикарные, дорогие костюмы, состязаться с которыми было невозможно. Приз получил костюм «Жемчужина». Он весь был облит жемчужинами разного размера — конечно, не настоящими, но все же: где они их набрали? На такой костюм нужно целое состояние.

Несмотря на маску, все знакомые меня узнали по растрепанной прическе. Останавливается около меня «турчанка» в красивом голубом костюме, приглядывается. Я тоже присматриваюсь: темные волосы гладко зачесаны, лежат на шее, красивые синие глаза глядят через маску в упор. Тонкими, наманикюренными пальцами она поправила маску, и я узнала: «Ква»! Почему она без Коки? В этот же

момент подошла к нам ее подруга и, обращаясь ко мне, заявила вызывающее:

— Напрасно вы его ждете — он не придет!

Я удивленно на нее посмотрела:

— Не понимаю, о ком вы говорите.

— Ну-ну, не представляйтесь. Вы ждете вашего «милого», который больше вами не интересуется!

— Уверяю вас, я абсолютно никого не жду. А милых у меня так много, что я просто теряюсь.

«Турчанка» взяла свою подругу под руку, и они отошли.

Ко мне подбежала Тамара и радостным голосом сообщила:

— Знаешь, Женя Д. здесь! Он вернулся из Шанхая, и уже со мной танцевал.

Женя — ее бывшая любовь. Из-за него она травилась — такой стыд. Глядя на сестру, я подумала: «К чему все это теперь, когда она "мужняя жена"? Володя интересный, вышла за него по любви — что ей еще надо?»

Как бы читая мои мысли, Женя появился передо мной.

— Я узнал Тамару. Я ее по запаху узнаю. Пожалуйста, скажи ей, чтобы оставила меня в покое!..

Какой стыд! Неужели она продолжает его любить?

С бала вернулись рано, сестра зашла к нам и переоделась. О Жене я не решилась ей сказать, не хотелось обидеть. У себя дома Тамара солгала Володе, что задержалась на работе, на ночном дежурстве. Верит ли этому Володя?

У нас с утра работа. Заказов уйма. Мама относит работу, получает деньги, а улучшения в доме не видим. О Зое ни слуху, ни духу. Кто-то видел ее мельком — бежавшей в больших мужских ботинках. Бедная!

Погода холодная, паршивая, из дома выходить не хочется. Последняя записка от Виктора под камнем гласила:

«Ни, прошел около твоего дома, но постучать не решился. Я не думаю, чтобы ты очень ждала меня. Я слишком хорошо знаю, что для тебя я ничего не значу. (Как он ошибается! Если б он только знал, как для меня ценна его дружба!) Ведь ты сегодня идешь на бал. Очень жаль. Мне предстоит скучный тяжелый вечер без тебя. Напиши, где я тебя завтра встречу, и мы пойдем в кино. Хорошо? Виктор.»

Когда совсем стемнело и никого не было на улице, я быстренько побежала и вытащила другие записки. Они смялись и вылиняли от дождя. Все же кое-как разобрала. Последняя из них испугала меня до дрожи:

«Прощай, Нина! Забудь! Я тоже забуду, если смогу... За все плохое прости. Виктор.»

Эта записка так на меня подействовала, что я всю ночь провела как в кошмаре. Знаю хорошо, что записка относится не всецело ко мне, что у него есть другие серьезные неприятности, и все же

наутро быстренько переоделась и побежала его искать. Увидеть, успокоить! А где искать? Ведь его адреса я не знаю.

В такой тревоге прошло несколько дней. Вдруг к вечеру вижу, что кто-то маячит перед домом. Узнала Виктора и, так как я опять была в неопрятном виде, послала Танюшу, которая вернулась с запиской:

«Нина! Можешь ли ты простить мою необдуманную записку? Сегодня в 6.30 приду за ответом прямо к тебе. Страстно хочу скорее увидеть тебя. Виктор.»

Вечером Виктор пришел. Сидели и пили какую-то бурду похожую на чай и без всего. Долго разговаривали. Я в душе раскаивалась, что причинила ему такую горечь, и хотелось как-то сгладить.

29-Е ДЕКАБРЯ (35)

Ходят слухи, что академик Н.К. Рерих с сыном пошли в Тибет, чтобы встретить «Учителя». Какого? Удалось ли?

На улице мороз, почти все время сижу дома и работаю. Сегодня мама дала мне несколько копеек на кино. Люблю ходить одна, ни от кого не завися. Нашла свободное место и села. Глаза стали свыкаться с темнотой. Вдруг совсем близко различила знакомый силуэт — «Ква». Одна?

Свободное место около меня сразу же было занято знакомым по имени Дима. Мы разговорились. Я воспользовалась моментом и, из-за глупой ревности и самолюбия, подстrekнула Диму посмеяться над «Квой». Тот не замедлил обронить:

— Ей так же пошли бы и вторые очки!

Потом еще что-то сострил по ее адресу. «Ква» не выдержала и в темноте пересела далеко от нас. А меня вдруг забрал стыд и раскаяние. Где же моя проповедь «Огня сердца»? Настроение испортилось, я раскаивалась и сожалела о случившемся.

Суббота. Буран поутих. К вечеру вышел из дома и заглянула под камень. Ни одной записи. Думаю, что Виктору надоели мои капризы. Он прав, а мне грустно терять хорошего друга.

Из Железнодорожного управления никаких вестей насчет работы, но я все же не теряю надежды.

Опять была в кино, и через несколько мест от себя увидела Коку. В антракте я на него посмотрела: одиноко, застенчиво, опустив голову, он перебирал что-то на коленях. Никогда еще не видела я его в таком виде. Все лицо обросло щетиной. Он посмотрел на меня и сразу отвернулся. Почему-то мне стало его жаль.

Конечно, я скоро уеду, но с Кокой нам нельзя оставаться врагами. Мне было бы так легко подойти к нему и помириться.

Заметила его пристальный взгляд и решилась. «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе.» Подошла и сказала:

— Стул около вас свободен или занят?

Он удивленно на меня посмотрел и ответил коротко:

— Свободен.

— Может, у вас какие-то другие планы? Свидания?

— Я совершенно свободен, и никаких планов нет.

Я села на свободный стул рядом с ним. Мы разговорились и перешли на «ты», как в старое время.

— А как твоя барышня? — спросила я.

— Почему все считают ее моей барышней? У нас ничего общего.

Я не стала настаивать, а он сменил тему и, к моей радости, спросил:

— А как Маська?

Значит не забыл нашу собачушку, наши первые встречи. После такого трогательного замечания мне захотелось пригласить его к нам в дом.

— Хорошо, приду, только когда твоей мамаши не будет дома!

Вот опять — мама. Неужели он узнал или догадался, что это она была причиной пропажи его подарка — колечка? Свидание назначила на послезавтра. Это будет легко — ведь мамы почти никогда нет дома.

Кока пришел, но все было по-другому. Дистанция и отчужденность не исчезали. За такой долгий срок между нами возникло недоверие. Мне хотелось одного: примириться и расстаться хорошими друзьями. Разговаривали совсем «по-новому». Кока, не стесняясь, сказал мне, что я похудела и подурнела. Я совсем не рассердилась, даже смешно стало. Я больше не стремилась понравиться ему. Я не сказала ему, что он вроде бы отрастил животик и теряет волосы. Получилось бы глупо — детская перебранка. Нет, у меня другие планы — «идеи всепрощения»!

Сговорились встретиться опять. И встретились. Теперь мы проводим время по-другому. Кока стал рассказывать мне много интересного, о вещах, о которых я не имела понятия. Все это совершенно не касалось наших отношений. Кока прочитал много философских книг. Голова его переполнена культурным богатством. А раньше я ничего этого не замечала. Или не доросла.

Теперь Кока приходит к нам почти каждый день, но выходить со мной на улицу не хочет. Боится, что кто-то увидит? Бог с ним. У него какие-то свои соображения, которые меня совсем не трогают.

Сегодня Кока занялся экспериментом: передача мыслей на расстоянии. Написал что-то на бумаге, сложил ее и на обратной стороне попросил меня расписаться, чтобы я не заподозрила потом подмены. Ушел в другую комнату и стал мысленно передавать мне слово.

Я закрыла глаза, стараясь сосредоточиться.

Сначала в глазах было темно, а затем стало вырисовываться какое-то растение. Через минуту Кока вернулся и спросил меня, что мне представилось. Я ответила:

— Какое-то растение похожее на фикус.

Кока улыбнулся и развернул бумагу. На ней крупными буквами было выведено слово «фикус».

Моему удивлению не было предела.

После эксперимента уселись рядом на кушетку, и Кока начал читать вслух книгу «Пророки». Честно сознаться, я мало что поняла, а перед сном перебирала в голове прочитанное. Книга упоминала о художнике-пророке Н.К. Рерихе, многие картины которого, действительно, выглядят как пророчества. Собралась молиться, а вместо молитвы поскрасали слышанные фразы: «Славянская раса превзойдет, и вести ее будет Святой Сергей Радонежский».

В Харбине в эти дни на каждой улице слышны убийственные предсказания неминуемой войны, в которой будет применяться новое, все уничтожающее оружие. Так страшно! Что же это за оружие?..

30-Е ДЕКАБРЯ (35)

Нет никаких планов на встречу Нового года. С Кокой на эту тему не разговариваем. Он мне недавно сказал: «В течение двух месяцев вместе на улицу выходить не будем и не будем здороваться при людях!» Какая обида, что он не понял моего жеста, когда я подошла к нему в кино. Он истолковал это по-своему и даже спросил меня на днях: «А может быть, ты все еще в меня влюблена?»

Что ему на это ответить? Намекала на настоящую причину — не хочет понять. Старается «исправить» меня, дает наставления, лезет в мою личную жизнь... Скорее бы уехать!

Перед самым Новым годом Кока сказал, что торопится бежать: надо уплатить деньги для встречи праздника (не со мной), деньги, которые он выиграл в рулетку!.. Где мораль? А еще учит меня! Говорит, что «Ква» никогда не любил, а возможно женится на богатой шанхайке.

Назначил мне свидание на Дачной улице, около лавки. Я опоздала на полчаса, и он ушел, не дождавшись.

Думали с Зоей идти на встречу Нового года в Русское собрание, но ни у меня, ни у нее денег нет. Все эти дни работала с дядей Сашей до двух часов утра. Устала и неимоверно похудела. Какая напасть: худею верхней частью тела и лицом, а зад остается таким же.

Итак, уже 1936-ой год! Что то он мне сулит?

Кока назначил мне «рандеву» в синема «Америкен» — у черта на куличках. У него свои соображения, а мне лишь бы сходить на картину.

Во вторник — собрание Чураевки. Как я их люблю, вот где настоящее литературное богатство!

Подходит Сочельник, а за ним и Рождество. У нас одна сдобная булка и две бутылки вина, подаренные Пакиными. Бедная Танечка остается без елки. Но вот чудо: вечером в Сочельник приходят Тамара с Володей. Они принесли с собой все, что требовалось для праздника: наливки четырех сортов, три баночки варенья, жареная утка, орехи, ящик мандарин и даже небольшую елочку, с массой украшений для нее. Еще большого Деда Мороза и вдобавок — подарки для всех. Волшебники из сказки! И откуда они все это взяли? Непростительно, что я так часто сержусь на сестру.

Татьянка счастлива — глаза блестят, рот растянут улыбкой и не закрывается. Она не ожидала ничего подобного. И другое «чудо» началось для всех, когда сестра стала преподносить каждому из нас подарки. Дяде — теплую фуфайку и шерстяные носки, для мамы — шестияные чулки и шарф, для Танюши — альбом и сумочку, а для меня — хорошие дорогие духи!.. Праздник получился на славу. Еще раз сердечное им спасибо.

После праздника, как и собиралась, закончила небольшой абажур и отнесла его в подарок профессору Анерту.

К вечеру пришел Кока. Какие странные у нас с ним отношения — ни любви, ни дружбы, а что-то непонятное нас держит вместе. Зачем я его приглашаю? И зачем он приходит? Вот сейчас, здесь, рассказывает, что проиграл в рулетку все деньги, предназначенные для платы за ученье. Как он теперь выберется? И будет ли читать мне лекции о морали?

Виктор прислал открытку: поздравление с Новым годом и с Рождеством Христовым. Самый преданный, хороший друг.

В праздники мужчины и молодежь напиваются до того, что теряют человеческий облик. Объяснять ли это безнадежной будущностью в Маньчжурии? Но странно, что пьют также и пожилые, и старые, те, у кого в кармане ни гроша. Теряюсь.

Вечером сестра меня позвала: плохо себя чувствует, упрашивает отнести записку своей сослуживице, с просьбой, чтобы та ее заменила на два-три дня. Сестра больной не выглядела, и мне показалось, что ей просто хотелось погулять на время праздников. Я согласилась — сослуживица жила недалеко от нас. Да и хотелось отблагодарить сестру за щедрый праздник, который она нам устроила.

Пошла — темно и холодно. Сослуживица Раиса живет-то недалеко, но номер дома в темноте не разобрать. Стала звонить — никто не отзыается. Страшно в темноте на окраине, среди пустырей. Слышу неподалеку пьяные мужские голоса затягивают неприличную песню. Все громче и ближе. Уже различаю под тусклым фонарем несколько раскачивающихся фигур. Звоню сильнее. Наконец, дверь приоткрылась, и мужчина объяснил, что Раи живет через дом.

Я побежала, а сама молюсь, чтобы меня не увидели. После первого дома — второй, с высоким забором и надписью: «Остере-гайтесь собак». Судорожно звоню и жмусь к забору. Как нарочно, толпа направляется сюда же. Заметив меня, они прекратили ругань и непристойную песню. Значит, не до чертиков еще допились.

- Вы к кому? — спрашивают.
- К Рае, — отвечаю.
- Ну, и мы к ним. Муж Раисы — шофер, наш сослуживец. «Слава Богу, что не бандиты», — подумала я.

Дверь открылась, и толпа, оттолкнув ошеломленного хозяина, весело ввалилась в дом и прямиком направилась к накрытому столу! Сразу нашли чем заняться. Одни уже принялись за селедку и огурцы, другие хватают ветчину и прочие закуски, бесцеремонно разливая по рюмкам водку и запивая.

Хозяин сердито спрашивает:

- К кому, вы думаете, пришли?
- Гости называют фамилию.
- Да это не здесь, вы ошиблись. Раи с мужем живут по соседству.

Незванные гости извинились и, пошатываясь, направились к выходу. Первый зацепился за порог и растянулся, второй — на него, третий через них — и пошло...

Клубком скатились по ступенькам крыльца.

Я, воспользовавшись замешательством, быстро побежала звонить у соседнего дома. Пьяная группа уже рядом. Дверь боязливо открыла старушка.

- Раи с мужем нет, а я караулю дом, — еле слышно прошамкала она.
- Ничего, мы их здесь подождем и подзакусим, — отпариовал один.
- А что вы подзакусите? У них ничего нет, — продолжала старушка.

Недоверчивые гости заглянули в столовую — стол был пуст.

Я быстро передала старушке записку, объяснила в чем дело и, опередив пьяную толпу, побежала домой. Но три настойчивых пошли за мной.

- Мы вас проводим, — настаивали они.
- Я пошла на уловку. Указала пальцем на одного и сказала:
- Вы меня проводите.

«Избранник» гордо посмотрел на остальных и сказал:

— Она выбрала меня — уходите.

Двое других недовольно удалились. Мы быстро дошли до дома. Простишись с провожатым, я стала нервно крутить ключ в скважине калитки. Пьяный тупо следил за мной, казалось — придумывал что-то. Не закрывая калитки, я бросилась к двери и стала звонить. Дверь открыла мама — крупная, внушительная, сердитая. Я повернулась к провожатому и вежливо сказала:

— Спасибо за проводы.

А он в ответ:

— Не забудьте закрыть калитку, а то скот украдут.

Пьяный — а соображает.

Дома сидим голодные, в холода. Спасибо, что опять выручила Тамара — дала 40 копеек. Купили еды, а на отопление не хватает. Вместе с дядей вытряхнули баракло из деревянного ящика, разломали и затопили печку. После обеда взяла законченную полочку и пошла искать покупателя сама. На авось явилась к Чехиным, зная, что они живут в достатке.

Прихожу — а у них полно гостей, в числе которых... японцы!

Оказалось, что муж падчерицы Чехиных — японец. Я поняла: чтобы русским прилично прожить, без японцев не обойтись. И все же мне как-то не по себе. Стала прощаться, а они меня уговорили и усадили за стол. Ели, пили, пели. Заиграла музыка — пошли танцевать. И меня пригласили японцы. Трудно было отказаться, и я протанцевала два раза. Чувствовала себя неудобно и унижительно, и все потому, что полочку обязательно надо «загнать». Чехины полочку купили, и как только «сделка» была закончена, я поблагодарила и убежала.

В ожидании настоящей работы продолжаю «выцарапывать» гроши домашним способом. К моему большому удивлению, пришел Гри. Сразу же вместе пошли к Тамаре. По дороге почти не разговариваем. Он на меня дуется. Пришли к сестре, разговор зашел обо мне, и Гри громко сказал:

— Нина? Да с какой стати я должен переносить и унижаться перед ней? Она мне изменяет!

Вот тебе и фунт изюма! Изменять можно тому, с кем что-то было, а между нами — ничего, даже ни одного невинного поцелуя. Здесь же демонстративно он пригласил Володю и Тамару к себе, а меня — нет! А мне от этого ни холодно, ни жарко. На следующий день сестра мне рассказала, что Гри, представляя ее своим родителям, сказал:

— Это сестра некой Нинон, которая вам уже известна.

Бедный — значит, я действительно ему насолила. Эх, убежать бы от всего этого.

22-Е ЯНВАРЯ (36)

Очередная Чураевка. Я пришла с Виктором. Скротская прочла доклад — биография Бетховена. Хорошо, но ошиблась, бедная, и вместо «родовое», прочла «родовитое», чем вызвала улыбки присутствующих. С опозданием пришел Олег Ч. — «Гарольд Ллойд», как я его прозвала. Он очень интересуется поэзией, но сам не пишет. Я причисляю его к числу несамостоятельных, застенчивых, безвольных. Мне кажется, что он ничего не может решить и сделать сам, а охоты и поползновений — хоть отбавляй.

Сестра получила жалованье и потащила меня делать покупки. Накупила она себе всего, даже крем для лица, а для меня купила кисточки для рисования. Знает, что они нужны мне для работы. Я сразу засела рисовать подушки, надо обязательно купить подарочек к танинным именинам. Они в субботу, а мои — в понедельник.

С завтрашнего дня начинается китайский Новый год. Этот праздник у них — самый главный. Начнется невыносимый треск хлопушек. На несколько дней все учреждения будут закрыты, мои бумаги будут лежать. Сколько времени еще ждать?

31-Е ЯНВАРЯ (36)

Кока уже давно не приходил. В Чураевку пошла одна. Олег подсел совсем близко, но разговаривал с моей соседкой, а не со мной, но я каким-то чувством знаю, что он ко мне не равнодушен.

Китайский Новый год закончился. Бегу в Управление узнать о службе. Мне сообщили, что пока на поезде свободных мест нет, и предложили место на вокзале в городе Чань-Чунь. Я отказалась. Жить буду или в Харбине, или в Шанхае. Однако администрация попросила у меня еще одну бумагу — автобиографию. Какие-то они недоверчивые и подозрительные. Что ж, принесу.

7-Е ФЕВРАЛЯ (36)

Слава Богу, кажется сдвинулось с мертвой точки. Получила приглашение придти 10-го числа. С радости выклянчила деньги и побежала в кино «Азия» на картину «Миссисипи». Кинотеатр заново отремонтирован, весь в красноватых тонах — приятно сидеть.

У сестры — срочная операция аппендицита. Слава Богу, прошла благополучно. Она поправляется. Я пришла в больницу ее навестить, она на меня накричала. Значит действительно — поправляется! Просила меня сходить к приятельнице за платьем. А у меня тем временем свидание с мадам Пакиной. Она попросила меня выкрасить ей брови и ресницы месячной краской.

Начинает теплеть. Или мне это просто кажется, потому что очень хочется? Нет, на самом деле — в воздухе пахнет весной.

Кока попался мне по дороге — пошел провожать и стал исповедоваться. Оказалось, что он не один играл в казино, а затащил с собой «Ква» с подружкой, и все они здорово проигрались и проиграли деньги на ученье. Боятся, что родители узнают. Позаложили в ломбард все, что могли, но этого мало. Кока считает себя виновным:

— Я затянулся, я виноват — теперь обязан вытягивать! Ну, а потом все — с ними покончу.

— Как же покончишь? Ведь у вас такая сильная любовь, — подзадорила я.

— Да ты что? Никакой любви нет! — уверенным голосом ответил Кока.

Постояли у калитки, поговорили. Собирается прийти в воскресенье.

У родителей Володи играли в лото. Володина мать, Александра Афанасьевна напекла вкусных пирожков, которыми мы объелись. Было весело, но вот володин отец, Иван Андреевич, упился и стал ругаться и испортил настроение всем собравшимся.

А сегодня — китайский праздник фонарей. В городе с европейскими жителями, все проходит скромней и тише. А вот если бы попасть в Фу-дзи-дян — настоящий китайский городишко. Воображаю, что там будет твориться! Китайцы славятся своими фейерверками. Я как-то видела однажды — запечатлевось на всю жизнь. Взлетит ракета высоко в небо, взорвется, распадется всевозможными светящимися звездами, которые тоже продолжают взрываться, выбрасывая из себя причудливые фигурки: танцовщиц, зверей, лошадей. Бывают даже большие цветочные беседки и пагоды! Все это раскачивается в небесной темноте и медленно плывет по ночному небу, спускаясь до земли!..

18-Е ФЕВРАЛЯ (36)

Знаменательный день!

Сегодня ходила в Управление железной дороги. Мне пообещали службу в экспрессе «Вагон Ли». Жалованье — 60 го-би в месяц. Сумма нешуточная. Только вот предупреждают, что рейс опасный. Маньчжурия и Пограничная! Что делать? Деньги большие и так нам нужны!

Рискну! Я так долго ждала настоящую работу.

Выразила согласие, и мне предложили прийти за окончательным ответом 20-го. Я радуюсь и дрожу от нетерпения. К этому дню надо специально подготовиться. А как без настоящей косметики? Моя-то примитивная, доморощенная.

Я придумала — на ночь намазала лицо молоком и сметаной. В постели не шевелюсь, чтобы не смазать. Заснула. Вдруг посреди

ночи почувствовала что-то очень тяжелое на груди и одновременно — шершавое поглаживание по лицу. Вдруг сильная боль от укуса в нос! Инстинктивно защитила лицо руками и... вцепилась во что-то волосатое.

Две наши кошки!

Учуяли молоко, и одна стала слизывать с лица, а другая захотела отгрызть нос со сливками. «Будешь тут красивой!» — промелькнуло у меня в голове.

На мое счастье, большого ущерба нанесено не было, отдалась несколькими царапинами. Кошечка не наказала — и они голодные.

За квартиру опять задолжали за несколько месяцев. Скоро, наверное, выгонят. Мы с дядей работаем даже ночью, а маме все не хватает денег. И на что они уходят? Уже несколько раз замечала, как дядя выскребал из кастрюли остатки собачьей чумизы.

Сегодня отравился и умер славный мальчик — Петя Лясота. В пьесе со мной он играл моего отца, а в школе был кумиром всех соучениц. Что же толкнуло его на такой шаг? Мир праху твоему, милый друг.

Кока назначил мне свидание в доме Вади Овчинникова — мужа его сестры, Верочки. У Верочки в доме так все чисто, свято и хорошо — здоровая семейная жизнь. Так было приятно, долго просидели в покое. Кока меня проводил, а сам пошел на другое свидание. Мне он не сказал, к кому, но я заподозрила «Ква». Если так, я даже рада. Я своего добилась, с Кокой мы помирились, а если они любят друг друга, так желаю счастья им от всего сердца.

В Управлении железной дороги какая-то непонятная канитель. Дали мне визитную карточку и направили в... «Гранд Отель». Встретил меня какой-то важный японец. Говорили о чем угодно — и ничего конкретного насчет работы. Японец даже пригласил меня пойти с ним « выпить чай». Я была так разочарована, простились и ушла. А потом мне в голову пришла мысль: не испытание ли это было? Узнать, серьезная ли я?

Знаменитый русский певец и поэт Вергинский выехал в Шанхай. По своей воле или заставили? Ходят слухи, что где-то в кабаре, во время танца, он укусил свою партнершу в плечо и за это она дала ему пощечину. Рассерженный Вергинский, якобы, сказал ей, что не кричать и скандалить она должна, а гордиться, что будет носить след такого великого человека, как он! Говорят, что великого певца задержали на некоторое время в участке.

Опять костюмированный бал. У меня нового костюма нет, а потанцевать хочется. Надела старый и маску. Ах, как я люблю танцевать с хорошими партнерами!

Пошли с Зоей.

Кока тоже здесь, с «Ква» и ее подругой. Кока сразу же меня узнал, поздоровался с Зоей, а мне сделал знак рукой. «Ква» это заметила. Улучив момент, когда Кока стоял в стороне, подцепила свою подругу, подбежала ко мне и попыталась снять с меня маску. Это было так грубо, что я вскрыла (а рассердить меня трудно). Но на этот раз я почти выкрикнула:

— Вы должно быть еще никогда не получали пощечину!

Кока все это видел. Проходивший мимо Женя Д. взял меня под руку и увел. Позже Кока подошел и громко обратился ко мне:

— Нина, не забудь завтра к Верочки, к пяти.

Я пообещала. До дому нас проводили несколько хорошо танцевавших кавалеров. Зоя ночевала у нас.

С моей работой что-то тянут, и я начинаю сомневаться — получится ли? В ожидании не записаться ли в артистическую группу мадам Корнаковой-Бринер? Богач Бринер развелся со своей первой женой, которая с детьми — мальчиком и девочкой — уехала в Америку. Мальчик сделал там успешную карьеру в кино — превратился из Юльки в Юл Бринера!

В этой же группе, у Карнаковой, подвизалась некая Наталья Ильина — барышня некрасивая, но впоследствии ставшая известной среди русских писательницей. Хотела я записаться в эту группу, но кто-то мне сказал, что денег они не платят. Зря терять время мне не подходит. Подожду службу еще немного — ведь столько уже ждала!

Наша Татьянка меня смешит и умиляет. Порезала палец и просит у меня:

— Не можешь ли ты дать мне микроскопической ваты?

А раньше на вывеске прочла вместо «гастроном» — «астроном». Замечаю, что Танюша меняется и из ребенка превращается в девушку. Боже, как летит время!

Дошли слухи, будто на границе с СССР было «зарублено» несколько японских министров. Стычки с японцами продолжаются по всей Маньчжурии. Неужели начнется настоящая война? А где мы будем прятаться? Самое безопасное место — это Затон!

8-Е МАРТА (36)

Как чувствуется весна! Такой возбуждающий аромат, так легко и радостно дышится!

Кока только что закончил читать мне статью «Канун Грядущего». Он полон надеждой на скорое возвращение в Россию. Я с головой окунулась в ученье «Огонь на пороге», о котором рассказывали на собрании у Верочки в доме. Ни о чем другом не думаю — только бы «очиститься». А Кока вдруг опять не к месту мне говорит: «А может опять в меня влюбишься?».

Возвращаюсь к домашней прозе. Будет какая-то выставка работ — торопимся. Дядя только что закончил виньетки к абажуру. Сам устает ужасно, а меня подбадривает улыбкой: «Знай работай, да не трусь!» Передать ли дяде учение об очищении и праведности? Думаю, нет нужды — он уже и так праведный, святой человек! Вот маме необходимо, но она и слышать ничего не хочет. Относится саркастически — потерянная душа...

Мне же необходимо наполнить сердце внутренним огнем. Боже, помоги мне в этом.

17-Е МАРТА (36)

Как могу, всеми силами, сдерживаю себя, чтобы не поругаться с мамой. Почти физически чувствую, как вселяется в меня дьявол. Стараюсь его победить, борюсь, и после этого чувствую себя такой больной и слабой. Надо как можно скорее начать пить валериановый корень, а у меня нет денег его купить.

Сегодня пришла Тамара и сказала мне по секрету, что хочет развестись с Володей. Очередной заскок? Семья хорошая, Володя преданный муж. В чем дело? Разругались — но почему? Я почти уверена, что вина Тамарина. У нее такой паршивый характер.

21-Е МАРТА (36)

Виктор очень хотел придти сегодня вечером к нам. Я прождала его долго, но он не пришел. Это так на него не похоже. Не случилось ли чего?

Весь следующий день проработали с дядей — заканчивали заказы для немецкого вице-консула. А к вечеру пришел Кока. Стал рассказывать об «учении». Слушать его было трудно, так как Танюша и мама крутились рядом и громко разговаривали. Мы с Кокой вышли на улицу, медленно поплелись в сторону Гондатьевки. Погода теплая. Я все больше подпадаю под влияние рассказов Коки об учении и о философии. Хочется стать другой — хорошей и доброй. Дошло до того, что я уже не видела в нем любимого кавалера, а кого-то вроде учителя.

За каким-то закоулком нашли скамеечку и присели отдохнуть. Вдруг Кока пододвинулся ко мне совсем вплотную и ласково-фальшивым голосом сказал:

— Поцелуй меня, ну, Нинча, поцелуй же меня!..

За последнее время, с «учением», я так отдалилась от флирта и поцелуев, что эта фраза показалась мне такой странной! Вдобавок, кокин голос звучал таким фальшивым. Мне стало не до шуток, и я начала его уговаривать продолжать про серьезное. Кока покорился и начал:

— Хорошо запомни: кто вступает на этот «Путь» и многое узнает, тому уже отступать будет поздно — понесет наказание! Лучше опомниться раньше, если почувствуешь, что не в силах перенести такую тяжесть. Главное — нельзя тянуть за собою «мертвых», то есть даже семью и близких, которые не понимают и не разделяют такого мышления. Надо отделиться от таких людей и забыть.

Кока перевел дыхание, а меня стали одолевать сомнения. Ведь я никогда не смогу оставить семью — значит не гожусь для этого «учения»? А теперь я в капкане: ни туда и ни сюда!

Тамара приходит чаще и жалуется, что не в ладу со своей новой семьей. Сестра здорово похудела, и мне ее жаль, и в то же время я уверена, что она сама виной всему.

У меня — непонятно от чего — «раздирается душа». Все время чувствую себя непомерно усталой, порой просто болезненно подавленной. Молюсь.

2-Е АПРЕЛЯ (36)

Этот день — знаменательный, долгожданный! Утром получила повестку-письмо, которую переписываю дословно:

М.Г.

Согласно поданного вами заявления, настоящим просим Вас прийти для переговоров в Пассажирский отдел Транспортно-Эксплуатационной Службы Управления Государств. Ж.Д. По возможности скорее, в течение 3-го, 4-го и 5-го апреля с.г. от 8 часов утра до 12 часов дня.

Пассажирский отдел Транспортно Эксплуатационной
Службы Харбинского Управления Госуд. Ж.Д.

Я прыгаю от счастья. Определенно — работа, и уже серьезно. Ура, Ура, Ура!.. Завтра же побегу.

Как ненормальная, с широкой улыбкой, с письмом в руке бегаю по комнате. Боже — Ты услышал мою молитву!

Ну вот, как всегда, за хорошим следует плохое: Танюша, возвращаясь домой, после говения всей школой, попала на «Тамарин» автобус. На виадуке автобус перевернулся, и пассажиры были заблокированы внутри. Татьянке каким-то чудом удалось выбраться, а Тамара, с другими пассажирами, сильно пострадала и потеряла сознание. Каратой скорой помощи пострадавшие были отвезены в больницу д-ра Тарновского. Под какой несчастной звездой родилась Тамара? У нее сплошные невезения. Мама сразу же побежала в больницу. Узнав о случившемся, я задрожала и больше не могла продолжать рисовать — раскрашивать яйца к Пасхе. Дядя пойти в больницу не мог — ему, бедному, совсем не в чем выходить.

6-Е АПРЕЛЯ (36)

Теперь я «отошла» и записываю по порядку.

Придя в себя, я побежала к сестре в больницу. Она очнулась. У нее перелом ноги и масса других травм, но для жизни угрозы нет. Уже облегчение. Возвращаясь домой, я зашла к Пакиним и сообщила им о катастрофе с Тамарой и показала мое письмо с сообщением о работе. Пакины продали два яйца, оставленных у них на комиссию, и дали мне деньги. На них я смогла купить валериановый корень.

Итак, 4-го апреля, принарядившись, побежала в Управление. Меня приветливо встретил японец Миеди-Сан. С помощью переводчика он позвонил в транспортную контору, направил меня туда, где должен меня встретить «человек без шляпы». (Ха, ха — а что другие? все в шляпах?) Окрыленная тем, что теперь все серьезно, я сразу же на трамвае поехала искать адрес: Строительная улица, №3. Пока высматривала номер, из окна меня заметил «нужный человек без шляпы» и вышел встретить. В конторе меня спросили, в какой школе училась, замужем ли и еще раз написать краткую биографию. Это больше меня не нервировало — по всему видела, что на этот раз серьезно.

На обратном пути навестила сестру. Ей лучше, благодарение Господу. Дома попыталась попить корень. Не знаю, может быть, мне попался испорченный? На вкус противный. Как только сделаю три глотка, ударяет в голову, начинает стучать в висках до такой степени, что вздрагивают пряди волос у лица.

Вечером пришел Кока, но задержался не надолго. У него было свидание с некой Галиной Г., которое он мне объяснил так:

— У меня единственное желание — спасити еще одну душу, «разжечь» хорошее сердце!

«Ну и великолепно, — думала я. — Все идет по моему плану. У нас с ним вполне дружеские отношения. Я все ему сейчас прощаю, спускаю и желаю только счастья в будущем. А про себя уверена: у меня оно будет.

Утром, принарядившись и взяв все бумаги, побежала в контору. Здесь уже сидят с полдюжины хорошенъких русских девушек и заполняют бумаги. Одну из них я узнала: заметив ее нестандартную внешность, прозвала «Гондатьевской Гретой Гарбо». Они наверняка, как и я, устраивались на поезд. На обратном пути встретила Коку под ручку с «Ква». Кока смущился, а мне забавно: спасает еще одну потерянную душу? Теперь мне совершенно все безразлично. Мысли всецело заняты работой и планами на будущее.

Мама готовила ужин на кухне, я слышала, как она с кем-то разговаривала. Это продолжалось долго. Наконец я не выдержала и вошла в кухню. Мама громко разговаривала сама с собой! Боже, этого еще не хватало! Сердце сжалось от сострадания. Как раз на днях смотрела японскую картину «Слезы матери». Очень грустная картина, и в конце мать умирает. Это так на меня подействовало,

что я зареклась переругиваться с мамой и решила все прощать, что в моих силах.

Но как же на нее не сердится, когда дядя сидит и опять плачет? Оказалось, что мама опять кому-то задолжала и вся очередная пенсия с книжки была снята в покрытие долга. Как можно спокойно спать и отдыхать? Просыпаюсь усталой, с мешками под глазами. Хорошо, что днем мешки исчезают. Но морщины-то остаются! Стареть же я не собираюсь.

Святая Пасха. У нас, как всегда, ничего в доме нет. Всеми правдами и неправдами избегаем визитеров. Виктор пришел к Тамаре. Он уже был чуточку навеселе, а у сестры еще добавил и плациво разоткровенничался. Сказал, что любит меня, а его любит другая девушка.

К нам пришел Кока. Я спряталась и попросила маму сказать, что ушла куда-то. Поверили и ушли. Прогулялись с Зоей по Пристани. Встретили Геннадия. Я что-то соврала и не пригласила. Встретила Гришу — «здравствуйте, до свиданья». А Виктора встретила и пригласила — такого преданного дружка. На улице еще холодно. Выпили по чашке какао с двумя последними ломтиками кулича.

10-Е АПРЕЛЯ (36)

Вечером собрались у Верочки. Долго беседовали, но надо сознаться, что я далеко не все понимаю. Почему-то ночью собираются идти на кладбище. Мама не одобряет эту фантазию и называет нас «сектой». Я не хочу ей противоречить, чтобы не ссориться снова. Кока сообщил, что на следующей неделе «группу» навестит один из «Старших».

А что случилось с нашей Танечкой? Переходный возраст или что-то другое? Становится властной, настойчивой. Вот к примеру: играем у Кузьминых в лото. Мне надоело проигрывать, да и денег жалко. Хотела взять последние копейки и уйти, а Танюша у меня их отняла и опять положила на стол как ставку за себя и за меня. При всех я не хотела показать виду, и мы продолжали играть и, конечно, все проиграли. Дома я высказала ей свое возмущение и постаралась, как можно мягче, объяснить ей ее неправоту.

Кока, приходя к нам, чувствует себя неловко. Мама посматривает на него косо, беспокоится, что он «собьет меня с пути истинного» и заманит в sectu. Какая чушь!

Самая главная забота у меня сейчас — подучить японский язык. В конторе у меня уже несколько раз спрашивали, говорю ли я по-японски. Значит, это очень важно. Решила зубрить изо всех сил. Чтобы никто не помешал, пошла учить в питомник и, выбрав тенистую скамеечку, расположилась. Прошел мимо японец с фотоаппаратом и меня заснял. А что тут скажешь? Они все с аппаратами — это как неотъемлемая часть их тела.

Опять Тамара! Вечером прибежала к нам со слезами: после автобусной аварии у нее разошелся шов, оставшийся от операции аппендицита. В животе ужасные боли. Утром идет на консультацию — опять тревога. Какая она у нас невезучая!

Мечтаю, мечтаю, и это мне здорово помогает. Временами я «отчаливаю» от грустной домашней пристани и уношуясь в далекие, неизвестные страны, где все лучше, чем здесь.

Теперь крашу яйца в подарок знакомым. На одном из них я написала «Якову Петровичу». Мама страшно заинтересовалась и сердито спросила:

— Кто этот Яков Петрович и какую должность занимает? Где ты его встретила?

— Мой новый знакомый, — поддразнила ее я. — Он заведует новой чревовещательной станцией. Ой, нет, я перепутала! — широковещательной станцией!

И в первый раз за долгое время я увидела улыбку на мамином лице.

За квартиру мама опять много задолжала, и надо съезжать. Найти другую квартиру трудно, а главное — стыдно перед знакомыми.

20-Е АПРЕЛЯ (36)

Чувствую, что собрания у Верочки сильно на меня действуют. Стараюсь быть спокойной, доброй и скромной. Чувствую, что духовно сильно меняюсь, хотя до «монашества», конечно, далеко.

Сегодня вечером увидела «Знак». Прогуливаемся мы с Виктором около дома. Небо звездное-звездное, воздух чистый. Вдруг по небу прокатилась огромная звезда «с хвостом», рассыпая за собой голубые искры. Я от неожиданности вцепилась Виктору в плечо. А он ничего не видел, даже головы повернуть не успел. Значит «знак» относился ко мне одной.

Сестра на работе, а к Володе пришли друзья, которые сговорились куда-то пойти, покутить без сестры, а ей наврать, что идут в «Желсоб» на оперетку! Вернувшись, Тамара заподозрила неладное и после ухода приятелей решила пойти в «Желсоб» — проверить. Двери «Желсоба» были закрыты, никакой оперетки. Прибежала к нам со слезами. Сообщила, что «в положении» и что сделает аборт. Долго так сидела у нас и плакала, а мы успокаивали как могли. Наконец, она ушла. Я надеюсь, что «все перемелется и мука будет». Но с характером сестры уверенности нет, и мы всегда за нее беспокоимся.

Вечером пошла к Чурину. Забавно: полицейские останавливали прохожих и обыскивали. Но только на главных улицах — проулками мог пройти всякий беспрепятственно. Мне было интересно: что же они искали?

— Что я могу для тебя сделать? — спрашивает Виктор. — Проси даже невозможного.

— Хорошо, — смеясь отвечаю я. — Заработай столько денег, чтобы была возможность отвезти меня в Америку.

— Обещаю. Но жди три года. Сможешь ли?

И зачем я, паршивка, все это делаю? Заманиваю бедного ложными надеждами. Мне надо пробиться самой, ни от кого не завися — только тогда я буду счастлива. А жизнь надо мной подсмеивается, испытывает, тянет. Я не сдаюсь — терпенья у меня много!

Завтра очередное собрание у Верочки. Надо успеть прочесть «пергамент», который мне передал Кока, чтобы быть в курсе дела.

Утром ходила к чехословацкому консулу, господину Гейне. Дядя приготовил для него коллекцию анализа соевых бобов. Консул заинтересовался и попросил разрешения позвонить на следующий день. Я уходить не спешила, а как зачарованная глазела по сторонам. Чего только не было там в зале! Две картины знаменитого художника Шишкина, лесные пейзажи, две — художника Самокиша. И все оригиналы, а не копии. Изумительная обстановка. Вазы, бюсты, пекинские и персидские ковры, шкуры зверей, на которые было страшно наступать.

Консул, видя мой восторг, предложил разглядеть все не торопясь. Спасибо.

Возвращаясь домой, я размечталась: вот если купит, у меня будут деньги сделать месячную завивку. Тьфу-тьфу — опять материальный интерес. И как мне от этого избавиться!

9-Е МАЯ (36)

С работой на железной дороге — ничего нового. Но я жду с уверенностью.

Очередное собрание у Верочки. Нам сказали, что «ТАМ» о нас все будут знать, а я чувствую себя совершенно потерянной и отдаленной. Где «ТАМ» — ничего не понимаю. Знак у нас такой: треугольник с кругом внутри, а внутри круга — три черных точки-горошинки, которые означают: 1. Мир физический; 2. Мир тонкий; 3. Мир огненный. Все три мира идут к слиянию. Я ничего не понимаю, ничего не чувствую. Заметила одно, что со дн, когда начала пить валериановый корень, стало чувствовать боль в сердце. Этого мне еще не хватало. Пресвятой Сергий — помоги мне.

Была с Виктором на Чураевке и наконец набралась храбрости и объяснила ему, что я — фантазерка и что мне верить нельзя. Наставала на том, чтобы остаться хорошими друзьями. Он обиделся и провожать меня домой не пошел, а проводил меня «Котыч» — брат поэта Михаила В.

Как странно: чем чаще хожу на собрания, чем больше знакомлюсь с «учением», тем больше погружаюсь в сомнения.

Теперь сомнения меня так мучают, что не нахожу себе места. Прошу помочи у Бога, встала на колени перед образом и прошу Его показать мне «знаком», правильно ли я делаю, что присоединяюсь к «учению». Перед образом тускло мерцает фитилек лампадки. Как только произнесла последние слова молитвы, пристально глядываясь в Лик Спасителя, фитилек ярко вспыхнул, осветив комнату. Я вздрогнула. Теперь никакого сомнения быть не могло — я спокойно уснула.

На другой день встретила Виктора, и мы разговорились как ни в чем не бывало. Разговор был на религиозную тему. Я уверяла его, что существует что-то святое, высшее. Виктор же ни во что не верит — ни в Бога, ни в черта. Не подозревала я, что он — атеист! В отчаянных попытках внушить ему веру, я потеряла терпение и крикнула ему в запальчивости:

— Вот увидишь черта или привидение — тогда поверишь!

Это его рассмешило, и он так и ушел с моими «пожеланиями».

Несколько дней мы с ним не виделись, а когда встретились, он стал рассказывать, и в голосе его звучали взволнованные нотки.

— Знаешь, когда я тогда возвращался от тебя домой, на темной улице, над забором, появилась жуткая человеческая голова — она будто висела в воздухе. Хотел бежать, но ноги отказывались. А когда немного отошел и стал удаляться, на меня напала целая свора собак!..

Надеюсь, что это послужит ему уроком. Теперь будет верить в Бога и во все остальное.

Только что прочла книгу «Житие Сергия Радонежского» и взялась за другую: «Лекции по оккультизму» Пьянковского. Все по Кокиным советам.

22-Е МАЯ (36)

Насчет моей работы никаких новостей, но я продолжаю твердо верить.

Сегодня сходила за анкетой в департамент — пришло время получать свой личный паспорт. Там я встретила украинца, с которым разговорилась. Он только что убежал из Советского Союза, был ранен. Бедный! — какая опасность подстерегает тех, кто пытается вырваться на свободу.

Закончили три абажура. Мама с ними исчезла и пропала на целый день. Вернулась без денег. Где она их тратит? Может быть, играет в азартные игры? Трудно сказать, не знаю.

Тамара дала мне хорошую идею: разыграть в лотерею разрисованную подушку среди ее сослуживиц — кондукторов автобуса. И если мне это удастся, 10 го-би пойдут за квартиру, а 2 — на паспорт.

4-Е ИЮНЯ (36)

Вот уже четыре дня как мы живем на новой квартире, в Годатьевке. Татьянинская улица, № 12. Квартира малюсенькая, зато свой садик перед окнами, который уже засадили фасолью и цветами. А я, из жалости, посадила лук. Он, бедный, уже стал прорастать дома. Рада, что и эта квартира недалеко от Модягоу.

За всю огромную работу по переезду и устройству, мама дала мне несколько копеек. Этого было достаточно, чтобы осуществить мою давнюю мечту: взять напрокат велосипед. А здесь подвернулась Зойка. Я спросила, умеет ли она кататься на велосипеде, и она уверенно ответила, что «да». Пришлось делить деньги на двоих. Пришли в питомник и арендовали велосипеды на два часа.

Я в свое время научилась кататься, пользуясь каждым случаем, когда к нам кто-нибудь прикатывал на велосипеде. А Зойка, оказалось, даже взбираться не умела. Я рассердилась. Но не терять же на нее время! Оставила ее в питомнике, а сама покатила на... Пристань! Рискованная большая авантюра.

По тамариной просьбе, мне надо было что-то узнать в ее конторе. После этого покатила в дальний противоположный конец — в Старый Харбин. Хотелось что-нибудь узнать о Косте, который находился в больнице для душевнобольных. Но никого не встретила и ничего не узнала. Торопилась вернуться. Зойку в питомнике я не нашла, а на том месте, где мы расстались, стояла огромная толпа народа. «Не случилось ли с ней чего?» — промелькнуло в голове. Растигнувшись публику, я пробилась к центру. Зойки там не было, а стоял огромный толстый японец — борец «Сумо» — и... продавал конфеты! А Зойка, оказывается, просто сдала велосипед и ушла.

Ночью видела сон: летаю и выдаю себя за Ангела. (Мама объяснила этот сон тем, что я еще расту.) За первым сном последовал второй: знакомый Юра, со своей милой, отправились куда-то, и по дороге вдруг застыли в одинаковой позе: подняв правую руку в точности как Гитлер! Проснулась как от какого-то кошмара.

День солнечный, теплый. Быстро оделась, выбежала на улицу и стала глубоко вдыхать душистый чистый воздух. В момент забылся кошмар, сделалось радостно и хорошо. Боже, спасибо за жизнь.

16-Е ИЮНЯ (36)

После собрания у Верочки Кока мне сказала, что, возможно, женится на «Ква». Заливает опять или правда? Ведь я желала этого, а вот сейчас стало неприятно. Виной всему — мое тщеславие: «Как можно меня променять на кого-то?!» Если любят друг друга, Бог им в помощь. Я ведь даже представить себе не могу, чтобы остаться с ним на всю жизнь.

Сегодня я опять плакала: мама заложила швейную машину, мой материал и дядино истрапанное пальто. И как ей удалось?

В газете сообщение о другом горестном событии, похоже нашего. Один наш поэт, Кокин друг, пытался в Шанхае покончить с собой, выбросившись с третьего этажа. В падении зацепился за электрические провода — не умер, но страшно покалечился! По слухам, ему было очень тяжело жить. В Шанхае так много безднежной русской молодежи. Бедный Володя — хороший, скромный поэт.

«Организация», собирающаяся у Верочки по вторникам, в беспокойстве. Со всех сторон на них сыпятся нападки. Дошло до того, что им пришлось прятать портреты Н.К. и Ю.К. и также знамена Мира. Почему? Я точно всего не знаю, а самой мне физически тяжело и трудно!

Воскресенье. Наконец-то погода прекрасная. Поехала на Сунгари и затем на катере до самой протоки. Здесь я переоделась в купальный костюм и пошла дальше по берегу. Около какой-то палатки группа молодых людей — делают гимнастику. В одном из них я узнала Геннадия, но почему-то не решилась побесокоить и свернула в сторону. Тут налетела на «Котыча». Он был в купальных трусиках и белой панаме. Радостно разговорились, но с ним надо держать ухо востро — он «зря времени терять не любит». А мне сейчас смелые жесты и вульгарные разговоры противны. Пришлось прибегнуть ко всяkim уловкам и дипломатии — мы разошлись.

Воровка, Юля Т., была выпущена из тюрьмы, но через неделю опять к кому-то забралась и попалась. В участке вечером попросилась «по своим делам». До уборной ее проводил полицейский, ждал у двери. Воспользовавшись сумерками, Юля пролезла через окошечко и убежала. Ее поймали той же ночью. Рано утром она повесилась в своей камере.

22-Е ИЮНЯ (36)

Ура, ура, ура! Утром пришла повестка — меня ждут на работу. На настоящую, долгожданную работу!

Как я нервничала! Принялась и побежала на вокзал. Там познакомилась со всеми служащими и с работой. Теперь все зависит от меня — не ударить бы в грязь лицом. Боже, помоги мне! Я хорошо сделала, что ходила в Управление и напоминала о себе. Как говорит русская пословица, «Под лежачий камень и вода не течет».

Начала работать на вокзале официанткой — с семи утра до двух дня. Работа показалась легкой, хотя мечтала не о такой. Жалованье хорошее. Задержусь ли здесь и будет ли возможность выбраться из нищеты? Сослуживицы — русские девушки и японки. Молодые японцы и китайцы — тоже в качестве официантов. Отношение ко мне хорошее. Теперь все силы, чтобы приспособиться и удержаться.

Народу в вокзальном буфете почти нет — ждут прихода поезда. Я стою у окна и наблюдаю за отходящим составом. Совсем близко,

у окна на перроне, стоит толстый китаец с ребенком на руках. Ребенок тянутся к поезду и, рыдая, повторяет «мама, мама!» Видимо, его мать уехала. Чтобы отвлечь ребенка, я постучала в окно. Расстроенный китаец прикрикнул на ребенка, но голос его оборвался и он отвернулся, вытирая рукавом слезы. Мне стало грустно. Что заставило их расстаться?

Через несколько минут прибыл новый состав. Пассажиры высыпали из него и наполнили буфет. Так как мой японский язык слаб, я выбрала русскую пассажирку — девушку, одетую безукоризненно, даже шикарно. Определенно с деньгами. Пока я подавала ей обед, мы разговорились. Она из Шанхая и направляется в Советский Союз. По всему видно, что жила в достатке. Избалована и капризна — в зале ей жарко, мясо невкусное, фрукты гнилые и т.д. Меня так и тянуло сказать ей: «Вот сейчас вы приехали первым классом и обедаете в ресторане, а когда решите задать стрекача из Союза, придется бежать по задворкам, трястись в грязном товарняке, и грызть в харчевне что придется — да и то, если будет на что!» Но я промолчала.

Рано утром бегу на работу. Теперь шутить не приходится. Нужно держаться за место мертвой хваткой. Присел на скамеечке, около автобусной остановки на Гоголевской улице, надеясь, что на автобус не опоздала. Часов-то у меня нет! Из большого серого дома, через дорогу напротив, вышла с большим трудом тучная женщина. По всему было видно, что она никуда не торопится. Я спросила ее, который час. Она вежливо, нараспев, ответила, что, вероятно, половина шестого. Я обрадовалась — не опоздала. А через минуту подошел автобус, и я поехала.

7-Е ИЮЛЯ (36)

На работе все хорошо. Постепенно привыкаю и изучаю, а работать стараюсь получше. У каждой из нас — по нескольку столиков. Начальники в Управлении обещали мне в будущем дать место кассирши. Но я не требовательная — и это хорошо. Жалование достаточное, дает возможность и балетом заниматься, и помогать семье. Кассиры — японцы. Они постарше нас, но к нам, русским, относятся с уважением. Есть несколько корейцев — эти оказались ехидными и злыми, гораздо хуже японцев.

В обеденное время в буфет пришли вокзальные «шишки». Надо было видеть, как все служащие взбудоражились и услужливо забегали! А две японки даже заболели «медвежьей болезнью» и убежали в уборную. Среди «шишек» я узнала Миаду-сан и Ямаду-сан, которые хлопотали за меня и которых я отблагодарила разрисованными подушками. Видя меня на работе, они удовлетворенно заулыбались и, подойдя ко мне, поздравили. Наши мелкие сошки, глядя на это, пооткрывали рты. А мне это на руку — будут больше уважать.

Привилегированное место кассирши занято русской девушки, интересной блондинкой по имени Нина Мацуно. История ее такая: японец, барон Мацуно, был женат на финке. Супруги были бездетными и купили в бедной русской семье в Харбине ребенка — Нину. Вырастили, дали образование. Нина говорила и писала по-японски, как настоящая японка, и в то же время совершенно без акцента говорила по-русски. С нами она была добра и дружелюбна. Мы с ней быстро сдружились.

Администрация вокзала попросила Нину Мацуно найти двух девочек-подростков, чтобы они в летнее время продавали цветы на перроне. Зная, что у меня есть сестренка, Нина обратилась ко мне. Я сообщила об этом Танюше, которая с радостью согласилась и привела с собой подружку — прехорошенькую, русско-китайскую полукровку Лизочку. Так забавно и в то же время грустно видеть этих малышей, зарабатывающими деньги. Небольшая — а все же помогла дому.

Пока что мне везет. Ошиблась только один раз: вместо бифштекса заказала «бийкацу», что означает «отбивная котлета». В это время кассиром был добрый, симпатичный, маленький японец — Цутита-сан. Он меня выручил: котлету взял себе, а мне заказал бифштекс. Мое мнение о японцах стало меняться: значит и среди них можно найти отзывчивых.

Собрание у Верочки не состоялось. Тучи над ними сгущаются, так что Верочка даже переменила квартиру. Прожили на новом месте только месяц, а потом переехали к дяде. За что их так преследуют? Верочка пригласила меня приходить, но я теперь часто не могу из-за работы — совпадает расписание.

Сегодня много работали с Ниной Мацуно: украшали зал цветами для банкета, расставляли цветы в корзинах и вазочках по столам. Оставшиеся цветы Нина поделила со мной — добрая «баронесса». Я испытываю большую симпатию к ней.

А вот смешной случай. За мой столик уселись два японца с женами. Они стали заказывать: «хайяси райс», «удон», «бути-нику-но темпура». Одна японка, нагнувшись ко мне, тихим голосом спросила: «О бенчжо, доко дэска?». Ее «заказ» я не поняла, но показать виду, что мой японский язык слаб я не хотела — утвердительно закивала головой и удалилась, запомнив одно слово: «о бенчжо». Подошла к кассе и заказываю, громко повторяя блюда. Дошла до слова «о бенчжо» — и тут все, кто слышал, покатились со смеху. Это слово означало «уборная». Я смущилась. Пришлось идти к столу извиняться. А китаец-бой Лосы, продолжая смеяться, мне шепнул: «Скажи им, что через пять минут будет готово!»

Теперь это слово я запомнила на всю жизнь!

Со мной работают много добрых, хорошеных девушек, но о каждой напишу позже, по ходу действия.

30-Е ИЮЛЯ (36)

Ура! Уже проработала месяц — моя первая получка!

В первую очередь заплачу часть маминых долгов, а потом надо купить для себя что-нибудь поприличней из одежды. Чувствую, что начинаю жить.

Сегодня пассажиров мало — поезда редки. Служащие пользуются моментом, некоторые спустились на кухню покушать, другие распивают чай в посудной. Я одна в буфете. Скучая, прогуливаюсь, переставляя и трогая все, что кажется не на месте. Случайно рукавом зацепила и уронила дощечку с гвоздиками, на которых развесены имена официантов и указаны столики «их территории». Все рассыпалось по полу. Торопясь, как попало собрала все дощечки, нацепила на гвоздики и повесила на прежнее место.

Отойдя в самый дальний угол буфета, я наблюдала, как возвратившиеся приступили к работе. Публика начала прибывать. Официанты подносили счета к кассе, а кассир в затруднении: не может разобраться, кто и где. Официанты спорят между собой, проверяя таблички. Не дошло бы до драки! Притаившись, я наблюдаю за спектаклем, а сознаться боюсь.

На службе сдружилась с одной доброй и симпатичной девушкой — Ольгой К. У нее внешность, как у американской артистки Клодетт Кольбер. Ольгина мать вышла замуж второй раз. С отчимом отношения не ладились. Дошло до того, что ольгина старшая сестра ушла из дома и вышла замуж за японца с высоким положением. У японца большое влияние, и он устроил Ольгу сюда в качестве кассирши. Ольга довольно хорошо знает японский язык.

Татьянка продолжает продавать цветы на перроне. Заработка маленький, а просыпаться приходится очень рано, чтобы ехать со мной на работу. Тамара уже неделю как не работает. «Выставили» или «в положении»?

20-Е АВГУСТА (36)

Изумительно хороший, теплый день. Какая удача — мы с Олей свободны в одно и то же время. Собрались и поехали за Сунгари. Оля пошла в знакомый ей клуб, играть в волейбол, а меня это не интересует. Я переоделась и пошла купаться. Только начала спускаться к воде, как заметила около меня Шуру К. с двумя незнакомыми мне мужчинами.

Шура нас познакомила.

Они оба художники. Первый, Шешминцев — заведующий рекламным отделом магазина Чурина, а второй, Володя (фамилию забыла) — пишет афиши картин для синема «Капитол». От купанья они меня отговорили, сказав, что это место очень опасное. Пошла с этой компанией прогуляться, и через минуту встретили третьего художника — Василия Кулаева. Они представили его мне как

миллионера — и не в кавычках, а на самом деле. Разговаривая, они предложили мне позировать для портрета. Я согласилась.

Кулаев живет в «Гранд Отель». Судя по обстановке, он должен быть, действительно, очень богат. Но как трудно поверить, что среди бедного харбинского «молодняка» нашелся один настоящий миллионер! Студия большая, светлая. Все три художника работали над моим портретом и ничего дурного себе не позволяли. Кулаев недавно вернулся из Америки, и здесь приятели его называют запросто «Билл».

На позировании я держалась плохо, непрофессионально: глупо улыбалась и не всегда выдерживала позу. После третьего сеанса художники пригласили меня на симфонию, и я с удовольствием согласилась. На симфоническом концерте Билл познакомил меня со своим приятелем Гуревичем. Он тоже миллионер — крупный коммерсант с Пристани.

И вот начались приглашения на приемы, коктейли, вечеринки и т.д. Я прямо закружилась в водовороте этого богатого общества. Если прибавить сюда мою работу на вокзале, то понятно, что времени не хватало ни на что другое.

Еще одна трагедия случилась в среде русской молодежи — повесился Вася Глухов. Говорят, что он принимал героин вот уже три года.

На службе мой отпускной день приходится на понедельник. Какая обида! — так хотелось бы погулять в воскресенье. Я пошла на низкую уловку: подговорила добренького кассира Цугиту-сана поменять мой день с «посудницей» Аней, хотя это было трудно. Цугита изловчился и я освободилась на воскресенье.

Оля тоже свободна в воскресенье, и мы решили совершить прогулку на пароходе. Что-то не получилось. Тогда мы переоделись в купальные костюмы и решили просто купаться. Но Оля попросила меня подождать, пока она сбегает в ресторанчик своей бабушки. Пока я ее ждала, мне захотелось в туалет. Неподалеку — поляна, пустырь с электрическими столбами и высоким бурьяном. Народу — никого. Я быстро побежала, нашла место около столба и, спустив костюм, торопливо бухнулась в траву...

В тот же момент почувствовала адскую боль на ягодице.

Подскочила и ладонью провела по раненому месту. Посмотрела — вся ладонь в крови. Кто-то оставил у столба разбитую бутылку стоймя.

Кое-как натянула костюм и побежала к Оле за помощью. Та, увидев меня окровавленной, испугалась. Быстро отвела к своей бабушке, и там мне продезинфицировали рану и забинтовали. О продолжении прогулки и купанья не могло быть и речи. Пришлось быстро возвращаться домой. Может быть, это было мне наказание за то, что подложила свинью сослуживице?

28-Е АВГУСТА (36)

Рана моя заживает, и меня опять тянет за Сунгари. С работой все лучше и лучше. В японском языке преуспеваю — хорошая практика. Отношения с сослуживцами хорошие, а с девушками даже сдружилась. Работа кажется легкой. А ведь боялась — думала, что на следующий день выгонят. Сослуживица Нина В. пригласила на свадьбу. Да не как-нибудь, а шафицией!

Оказалось, что я давно знала ее жениха — Шуру Рожкова. Перед самой свадьбой у него произошла настоящая драма: на заводе, где он работает, произошел взрыв баллона с кислородом. Одному приятелю оторвало голову и ногу, а второго разорвало в клочья. В обеих семьях остались старые матери без всякой поддержки.

В пятницу мой выходной день. Погода прекрасная. На этот раз попутчиц у меня нет. Неважно — знакомых чуть не половина Харбина. Всегда кого-то встретишь. Так и на этот раз. Встретила Билла с приятелем Женей. Билл пригласил меня к себе на дачу и усадил на диван на огромной стеклянной террасе. Угощал сэндвичами, пирожными, чаем — щедрая натура. Во время чая пришли знакомые соседи: красавая барышня Вероника с подругой и два кавалера. Видно, что они «такого же класса», с рождения привыкли к богатой обстановке. А я сижу сжавшись, как прибитая, не знаю, куда деть руки и ноги.

Вдобавок подошла на одной из моих туфель наполовину отодралась и загнулась. Я силилась ее запрятать под диван, но из этого у меня ничего не выходило, и я смущалась еще больше. Гости — люди культурные и тактичные, старались помочь мне выйти из неловкого положения: продолжали разговор на посторонние темы, отвлекая внимание от меня. Как я им была благодарна! Из разговора гостей я поняла, что Билл женат. Держится он тактично и скромно. Вечером повез меня домой на такси, и я дала шоферу адрес здания Х.С.М.Л., сказав, что живу рядом. Опять вру, опять стесняюсь показать настоящую обстановку, в которой живу.

Через несколько дней опять случайно встретилась с Биллом. Опять он был с другом Женей, и тот опять «прожаживался» на его счет. В ресторане стоило Жене взять в рот сигару, как все лакеи бросались зажигать. Видимо, его знают и знают, что он не из бедных.

Я работаю, так что есть деньги и себя побаловать, и дому помочь. Вот только что купила красивый материал на платье для свадьбы. Ведь это первая свадьба, на которой я буду гулять Шафицией!

Свое платье я закончила в последнюю минуту и в день свадьбы бежала к Нине как сумасшедшая. Слава Богу, все шафицы были еще в доме и ждали кавалеров. Сама Нина уже уехала в церковь. Мы сидим, волнуемся, а время идет. Оказалось, что шафера поехали прямиком в церковь без нас, и мы, бедные, просидели всю свадьбу в ожидании дома! Нечего сказать — интересно...

Бедной невесте было всего тяжелее. Постепенно, после вкусных блюд и сладкого вина, горечь рассосалась, промах стал забываться. Заиграла музыка — начались танцы. Забавлялись, кричали молодоженам «горько!». Было радостно видеть их счастливыми. Бывали и в Харбине хорошие моменты! Свадьба закончилась очень поздно.

Тамара стала такой нервной, устраивает драмы из-за каждого пустяка. Даже если она «в положении», я ее не оправдываю. Не все же женщины «в положении» так распускаются. А как это опасно для ребенка — должна же подумать!

Сегодня на работе Нина Мацуно раздала некоторым из нас бумаги для заполнения. Нас зачисляют в штат и прибавляют жалование. Ура, ура! Я попала в эту категорию. А ведь я из новеньких, и совсем не мечтала. Значит — не совсем ничтожество?

Я была так взволнована, что опрокинула соус «кари-райса» на свою и Нинину (теперь Рожковой) форму. Пришлось отстирывать. Весь день я была сама не своя от радости. Нина Мацуна от нас переходит в «Вагон Ли» экспресс. Она, как японка, да еще хорошенькая, имеет много возможностей. Ну и хорошо, пусть пользуется. Она добрый, сердечный человек, мы, сослуживцы, ее любим.

Теперь, когда я начала работать и платить за квартиру, мама надумала ее переменить и снять большую. Я ей заявила, что если она снимет дорогую квартиру, я совсем откажусь платить. Я сказала маме, что не только плачу за квартиру, но и покрываю другие ее долги.

— Как раз вчера меня остановил разносчик газет и потребовал деньги за четыре месяца. Чтобы не скандалить на улице, я ему заплатила. А ты считаешь, что я мало плачу?

Я нервничала и возвысила голос. Ну, конечно — скандал. Мне теперь серьезно надо думать о будущем. Пора заниматься балетом.

16-Е СЕНТЯБРЯ (36)

Сегодня кто-то убил Маську!

Какой гнусный негодяй мог это сделать? Убить мою маленькую, любимую собачушку! Сердце обливается кровью. Так ее жаль — плачу и плачу и не могу остановиться. Вспоминаю ее любовь и привязанность ко мне. Как она ждала меня под дождем у аптеки, как бегала повсюду за мной, как прыгала на колени и лизала мне лицо. Помню, как Кока однажды меня попросил:

— Если что-то случиться с Маськой, обязательно дай мне знать.

И вот случилось — лежит она маленькая, хорошенькая, на траве в саду, с остекляевшими глазами. Написала Коке открытку всего в два слова: «Маська убита» и отослала. Не могла заснуть всю ночь,

словно потеряла кого-то из родных. На работе была усталой, с синяками и мешками под глазами.

Возвращаясь со службы, помогаю дяде в работе. Он, бедный, так устает, а маме все равно никаких денег не хватает. Не в азартные ли игры она поигрывает? Я-то надеялась, что с началом моей работы жизнь радикально изменится. Ничего подобного. Устаю еще больше, временами даже выйти прогуляться не хочется. Вдруг подумала о браке. Ведь годы идут и отпечатываются на внешности. Постарею — кто возьмет? И сразу же отгоняю эти мысли. Ведь я еще не пожила для себя!

6-Е ОКТЯБРЯ (36)

Моя первая поездка на поезде!

Ура. Наконец-то пришла моя очередь. Еду в Синцин (по японски Синкё). Весь день работаем в вагоне-ресторане, приезжаем вечером в специально отведенное для нас помещение. Принимаем ванну, ужинаем и ложимся спать. Присматривает за нами служащая японка — все прекрасно. Для мужчин и женщин — разные помещения. Наутро возвращаемся в Харбин, и затем один или два дня — «ясуми», что значит «отдых». Изумительно.

К жалованью прибавляются «поверстные», да еще «нелегальная выручка», которую кассир делит после каждой поездки. Об этом подробней — потом.

В данный момент я в поезде. Гостей достаточно. Большая группа японских студентов, что-то едят и пристают ко мне, чтобы расписалась на тетрадках, дала автограф. Словно я кинозвезда. А мне что — если им это доставляет удовольствие. Наконец передышка. Вагон опустел. Стою у окна и жую виноград. Ой, как давно я его не ела. От радости и нетерпения глотаю с косточками. А не из-за таких ли косточек моя сослуживица Клава сейчас в больнице с аппендицитом?

Как все интересно и ново для меня: мелькают деревни и поля, а ближе к насыпи тянутся продолговатые болотца с какими-то затейливыми водяными растениями, и ветер, пробегая по воде, плиссирует ее. Ни огромных гор, ни леса, ни широких рек, но то, что вижу, имеет свою прелест и красоту. Смеркается, и уже трудно разглядеть пейзаж. Надеюсь на обратный путь. Иногда вагон трясет, и я с непривычки побаиваюсь, но уверена, что скоро привыкну.

Приехали в Синькё поздно вечером. Город поразил меня массой огней, но разглядывать его было некогда — все торопились отдохнуть. Сразу заснуть не могу — столько новых впечатлений. Душа поет и ликует — я счастлива. Новая обстановка, новая жизнь, новая надежда! И я молилась и благодарила Господа, и незаметно крестила себя мелкими крестами.

Начальник японец (другого начальства в Харбине нет) написал мне письмо по-русски, которое меня страшно удивило. Они с женой

приглашают меня в гости. Я заметила, что у этой семьи какая-то симпатия к европейцам. Однажды он даже проговорился мне, что некоторые японские манеры и обычай он не одобряет. И еще я заметила, что он старается подражать европейцам. Не воспитывался ли он в европейской среде? Схожу к ним при первой возможности, но не сейчас. Мадам Пакина дала мне какую-то мазь для улучшения кожи, и вот она теперь сходит и шелушится.

11-Е НОЯБРЯ (36)

Долго не писала — совсем нет времени. Наступили настоящие холода. Надо шубу, но, после того как оплатила мамин долги, на шубу денег не хватило. Купила материал, но ведь шить ее — такая канитель и так долго! Когда же наконец мне удастся купить настоящую шубу в магазине? Еще мечта: купить коньки и все спортивное, что к ним полагается.

На службе новая «подмога»: нам раздали книжечки с купонами, по которым можно покупать в долг в счет жалования, на два месяца вперед, в японском кооперативе, который находится в здании бывших Торговых рядов. Пока что в долг покупать не хочется.

Отпускной день так удачно совпал с днем «Эмигрантского бала». Я готовилась заранее. Обязательно надену голубовато-стальное платье, которое сшила для Нининой свадьбы. Полезла в гардероб — а платья нет! Перерыла весь дом, платья не нашла. Подозрение на маму. Стала искать ее квитанции от ломбарда и нашла одну на мое платье. Побежала в ломбард и выкупила. На бал пошла в нем и, кажется, еще никогда не пользовалась таким успехом. А Кока мне повторяет: «Похудела, подурнела». Нет — живу!

14-Е НОЯБРЯ (36)

Утром, без пяти минут три, у Тамары родился ребенок! Хорошенький, белокурый, с голубыми глазами мальчик — Александр (Алик). Сестра счастлива. Изменится ли, смягчится ли теперь ее характер?

На работу у нас приняли еще пятерых русских девушек. Это мне на руку — чаще будут посыпать меня в поездки.

С Верочкиными собраниями полное затишье.

Валериановый корень я больше не пью, от него болит сердце.

20-Е ДЕКАБРЯ (36)

Сегодня день сплошных неудач. Таня на кухне опрокинула на себя кипяток. Дядя стал ей помогать и сам ошпарился. Чайник огромный, как самовар! У мамы болит поясница, а у меня ноет зуб.

У мамы новое изобретение: целлULOидовых пупсиков она переделывает в маркиз и превращает их в бомбоньерки для конфет. Я раскрашиваю им лица. Спрос в кондитерских большой, но мало надежды, что это нам поможет.

На работе установилась «дружба» с кассирами — вместе «обдуваем» начальство и железную дорогу. Я и не подозревала, что такое может быть, — это они меня научили. Делается так: кассиры «спелись» с поварами и те из двух порций делают три. «Лишнее» делят между собой, чуточку перепадает и нам. Без нас они обойтись не могут, мы представляем счет гостю, а когда его нет, приходится устно передавать цифру. В самом начале было трудно, мучили угрызения совести, но постепенно стала привыкать. Ведь японцы ограбили всю Маньчжурию и нас в том числе.

Суббота — день Ангела Коки. Всегда вспоминаю его с теплым чувством, но — не моя Судьба!

На вокзале — грандиозный праздник Николая Чудотворца. В зале, где установлена икона, масса народа. Среди них немало китайцев, некоторые приехали специально к этому дню. Русские и китайцы, с глубокой верой, зажигают и ставят свечки у иконостаса. Все население знает, как несколько лет тому назад на вокзале случился большой пожар. Икона была уже здесь. Огонь с неимоверной быстротой охватывал один зал за другим. Были жертвы. Кто-то схватил икону и стал перед огнем. И пожар остановился.

На молебен собралось много духовенства. Мы — русские девчонки — прекратили работу и побежали на молебен. Кассир Цугита-сан нас не остановил, а наоборот, приказал служащим китайцам принести в зал большой стол и несколько десятков стаканов с напитками для духовенства. Вот и японец! И среди них есть хорошие.

Сводила Тамару в кино, на американскую картину «Провинциалочка», с участием Дженет Гэйнор. Я была хорошо одета и надеялась встретить Коку. Теперь есть и возможность, и даже необходимость одеваться — работа требует. Хочу его встретить, а как встречу, тянет к кому-нибудь другому. Какая нелепость!

Несмотря на рождение прелестного ребенка, Тамара выглядит несчастной. Ее муж часто приходит к нам, и мама говорит, что сестра его ревнует ко мне. Вот уж нелепость! В жизни не позволю себе такую низость — флиртовать с мужем сестры. Да и не мой он тип, и дома меня часто нет. Как бы мне уверить ее в этом?

Уже полгода работаю на вокзале и в поездах — шутка ли!

За Ниной Мацуно стал серьезно ухаживать Коля Корзанов, а она не отвечает ему взаимностью. Дошло до того, что бедный мальчик пытался застрелиться.

Уже поздно, и я устала. Завтра работаю во вторую смену, значит утром будет время заняться костюмом павлина — для новогоднего бала.

1937

ЯНВАРЬ (37)

Встречать этот Новый год собирались большой группой с сослуживцами. В последнюю минуту все распалось — у каждого оказалась своя причина. Я не побоялась и пошла одна, но не в «Желсоб», как собирались, а в Коммерческое собрание. У входа сразу же встретила знакомого Ильюшу, который пригласил в свою компанию. Я была в «стальном» платье и пользовалась успехом, но, как ни странно, ничто меня не радовало — даже танцы с хорошими партнерами. Еле дождалась до полуночи. Японцы время переменили на Токийское, и 12 часов отметили в 11. Так или иначе, после 12-ти я собралась уходить. Почему-то все казалось очень скучным.

Потом настало время балов. Трудно совместить их с работой, но хочется поспеть повсюду. К 10-му января закончила костюм павлина. Вышел изумительный — из цветного целофана, полная птица на голове, как шляпа. Публика говорила: «Этот костюм определенно призовой!». И я так думала. А какое было разочарование, когда призы присудили двум уланам! Их костюмы были вполне заурядные. Публика возмущалась, а я была разочарована до слез. Потом утешением была заметка в газете «Харбинское время», где писалось, что мой костюм был самым лучшим.

После бала меня вызвался проводить Коля Мазин. Я наврала ему, что работаю очень рано, в утро, поэтому он отвел меня на вокзал. Там я подождала, пока он ушел и побежала домой. Раннее утро, холодное-прехолодное, а я так легко одета — ну и простудилась.

15-Е ФЕВРАЛЯ (37)

Несколько дней пролежала дома. Боюсь подхватить воспаление легких, лечусь домашними средствами. Еще насморк и кашель, но на работу пошла — за нее надо держаться руками и ногами. Сослуживцы, включая японцев, относятся к нам, девчатам, с уважением и по дружески. Некоторые девочки пользуются этим и к работе относятся халатно. Особенно отличалась этим Валентина. Ее вызвали в контору и предупредили, что если так будет продолжаться, она потеряет место. На остальных ленивцев это подействовало, как ушат холодной воды, — девчата забегали, засуетились, заработали. А позже кассир Вештаки-сан по секрету доложил мне, что лучшими работниками считаются Аня, Дора и я. Ура! — а то я всегда считала себя никчемной.

Горло еще побаливает. Вечером сделала полосканье и пощупала опухшую шею. С ужасом представила себе ее внутреннее устрой-

ство. Жилы, хрящи, кровеносные сосуды — и все в мягком, незащищенном мясе. Как непрочна физическая оболочка души. Эти мысли подтолкнули меня вернуться к духовному совершенствованию, которое я так запустила. Трецит голова, боюсь сойти с ума, чувствуя себя слабой и потерянной.

Надо сознаться, что я теперь почти ничего не читаю. Все время уходит на работу, кино и баллы. Часто думаю о «тряпках» — какой бы купить материал, чтобы выглядеть эффектней. Кусок мяса в цветных тряпках — вот мое определение. Почему нельзя жить без ощущения физической оболочки? Отблеском души, световым эффектом, чтобы наружная оболочка не играла роли? А то все сводится к одному и тому же: работаешь, лешишься, кормишь свою «оболочку», одеваешь ее в цветные тряпки, и все для того, чтобы протянуть ее жизнь как можно дольше.

Теперь о Тамаре. Уже давно она нам говорила, что тайком обвенчалась с Володей в церкви. Я немного сердилась: «Почему не пригласила нас?» Теперь оказалось по-другому. Настоящая свадьба будет 20-го, и больше врать и скрывать нечего. Володина мама, Александра Афанасьевна, все спрятала для сестры: и платье, и фату, и цветы, и даже заплатила священнику. На этот раз мы были приглашены на свадьбу.

В церкви жених с невестой выглядели хорошо, но когда на них надели короны, мне показалось, что тамарина физиономия выразила разочарование. На мой взгляд, Володя выглядел не лучше, хотя знакомая Марфа Афанасьевна и уверяла, что Володя выглядел принцем. Ну и хорошо, и слава всем Святым. Теперь очередь за крестинами.

После свадьбы я примерила тамарино платье и фату. Нашла, что мне идет. И все равно — замуж я не собираюсь...

На днях контора посыпала меня на станцию Маньчжурия. Я обрадовалась, но вдруг вмешался кассир Цугита: он уговаривал меня остаться, а на следующей неделе поехать с ним.

— Но ведь мне контора приказала, — отнекивалась я.

— В конторе я скажу, что у вас мать заболела, — ответил он.

Теперь теряюсь в догадках. Может быть, Цугита хочет ехать со мной, потому что я работаю хорошо и покладистая? В общем же я против него ничего не имею — он добрый, относится ко всем хорошо, в поездках щедр.

27-Е ФЕВРАЛЯ (37)

Нина Мацуно устроила «парти». Избалованная своими богатыми приемными родителями, она делает что хочет. Я с удовольствием приняла ее приглашение. Дом шикарный. Полно гостей. Интересная, холеная Нина пользуется большим успехом у молодых людей. Стол ломится от закусок и горячих блюд, вина всевозможных сортов и

марок. Кто-то стал мешать водку с вином и угощать девушек, которые быстро пьянили. «Молодняк» валился с ного — Содом и Гоморра!

Это мне не понравилось. Уже никто не был в состоянии контролировать свои действия. Даже нинина приемная мать, неинтересеная, но добрая финка, веселилась, как подросток. А когда в играх настала ее очередь и молодежь запела баронессе «Кого хочешь — поцелуй!», она радостно побежала по кругу и, с криком «всех! всех!», целовала всех подряд.

Всеми силами стараемся оплачивать квартиру, но мама задолжала за много месяцев, и нам опять предложили уехать. К нашему счастью, Александра Афанасьевна, добрая володина мама, предложила переехать к ним во флигель. Мы обрадовались, это совсем близко — просто через поляну. Я и радовалась, и переживала. Если и здесь мы задолжаем — какой позор!

Как ни странно, но я здесь, на станции Маньчжурия. Нас две русских — я и моя сослуживица Верочка, остальные — японцы и японки. Нам отвели отдельную комнату, в специальном здании для железнодорожных служащих. Из Харбина до станции Маньчжурия два дня езды, одну ночь спали в поезде. На рассвете проехали станцию Бухэду и Петля. Красивая местность. Но как обидно, что Чжалантунь и Барим проехали ночью.

Станцию Маньчжурия я не узнала, представляла по воспоминаниям совсем другой. Когда бежали из Сибири, была маленькой, и мне все казалось гигантским и красивым, а теперь — ничего особенного, все самое обыкновенное. После дороги, грязные и усталые, приняли хорошую ванну и некоторое время отдыхали в комнате. Верочка чем-то занята, а я со второго этажа, через окно, восхищаюсь пейзажами и своими восторгами надоедаю соседке:

— Смотри, Верочка, какие высокие горы! Какие могучие кедры и широкие поля, разного цвета. А миленький симпатичный лесок совсем близко! Только Бога благодарить за такие красоты — смотри, смотри!

Верочка вдруг будто очнулась. «Все же мой восторг заразил ее», — подумала я. Оказалось, ничего подобного — она вдруг резко повернулась к двери и сердито крикнула:

— А что за холера раскрыла дверь и устроила сквозняк?

Отдохнув и приведя себя в порядок, спокойно добрались до вокзального перрона. Пришел поезд из Советского Союза. С самого начала мы были предупреждены нашей администрацией не заводить знакомства с новоприбывшими — лучше держаться на расстоянии. Мы так и сделали. Побежали в ближнюю бакалейную лавочку, купили свежего аппетитного хлеба и сметану. Пошли на запасные пути и, усевшись на рельсах, все с удовольствием распровервали. Нам приелись японские завтраки, вдруг так захотелось русского молочного.

Теперь надо идти в депо, где «мыли» наш поезд. Надо было помочь официантам, китайцу и японцу, прибрать вагон-ресторан для завтрашнего рейса. Но все уже было убрано без нас: трудолюбивые «бои-саны» сами все сделали. Спасибо. А снаружи выгоны отмывали русские эмигранты, нанятые японцами. Они дружески помахали нам.

Возвращались в свое здание вместе с поваром-японцем, только что накупвшим фруктов для обратного пути. Нас окружало поле, а за ним, уже не так далеко, начинались горы. Повар нам объяснил, что эти горы служат границей, а уже за ними начинается Советский Союз. Я напрягла зрение и различила на горе окопы и выше — крепость, около которой маячил маньчжурский солдат. Солнце садилось за этими горами и охватывало небо ярким пурпуровым светом.

На обратном пути в Харбин вся бригада вагона-ресторана работала дружно «налево», как и все другие служащие буфетов. Нам, официантам, перепадает самая маленькая часть, но и это хорошо. Еще мы научились откладывать все годное для дома: немного масла, сахара и других продуктов. Так что грех жаловаться.

МАРТ (37)

Итак, мы переехали к Кузминым. У меня совсем маленькая комната, которую мечтаю обставить и устроить. Определенного кавалера пока нет, и я рада — уж очень устаю после поездок. Больше живу вокзальной жизнью и мечтами о будущем. Сдружилась с сослуживицей, хорошенкой Клавой, с которой в свободное время ходим по «киношкам» и делимся секретами.

У Клавы кавалер — Сергей. Когда мы вместе, я стараюсь сдерживаться и не «рисуюсь» — из уважения к подруге. Сергей работает на какой-то линии железной дороги и приезжает в Харбин каждые десять дней, а в промежутках пишет Клаве письма. В последнем были строчки, относящиеся ко мне, которые Клава мне прочла:

«Поцелуй свою подружку Ниночку в глазки — уж больно они у нее хорошие, много горя, видно, принесут с собой несчастным!..»

Вот тебе и фунт изюма! Клавочка верила в мою дружбу и доверяла. Она даже попросила меня ответить Сергею от ее имени. То ли она пишет неграмотно или по какой другой причине? Сама я пишу ничего, хотя ошибки попадаются. Все же я согласилась и написала длинное, ласковое письмо. Клава осталась довольна.

3 АПРЕЛЯ (37)

Я опять в поезде с Верой, на пути в Маньчжурию. Но у меня ангина в тяжелой форме. Я не работаю, а валяюсь на полке спального вагона и охаю. За весь путь ничего не съела, изголодалась. Приехали на станцию Маньчжурия — я и там продолжала болеть.

Вера, вопреки моим ожиданиям, оказалась ангелом. Она так за мной ухаживала, что любой больной мог бы позавидовать. Набравшись сил, я наконец ей сказала:

— Мне так стыдно и неловко перед тобой. Не знаю, как отблагодарить. Вот заболеешь — увидишь, что я приложу все силы, чтобы тебя вылечить!

Верочка улыбнулась и ответила:

— Нет уж, я, пожалуй, лучше поживу без твоей благодарности, но здоровой.

На обратном пути наш кассир, Кодома-сан, дал Верочке всего 2 го-би 80 копеек, а мне 1 го-би 20 коп. По правилам, мне ничего не полагалась, ведь я совсем не работала. Наверное — «за молчание». А я не догадалась отдать свои деньги Верочке.

5-Е АПРЕЛЯ (37)

Продолжаю болеть дома. Смотрю в зеркало и замечаю еще одну морщинку! Старею.

Пришла Клва, она заменит меня в следующей поездке, и есть надежда, что потом мы будем вместе. Она попросила меня опять написать письмо Сереже, что я и сделала. Но как трудно под кого-то подделываться! Мы с Клавой так сдружились, что даже заказали у портного одинаковые пальто, с большими острыми отворотами. Хотелось пооригинальничать.

6-Е МАЯ (37)

Ура, мы вместе с Клавой на пути в Маньчжурию. Народу мало, пишу свой дневник за пустым столом вагона-ресторана. Переписываю ветхие, полинялые листочки дневника, на которых и буквы-то еле видны. Мои сослуживцы японцы смотрят на меня с подозрением. Удивляюсь, как они еще не заподозрили меня в шпионаже — ведь русского они не знают и могут подумать всякое.

Поездка утомляет не столько работой, сколько тряской, копотью, угаром. Приезжаем грязными, утомленными. Примешь ванну, отдохнешь, «подреставрируешься» — и опять «полным ходом».

Пошли в училище, купить билеты на местный бал. По дороге нас догнал Вася — один из самых приличных русских, работающих в депо. Когда мы с Клавой приезжали поодиночке, он «финтил» с каждой из нас по отдельности. А теперь мы вместе, и он «попался». В общем же ни мне, ни Клаве он не нужен — так, для времяпроживания. На балу мы были разочарованы: молодые люди — сплошная деревенская «размазня» в рубахах! Приглашать на танцы не решались, а ходили по пятам, как прибитые собаки. Местные девушки глядели на нас с неодобрением, перешептывались:

— Как будто здесь своих девчонок не хватает! Вот еще, понеяхали.

Пришел Вася и рассердился на нас: почему его не подождали. Но все же пошел нас провожать. В «общежитие» пришлось идти далеко, по шпалам. Освещение тусклое. Вдруг за спиной услышали голоса, шаги по щебню. Замелькали лучи карманных фонариков. Нас нагнала толпа «деревенских рубах». Один из них сильно толкнул Васю в спину. Так сильно, что последний еле удержался на ногах! Вася повернулся и ударил нападавшего. Началась «катавасия». Мы с Клавой силились утихомирить и разнять драчунов. Вдруг Вася остановился, и мы услышали его дрожащий голос:

— Вы знаете, кого вы задели? Я в форме, и если вы оскорбили меня, в моем лице вы оскорбили всех фашистов!

Толпа стихла, и один голос стал оправдываться:

— Да ты что, Вася, мы просто пошутили...

Нападавшие отстали. Вася шел рядом с нами, понурив голову. Понимал, что уронил себя перед нами. Значит, он фашист? Я точно не представляла себе, что это за порода. Возможно, и остальные, кто работал с ним в депо, — тоже фашисты? И потому «рубахи» боятся их? Прощаясь у дверей, Вася подарил мне подушечку, выигранную на балу.

Еще один день отдыха, а завтра — в обратный путь. Но во время ужина у меня сильно разболелся зуб. Решили вернуться в общежитие, чтобы успокоить боль домашними средствами. На полпути откуда-то вынырнули три молодых человека на новеньких велосипедах и последовали за нами. До этого мы их никогда не видели. Одеты безукоризненно, выхолены, внешность интересная, особенно у одного.

Они последовали за нами и стали заговаривать. Мне было не до кавалеров, а Клава, как назло, сказала самому интересному:

— С каким бы удовольствием я прокатилась на велосипеде!

Он слез и протянул велосипед Клаве:

— К вашим услугам.

Клава взять велосипед не решилась, но разговор завязался. Нам не пришло в голову спросить, кто они такие. Они довели нас до дому и стали назначать свидания. Я страдала и думала только о зубе, а Клава сказала, что в семь часов делает покупки.

В конце концов я побежала к доктору. Японец-дентист, с неимоверными усилиями и причиняя мне жуткие страдания, вырвал больной зуб. Я кое-как добралась до общежития и свалилась в кровать. В это же время пришел Вася и рассказал, что видел нас с молодыми людьми.

— А знаешь, кто это такие? Служащие советского консульства. А самый заметный — первый секретарь. Это наши врачи, врачи народа!

Мучаясь неимоверно, я только пробурчала ему сквозь полотенце, что мы их не знаем и знать не хотим. Вася ушел. Когда Клава

вернулась, я ей все передала. Она выглянула в окно и увидела, что уже несколько силуэтов маячили около дома. Нервная атмосфера сгущалась.

С этого все и началось.

Японская полиция немедленно узнала. Мы прогуливались с советскими — значит шпионки! В доме вокруг нас все шушукаются. Я спустилась на кухню за кипятком, а русская женщина (очень вредная), убирающая комнаты и кухню, будто только и ждала меня:

— Вы со своей подругой ведете себя неприлично! — завизжала она. — Другие девушки не гуляют с незнакомыми и не приглашают их к себе в комнату. От вашего поведения мы все пострадаем. Дошло до того, что полиция нас допрашивала. Из-за вас могут и нас заподозрить.

В коридоре столкнулась с конторским китайцем, говорящим по-русски. Он укоризненно показал головой:

— Дурные девчонки! По глупости своей можете сильно поплатиться за такое легкомысление. Ведь и меня полиция расспрашивала о вас.

Я сделала вид, будто нас это не тревожит, а на самом деле дрожала от страха. Рассказала Клаве все слышанное, и она испугалась. Я крадучись подошла к окну и выглянула. Совсем стемнело. На горизонте ярко горела полоса леса. Кто его поджег? Страх и подавленность еще сильней.

Вдруг наша комната ярко осветилась. Кто-то навел на окно сильный прожектор. Мы с Клавой забились по углам, а прожектор то угасал, то снова заливал комнату. Сколько времени это длилось, сказать невозможно. Нам казалось — вечность.

Наконец, я снова выглянула в окно. Внизу крупным силуэтом выделялся человек, на груди которого поблескивал круг — переносной прожектор. Он оглядывался назад и делал жесты другим, прятавшимся за сараями и кустарником. Я, с быстротой молнии, вскочила на подоконник и спустила черную штору, приготовленную на случай воздушной тревоги. Но прожектор снова стал шарить по окну, по черной занавеске. Мы долго не могли заснуть.

Наутро, усталые, помятые, побежали на работу. По дороге нас никто не остановил. А в вагоне нас ждали японские военные. После нескольких вопросов, они записали наши фамилии и дальше, продолжая посматривать на нас с подозрением, начали расспрашивать японского кассира.

Потом в вагон вошел интересный молодой человек, русский, видимо занимавший у японцев важный пост. (Сужу об этом по отношению к нему японцев.) Его звали Костя. Он задал нам несколько безобидных вопросов, рассмеялся и шутливо спросил:

— Ну что, больше не хотите встречаться с советским секретарем?

Мы и без него поняли свою ужасную ошибку. Урок на всю жизнь! Все же нас не задержали, и мы тронулись в обратный путь. Я спросила кассира, о чем его допрашивали военные.

— Да как раз о вас, — ответил он грустно и подавленно. — Спрашивали о вашем поведении и ручаюсь ли я за вас. И я поручился. — Затем, повернувшись ко мне, он добавил: — Но я им не сказал, что ты все время что-то записываешь. Я-то не понимаю, что ты пишешь...

— *Домо сумимасен, корева нанимо аримасен, ватласио джубуню никки*, — сказала я. («Простите, это совсем ничего не значит, это мой личный дневник.»)

Чтобы совсем его успокоить, я предложила ему взять на время мою тетрадку и справиться у кого-то, кто знает русский язык. Дневник он не взял, но это помогло ему поверить и успокоиться. Сердечный японец.

ИЮНЬ (37)

Мы с Клавчиком опять в поездке, опять — станция Маньчжурия. Наша дружба крепнет. Столько общего нас теперь связывает и есть о чем поговорить. В особенности нас смешат ухаживания маньчжурского Василия — на два фронта. Но это только для смеха. У Клавы серьезный роман с Сергеем, а я после Коки ни на кого тратить время не хочу. Василий то с одной из нас поговорит в углу, то с другой. А вечером, оставшись с Клавой наедине, мы рассказываем друг другу его признания и смеемся.

Меня гораздо больше занимает Костя, который служит на вокзале у японцев. Какую должность он занимает, какую работу выполняет — я так и не поняла. Видно только, что у японцев он «на хорошем счету».

Я почти уверена, что японцы здесь не навсегда. Если Костя вовремя от них не «отчалит», то пропадет, как большинство молодых русских. Вообще он со мной не тратит время на глупые комплименты. Мы с ним сдружились, и я задалась целью его «спасти». Стала осторожно намекать ему на возможность японского «кракха», просила его подумать о том, что с ним тогда станется. Костя слушал внимательно и потом спросил меня:

— А почему ты сама с ними работаешь?

— Только для того, чтобы заработать денег на дальний путь, — откровенно ответила я. — Ведь только работая на них, можно здесь заработать.

Мне казалось, что Костя серьезно прислушивается к моим словам. Высокий, сильный, интересный, с небольшим «дефектом» — слегка косит на один глаз. У нас отношения простые. Случалось, он делал критические замечания в мой адрес, например, замечал, что у меня чулки гармошкой. И я совсем не обижалась.

Японская полиция оставила нас в покое. Костя и его друг Жорж пригласили нас с Клавой прокатиться на машине до Чжалайнора. Большое расстояние, но мы согласились. Машина неслась быстро, дорога с ухабами. Мы подпрыгивали и смеялись. Но вдруг, на

полпути, сломалась рессора. Пришлось медленно возвращаться. Вместо того, чтобы пойти танцевать, кавалерам пришлось заняться ремонтом машины.

Мы вернулись в убежище и решили хорошо отдохнуть. Сослуживица японка сказала нам, что видела вблизи нашего дома, на соседней улице патруль. Мы с Клавой ужасно перепугались. «Неужели опять из-за нас? Неужели сделали оплошность?» Но патруль скоро удалился и нас никто не побеспокоил.

На следующее утро Клава пошла в депо, убирать вагон, а я, по просьбе мадам Пакиной, пошла к местному русскому мяснику купить мяса именно у него. (Странно, откуда она знает маньчжурских мясников?) С сыном мясника Мишой мы познакомились здесь на «балу» (на самом деле — простая провинциальная танцулька). Он был очень прилично одет, аккуратен, а здесь вышел ко мне в окровавленном фартуке, неряшливый. Увидев меня, смущился, убежал и послал кого-то вместо себя обслужить меня.

Потом, когда я собралась уходить, в дверях появился Миша со своей сестрой. Он успел переодеться и помыться. Они стали уговаривать меня с ними пообедать. Я отказалась, но согласилась пройти по дому и познакомиться с родителями. Дом большой, широкий, в стиле помещичьей усадьбы. На всех окнах — шторы изумительной красоты. Красивая дорогая мебель, в углу — пианино, а рядом — музыкальный уголок с викторолой. «Вот, — подумала я, — простой мясник, "в деревушке", и так живет. А мы, в столице — и в такой нищете, что больно и обидно.»

Настало время бесконечных однообразных рейсов в одну сторону, то есть до Маньчжурии и обратно. Хорошо, что мы все время с Клавчиком. В Харбине два дня отдыха — и опять в путь. Каждый раз в Харбин возвращаемся с «бакшишем». И самой мне удается каждый раз завернуть в бумажку кусок масла, несколько кусков сахара. В доме все пригодится. Воровством я это не считаю. Просто «взимание долгов» — ведь японцы ограбили всю Маньчжурию. Это просто крошечная «репарация». Деньгами помогаю дому и надеюсь, что скоро смогу обставить свою комнату.

27-Е ИЮНЯ (37)

Вернулась в Харбин, а там меня ждет письмо от... Сергея! Сначала думала, что ошибка и письмо должно быть передано Клаве, но оно ясно адресовано мне. Открыла и стала читать:

«Ниночка! Мне очень хочется увидеть вас. Если это не идет вразрез вашим желаниям, напишите, когда и где? Могу приехать в Харбин. 28-30, Станция Шуанчен-пу. Сергей Л.»

Мне стыдно перед Клавой. Сейчас она самая близкая из моих подруг. Совсем не в моих интересах «покорять» ее «милого». Чем же

это объяснить? Неужели, не замечая за собой, я разговаривала с ним кокетливым тоном. Долго не решалась ему ответить, а потом все же решила «выяснить». Заметила, что последние их встречи были овеяны холодком. Но я-то тут при чем?

Сергей не приехал и не пришел.

Перед Клавой меня мучила совесть и, наконец, я решила ей сказать. «Исповедь» вышла натянутой, и Клава поняла все по-своему. Я старалась ее уверить, что никаких видов на Сергея не имею. Поверила ли?

19-Е ИЮЛЯ (37)

Я пришла к Клаве, а у нее — Сергей! Определенно, он понял, что я все рассказала подруге. Видно, сердится на меня — разговор наполнен «шпильками» и намеками. Чем все это закончится?

Поездка опять назначена на поезде-экспресс в Маньчжурию, и там три дня отдыхать. Кассиром назначен придурок К. (Есть у нас и такие японцы.) Однажды, вспылив, он набросился на китайца-боя с... револьвером! Слава Богу, не искалечил, а только здорово испугал. Испугал и всех остальных.

22-Е ИЮЛЯ (37)

Станция Маньчжурия. Мы с Клавчиком, каждая на своей кровати, пишем дневники. Все же случилось так, что мы приехали разными поездами, и завтра Клава уезжает обратно. Я посмотрела на Клаву и вспомнила, что на днях кто-то из знакомых сказал, что ее сестра, блондинка типа Греты Гарбо, сошлась с богатым, который ее страшно балует и «засыпает» драгоценностями. Мне не верилось, но потом я сама ее увидела в драгоценностях, одетой по последней моде — поневоле поверила.

В поезде было много пассажиров, в числе которых два известных американских адвоката: Гарри Рудик и С.Л. Свифтер. Приехали они из Сиэтла, сначала в Шанхай, а теперь решили совершить кругосветное путешествие. Шанхайские газеты писали, что они миллионеры. Я удивляюсь, как японцы разрешают им так свободно проезжать по оккупированной территории.

За окном моросит дождь, и я слышу его легкое «пошаркивание» по стеклу. Значит будут грибы — утром постараюсь сходить за ними в маленький близкий лесок.

Конец месяца. Несколько дней работаю на вокзале. Долго ничего не записывала, а сейчас пришел экспресс, набегает публика, надо заканчивать. Писать дома нет времени. На службе, даже усталая, стараюсь работать хорошо. Я счастлива, что нашла такую постоянную работу.

Сегодня в буфет пришел новый, недавно нанятый «надсмотрщик». Злой, несимпатичный кореец — Ким. Высоченный, худой, скуластый, с небольшими, близко посаженными обезьяиными глазками. Не дает никому вздохнуть, следит за каждым шагом и без остановки командует. Как-то сразу все официанты почувствовали к нему антипатию, а китайцы дали ему прозвище «лакуда», что значит по-китайски «верблюд».

Это прозвище так ему подходило, что и мы, девчата, стали машинально так его называть. Услышав это прозвище однажды и узнав его значение, «Лакуда» разозлился на нас еще больше. Он даже пожаловался на нас с Ольгой конторскому Орите-сану, а последний — симпатяга и добряк — сделал вид, что отчитал нас, а на самом деле только наговорил комплиментов. На том дело и закончилось.

ИЮЛЬ (37)

Жизнь продолжается. Нина Мацуно выходит замуж за молодого интересного японца из нашей конторы: Баба-сан (нужно же придумать такую фамилию!). Нина пригласила меня в качестве шафирицы. Вспомнила я, как она откровенничала мне о нем: «Знаешь, он так в меня влюблен, что целует ноги!..» Вообще-то японцы держат женщин в приниженнном положении. И я никогда не представляла, что любовь может выражаться в жесте такого рода.

Моим кавалером оказался Кеша М., который преподнес мне огромный букет из роз. Другие шафирицы от своих кавалеров получили «малокровные» букетики — бутоньерки. Мне стало неловко, и я разделила свой букет между девушками.

Свадьба богатая, многолюдная. Я была в красивом платье, сшить которое мне помогала добрая Женя К. А я всем «заливала», что оно куплено в знаменитом салоне дамских нарядов — у Каплунова.

Пишу в поезде. В вагон-ресторан пришло много публики, нужно прерваться.

Продолжаю. На свадьбе было много важных лиц. В церкви я заметила, что Нинин жених чувствовал себя неловко. Оказывается, среди гостей была девушка-полька, за которой Баба ухаживал до свадьбы. Она в ярости шептала своей соседке:

— Уж я его так поздравлю, так поздравлю, что всю жизнь будет помнить!

Баба это чувствовал и во время всей церемонии выглядел побитым. Невеста выглядела изумительно. Но, как ни смешно, по выходе из церкви, кое-кто из стоявших на ступеньках стал поздравлять меня!.. Моя поклонница Люся П. послала мне воздушный поцелуй и прошептала: «Божественная, обворожительная!» Ее отношение всегда стесняет меня, но все же было приятно.

Празднование проходило в известном всему Харбину отеле «Модерн». Играли хороший джазовый оркестр. Столы ломились от

блюд. Пиршество затянулось до 3-х утра. Кеша отвез меня домой на такси. Мама ждала меня у калитки, беспокоилась. Раньше с ней такого не случалось. Кеша, прощаясь, сказал: если мне нужен рыцарь, он готов преданно служить. Услышав эти слова, мама рассмеялась и потом долго подтрунивала надо мной.

11-Е АВГУСТА (Среда).

Вернулись в Харбин. Мне передали письмо, пришедшее из Дайрена. Русский молодой человек, по имени Женя, с которым я потанцевала на каком-то балу, писал: «Попросите, чтобы вас перевели на экспресс "Азия", который приходит в Дайрен, тогда мы сможем встретиться!» А я даже не помню, кто такой этот Женя.

12-Е АВГУСТА (Четверг).

Какой изумительный день! Нельзя терять ни минутки — я собираюсь и еду за Сунгари. Теперь деньги не проблема: после поездки в кармане всегда есть несколько го-би. Солнце печет и вода теплая. Решила выкупаться в протоке. Откуда-то взялся мало знакомый, уверенный в себе и грубый Коля В. Он нахально приблизился ко мне и стал заигрывать. Начал затачивать меня под воду, хотя я не умею плавать и такие шутки не люблю.

Мое несчастье в том, что я не умею сердиться, не умею резко отшить. Я задыхалась под водой и барабанила, стараясь от него освободиться, а мерзавец хохотал, довольный своей «шуткой». В качестве «ангела-спасителя» появилась моя сослуживица Оля К. Зная мой мягкий характер, она коршуном налетела на Кольку и, со своей недюжиной силой, отшвырнула его в сторону, да еще и обругала, насколько это позволял «девичий словарь». Николай сразу же понял, что с ней лучше не связываться, и пристыженно исчез.

Через какое-то время подошли двое знакомых — хорошо воспитанных молодых людей. Солнце стало спускаться, и мы все вместе зашагали к «Солнечному острову». Воздух наполнялся ароматом вечерней прохлады. Мы сели на прибрежную скамейку. Вспыхнула неоновая реклама «Миниатюра», и за ней последовали все остальные. Вся эта иллюминация упала на воду и затанцевала на ней. Донеслась музыка, мелодии, от которых спирало дыхание. Я плаваю в облаках черно-синего неба, и так не хочется спускаться на твердую почву повседневности. Но надо возвращаться домой.

14-Е АВГУСТА (37)

Вот уже несколько дней работаю на вокзале. Это менее интересно и заработка меньше. Сама виновата: хотелось и покупаться, и на танцулы сходить. «Лакуда» продолжает придираться

ко всем, в частности к русским девчатам, а меня оставил в покое: видимо заметил, что главный японский начальник обращается со мной уважительно. Мне даже показалось, что «Верблюд» пытается ко мне подлизаться. Обидно только, что наши девчата запутались в сплетнях и взаимных обвинениях. Маленькая кучка русских — и только грыземся между собой, вместо того чтобы жить сплоченно, по-братьски.

Работая на вокзале, приглядываюсь ко всем и наблюдаю, как работают другие. Мое внимание привлек длинный, худой официант-китаец — Лосы. И что он так старается, так бегает и суетится? Раскланивается, улыбается... «Перебарщивает», — подумала я. Но вот заметила: за стол Лосы уселись четыре японца и заказали чай с лимоном. Выпили они чай, здесь же расплатились с Лосы и ушли. Лосы, видя, что других официантов поблизости нет, быстрым жестом вытащил из стаканов лимон, затолкал в пепельницы, а пустые стаканы отнес к кассе и заплатил цену простого чая. «Прибыток» за лимон — себе в карман!

Я догадываюсь, что он проделывает подобные трюки и с другими блюдами. Конечно, можно подрабатывать и таким способом. Но какой риск! Японцы с китайцами долго не церемонятся: раз-два — и китаец пропал. Но Лосы знает, что ни кассиры, ни повара его не выдадут — они ведь и сами сильно «подмочены».

В буфете публики мало, стою у окна, выходящего на перрон, и наблюдаю. Приходит поезд, пассажиры начинают выходить из вагонов. На 80% — японцы. Здороваются или прощаются с бесконечными поклонами. Смешно смотреть. Вспомнился анекдот: у одной японки сильно затянулась беременность; после десяти месяцев она пошла к врачу; он осмотрел ее и сказал: «Не беспокойтесь, мадам, у вас просто близнецы и очень вежливые — все раскланиваются, уступая выход другому».

15-Е АВГУСТА, воскресенье (37)

Обидно работать по праздникам, да еще во вторую смену — весь день пропадает! Но жаловаться грех. Работа не из трудных, оплачивается хорошо. Вот расплачусь с мамиными долгами и будет возможность обставить свою комнату. Ведь просто «за красивые глаза» денег не платят!

18-Е АВГУСТА (37)

Завтра — Второй Спас. Накупили фруктов, будем святить. Изумительное лето. Пользуюсь каждым свободным днем, чтобы искупаться.

Недавно прогуливалась по протоке, сняв туфли. Обгоняет меня «коморочка» с человеком «в летах». Лицо молодое, но уже лысинка. Во всем облике что-то интеллигентное. Мы переглянулись, и я

узнала известного в Харбине писателя и поэта Льва Гроссе. Зимой, на балу, он пригласил меня на танец, но я уже все забыла. Он вышел из «оморочки», напомнил бал, представился. Пригласил в кафе «Миниатюр» выпить лимонаду. Здесь он мне признался, что на балу я произвела на него сильное впечатление и что он часто обо мне думал.

Лев — интересный, культурный собеседник. Рассказал, что списался с американским продюсером, для которого написал сценарий. Сейчас ждет ответа. Переписывается со знаменитой голливудской звездой, Нормой Ширер, которая ему отвечает и поощряет его «пополновения». Надеюсь, что ему повезет, — хороший, умный человек. Отец его был последним русским послом в Китае.

Всю неделю работаю в первую смену, а после обеда сразу — за Сунгари. Но сегодня там произошла драма, и день был испорчен. На протяжении всей Зотовской протоки, близко от воды, тянутся столбы с электрическими проводами. Молодежь решила использовать их как забаву: влезут на столб и прыгают с него в воду. Один смельчак поднялся выше других и необдуманно, мокрой рукой, ухватился за электрический провод. Беднягу ударило током, и он упал у столба, головой вниз, как раз на ржавый якорь... Череп пробит и кровь, кровь повсюду. Зрелище невыносимое. Я сразу ушла.

Теперь, во время прогулок за Сунгари, каждый раз встречаю Льва. Совершаем долгие прогулки по дюнам, закусываем в «Стоп-Сигнале» и опять — по дюнам. Его присутствие меня не утомляет, он не лезет с флиртом, как другие. Сегодня он показался мне немного нервным. Прогуливаясь, осмелел и взял меня под руку. Солнце садилось за протокой, и сумерки соткали какой-то серо-сиреневый свет. Надо было возвращаться. Встречались редкие парочки. Вдруг у последних дюн Лев резко схватил меня в объятия, притянул к себе, крепко поцеловал, оттолкнул и убежал за дюны, как сумашедший. Я стояла минутку, ошеломленная, ничего не понимая. Мне было и страшно, и стыдно. Не дождавшись Льва, поспешила вернуться домой и после этого избегала встреч с порывистым и непонятным писателем.

20-Е АВГУСТА, суббота (37)

На работе неприятная атмосфера. Девочки почему-то ссорятся между собой и сплетничают. Ну что им еще надо? Я держусь за это место обеими руками. Был момент, когда появилась идея открыть свой магазин абажуров и других ручных изделий, но она сразу же отпала. На такое дело нужно много денег, а будет ли торговля успешной — никто не знает.

Шанхай, Шанхай — только и думаю, чтобы уехать туда. Но сейчас там идет ожесточенная война. Китайцы отстаивают его всеми

силами. А здесь я вижу, как из вокзала выносят на носилках раненых японских солдат. Пепел убитых несут в коробках, подвязанных белым шарфом к шее несущего. Это делается по возможности втайне, но мы-то все видим, мы «в первой ложе».

Что же все это значит? Неужели японцев могут выбить из Китая?

На днях сослуживица-японка принесла мне длинный, белый, толстый кусок материи, который уже наполовину был покрыт вышитыми красными узелками. Иголка с ниткой уже наготове — вколовата в материю. Она меня попросила вышить один узелок. Я удивленно спросила ее: «Для чего?» Сначала я подумала, что она просто из любопытства хочет знать, каким фасоном мы вышиваем узелки. Но оказалось другое.

— Мой младший брат на войне, и я хочу послать ему этот пояс, чтобы предохранить от ранений и смерти. Такое уж у нас поверье. Требуется тысяча узелков, сделанных разными людьми.

Я задумалась: хорошо ли я поступила? Не смогла прийти ни к какому выводу. Перед мной стояла просто жалкая молодая японка, с глазами полными слез. Как я могла ей отказать?

Сегодня у меня выходной день, в кармане несколько го-би, и я решила обязательно сходить в китайский пригород Фудидян на бараходку и купить стулья для своей комнаты. Часть пути ехала на автобусе, потом еще долго шла. Бараходка огромная. И чего только на ней нет! Исколесила ее вдоль и поперек. Наконец, остановила свой выбор на четырех стульях. Не стулья, а настоящие троны, с высокими спинками, с резьбой. Я колебалась, не решаясь спросить цену, боялась, что денег не хватит. Китаец-продавец вывел меня из затруднения:

— Если купите все четыре, отдам задешево!

И он назвал баснословно низкую цену. Видимо, долго не мог найти покупателей на такую «мебель с фантазией». Я согласилась, но, не выдавая своей радости, все же немного поторговалась:

— Хорошо, только надо, чтобы вы доставили стулья до дома.

Китаец согласился и, не спрашивая, где я живу, позвал двух молодых помощников и приказал им «грузить» стулья на коромысла. Мы двинулись. Я впереди, указывая дорогу. И вот мы шли, шли и шли. Китайцы стали присаживаться отдохнуть, потом — чертыхаться и отдохнуть, спрашивая «далеко ли?» Мне было очень неловко, и я только повторяла: «Еще немного». Но это «немного» тянулось и тянулось. К нашему дому китайцы приволоклись «на четвереньках». Я дала им «на чай», но недостаточно — китайцы ушли, ругаясь. Зато теперь у меня стулья — троны. С некоторым преувеличением можно сказать, что их спинки доходят почти до низкого потолка. Родители рассматривали мою покупку с удивлением, но ничего не сказали — платила ведь я сама.

На службе мне предложили перейти на постоянную работу в Дайрене. Я отказалась — это мне не по вкусу. А «Лакуда», корейский

«верблюд», подлизываясь ко мне, спрашивает, не хочу ли я работать на поезде. Как будто это от него зависит!

Снова встретились случайно за Сунгари со Львом Гроссе. Я боюсь с ним оставаться наедине. Если он такой невменяемый, то ведь и задушить может. (Это я перебарщаю.) Лев вручил стих, посвященный мне. Еще добавил, что пишет обо мне книгу. Думаю, материал довольно скучный — что он может обо мне написать? Вот его стихи, посвященные мне:

Ninie M.

Я встретил вас случайно на балу.
Ваш взор горел тоской неизреченной,
Ваш взор манил, и я, слегка влюбленный,
Вливал в него целебную смолу.

Что ж, Рок хотел, чтоб мы встречались редко,
Но часто снились близкие черты,
И вы, моя живая статуэтка,
Влекли меня все дальше в сад любви.

И вот опять — случайное свиданье,
Опять подарок, посланный мечтой,
Я встретил вас для роз очарованья,
Для страсти алой, полной ожиданья
И упоенной огненной грозой...

(Наверно, когда убежал за дюны — ха-ха!)

Цвети ж, мечта! Цвети родное тело,
Прекрасное, как лилия зари,
Которое в лучах порозовело,
Для солнца дня, для чудного удела
В волшебном бытии...

18-8-1937

27-Е АВГУСТА (37)

Идя на работу, встретила Аркадия «Вятича», которому похвасталась стихотворением. Он удивился:

- Такая знаменитость вам пишет? Я прочел несколько его книг — очень хорошо пишет.
- А вот вы мне еще ничего не посвятили, — сказала я шутливо.

На службе кассир Оя마다-сан предложил мне опять начать работать на поезде. Я немного отдохнула, деньги быстро тают — надо подумать. Чувствуется приближение осени — дни укорачиваются. Лето так быстро прошло — не успела насладиться. И жизнь

быстро проходит. Так много от нее ждешь и так мало получаешь! А если бы добивалась всего легко и быстро — жизнь бы прискучила и показалась пресной. Ведь вся прелест ее в ожидании и надежде.

Обиднее всего — стареть! Постареешь, и жизнь станет мукой. Немощи, усталость, болезни... А вокруг будет новое поколение, свежие лица, юность, задорные улыбки! И сразу же себя утешаю: ведь это еще не завтра! А смерть? Какой ужас!.. Боюсь даже думать и писать об этом.

Тамара меня оскорбила, и я с ней вот уже неделю не разговариваю. Обидней всего, что Танюша стала портится. Отвечает грубо, упрямится. Грубит даже дяде — ее жертвенному, святому отцу. Он так ее бесконечно любит. Случилось на днях, что Танюша без спросу убежала с подружками и вернулась лишь к вечеру. Ей, конечно, попало. Бедная девочка — тяжелый период. Как я ее понимаю.

1-Е СЕНТЯБРЯ (37)

На работе машинально выглянула на перрон и увидела... Костю Л. Он выглядел опрятным и совершенно нормальным. Он узнал меня, помахал рукой и послал воздушный поцелуй. «Выздоровел», — подумала я. Обрадовалась и поблагодарила Бога. Оказывается, Костя, со своей сестрой Шурой, провел некоторое время на курорте, на станции Имяньпо, а здесь их встретила другая сестра — Вера.

Воскресенье. День изумительный, работаю на вокзале во вторую смену. Два часа дня. Моих сослуживцев человек 15, а посетителей — человек семь. Как не хочется работать в праздничный летний день!.. Я, раскиснув, иду в посудную комнату, наливаю себе чай и так же лениво его потягиваю. Вошел кассир Ваштаки-сан — хороший, добрый японец — и уселся на подоконник. Я предложила ему чаю и, не дождавшись ответа, наполнила стакан и подала. Кассир пристально на меня посмотрел добрыми глазами и спрашивает:

— Сегодня не хочется работать?

Я утвердительно кивнула головой.

— Ну, ладно — иди гуляй. Только никому не говори, что это я тебя отпустил.

Я горячо его поблагодарила и не заставила себя ждать — «стреканула».

Конечно, поехала за Сунгари. Не пропускать же такой случай.

Счастливая прохожу мимо террасы, на которой продают удивительно вкусные пирожки, — а навстречу мне Гриша Т., мой бывший кавалер-стихотворец. И с ребенком на руках! Но оказалось, что это ребенок его сестры — той самой, которая любила меня покритиковать.

Все же разговор с ним не клеился. Да это и к лучшему. Еще встретила Аркадия «Вятича» с его неизменным фотоаппаратом. Поснимались — я такой возможности не упускаю. А на работе кассир Орита-сан передал мне несколько фотографий, пришедших из... Японии! Оказалось, что один пассажир-японец снял нас с Клавой. Очень удачные снимки.

6-Е СЕНТЯБРЯ (37)

3-го был мой день рождения, но я работала, и пришлось перенести праздник. Мама подготовила кофе, я купила пирожных. Все приглашенные были пожилые люди, в их числе — Володина мама, Александра Афанасьевна. Она подарила мне комбинацию и клипсы. Тамара, несмотря на то, что мы с ней в ссоре и не разговариваем, все же подарила фланкончик духов, а сама, оставив «стариков», убежала в кино. Мне хотелось сделать то же самое, но я была хозяйкой — терпеливо сидела и вежливо разговаривала.

Ходят слухи, что японцы заняли китайскую часть Шанхая.

...Я — в поезде, идущем на станцию Маньчжурия. По дороге, на большой станции Цицикар, купила огромный арбуз. Цицикар, можно сказать, столица арбузов. Они насыпаны горами вдоль всего перрона, далеко ходить не надо.

Приехав в Маньчжурию, половину арбуза отнесла Косте. Он лежал большой в кровати, с высокой температурой, прикрытый двумя одеялами. Показался мне таким маленьким и беззащитным. Костя обрадовался моему визиту и предложил сесть на кончик кровати. Потом еще с визитом пришли два японца и один русский. Японцы отнеслись к Косте с большим уважением и сочувствием. Посетители вскоре ушли, а я опять стала высказывать беспокойство за всех русских, которые работают с японцами. Советовала выбраться из этой опасной ловушки, пока еще не поздно. Костя, несмотря на высокую температуру, прощаясь, умудрился меня притянуть к себе и поделовать. Не понимает, что мое соболезнование нельзя истолковывать как флирт. На лестнице я споткнулась, упала и сломала каблук. Дорого обошелся мне визит!

Теперь я все время в поездках. Это помогает мне в финансовом отношении, а также помогает избегать Клавиного кавалера Сергея, который говорит, что «заболел мною» и что я его «всюду преследую». Теперь бывает, что какой-то добрый кассир уступает мне место за кассой, и я, гордая, простукиваю счета на машинке. Так насобачилась, что наизусть запомнила, сколько стоят семь бутылок пива и пр.

Перед очередной поездкой отдыхала два дня. Погода держится изумительная, не по календарю. Не теряю ни одной секунды — все время провожу за Сунгари. И когда я одна, свободная, чувствую себя еще счастливей. Наняла китайца-лодочника до Зотовской

протоки, помогаю ему грести. На мне темно-голубое платье, с белым гофрированным воротничком, который трепещет, как крылышки бабочки. Захлебываясь, глотаю этот кристальный, чуть прохладный ветерок и чувствую, как очищается весь организм. Надо запастись здоровьем на зиму.

Шагаю по песку протоки. Высокие каблуки туфель вязнут и замедляют ход. Затон пустеет. Дачники грузят багаж на лодки и переправляются в город. Наслаждаясь тишиной и безлюдьем. Остановилась у телеграфного столба, обняла его одной рукой, а другой стянула туфель и усердно вытряхиваю песок из него. Неподалеку вижу почтовый ящик. Машинально смотрю в его сторону и вдруг замечаю знакомую фигуру, опускающую письмо. Лев Гроссе!

Несколько дней назад я получила от него такое письмо:

Милая Нина!

Вы попросили, чтобы я вам написал. К сожалению, говорить почти не о чем. Конечно, наши встречи необходимо прекратить (как Вы просили). Я совершенно не желаю коверкать Вашу жизнь. Если бы Вы были старше и смелее, могло бы выйти что-нибудь цельное и ценное, а так остается пожелать, чтобы Вы как можно скорее обо всем забыли. Я же о Вас сохраню радостное воспоминание. Желаю Вам в жизни всяческого успеха и целую Вас «очень спокойно». Лев Гросс, 26-8-37 г.

Сейчас Лев меня нагнал и заговорил. Делаю вид, что сержусь и что его письмо мне совсем не понравилось. Лев извинился и в свое оправдание сказал:

— Я хотел проверить свое чувство, но признаюсь, что по-прежнему влюблена!

Разговаривая, зашли далеко к дюнам. По правой стороне — красавая аллея из молодых тополей, а дальше, в промежутках пустырей и огородов, несколько запущенных дач. Лев поднялся по ступеням одной из них и позвал меня. Я его побаиваюсь, но надеюсь, что на этот раз он все понял и будет вести себя скромнее. Очутились на широком балконе, с которого открывался уже знакомый однообразный пейзаж.

Лев стоял около и засыпал меня комплиментами. Это я люблю, приятно щекочет нервы. Вдруг он опять «озверел», притянул меня к себе и поцеловал. Стрелой сбежав с лестницы, я почти бегом пустилась к пристани. Лев догнал меня и стал извиняться, а я решила никогда не оставаться с ним наедине.

Закусили пирожками у Деда-винодела, наняли лодку, переправились на другую сторону. Лев проводил меня до самого дома. Дорога длинная, было о чем поговорить. Когда мне рассказывают что-то культурное, интеллигентное — я заслушиваюсь. И вот уже около самого дома он вдруг сообщает, что должен ехать в Цицикар, а затем в Дайрен. Я испугалась. Мне как раз нужно работать на этой линии, и я совсем не хочу, чтобы он видел меня в фартуке офици-

антки. Ведь я ему «заливала», что я кассирша. Я заставила его поклясться, что он не поедет на «моем» поезде. Неужели он нарочно подгадал, чтобы оказаться в нем?

И вот настал день.

Я спокойно накрываю столы для обеда, скручиваю красиво салфетки. В вагон-ресторан пришел служащий конторы — «шпион», проверяющий иногда честность кассиров и поваров. Присутствие этого наблюдателя немного огорчало. Если он будет с нами всю дорогу, повару с кассиром ничего не удастся «сэкономить», и таким образом мы — мелкие сошки — окажемся в убытке.

Я побежала к зеркалу, стала прихорашиваться и подвязывать фартук. Случайно заглянула во второй класс и увидела профиль Льва!.. Мерзкий — не сдержал своего обещания. Злость и обида сжали горло, на глазах появились слезы. Если Лев придет в вагон-ресторан, мне придется ему подавать, и я ни за что не перенесу такого унижения.

Добрый кассир заметил мое состояние и слезы на глазах, участливо осведомился — в чем дело? Лживая идея сразу же пришла мне на ум, и я ответила, что у меня приступ аппендицита. Кассир поверил и сообщил конторскому Сему-сану, который, со страдальческим лицом, повел меня в спальное купе первого класса и приказал китайцу-бою приготовить мне постель!

Лежу в постели и злюсь — как теперь выйти из положения? Кассир и конторский около меня, принесли какой-то порошок и посоветовали на следующей станции, Аньда, пересесть в обратный поезд, для которого кассир Хочжио-сан уже написал бумагу. Я вроде как пообещала, а сама продолжала ломать голову. Обидно терять деньги и сбивать мое расписание. Ведь получится, что по возвращении в Харбин мои дни отдыха не совпадут с субботой и воскресеньем. Привела себя в порядок, сделала вид, что мне лучше и пошла в буфет. Задержалась около Льва, злобно смерила его взглядом и пробурчала:

— Если придете в вагон-ресторан, можете считать, что я вас презираю и мы больше не знакомы!

В буфете постаралась работать. Вдруг через ресторан проходит Лев, направляясь в 3-ий класс. Я сердиться не умею, но тут кровь ударила в голову и залила лицо. Я сорвала фартук и убежала в спальное купе. Станцию Аньда мы уже проехали, а другой встречный поезд будет только в Цицикаре!

Кассир, вероятно, что-то заподозрил, пришел ко мне, разорвал перед носом бумагу и стал бурчать:

— Если так, в Цицикаре обязательно пересядете!

Я злилась и ревела.

Приближаемся к Цицикару. Я знала, что Лев должен здесь слезть. Я привела себя в порядок и вышла его «проводить» — то есть намылить ему голову. Лев оправдывался, сказал, что только мимоходом прошел через буфет, проверить, не украд ли кто-нибудь его фотоаппараты и пленки. Значит, он мне наврал, что едет вторым

классом? Как важно сидел в нем, разговаривая с немцем, покуривая сигару!

Мы подъезжаем к Цицикарю, и я вышла к двери, убедиться, на самом ли деле Лев слезет. Вижу, что да. Смотрит в мою сторону, а я злорадно, с презрением, мерю его с головы до ног. Вдруг Лев оставил свои вещи на перроне, побежал ко мне и поцеловал мне руку! Я оглянулась — кассир стоит за моей спиной!..

— Мокрин (так он меня называет), можешь вернуться в Харбин и не работать. Обойдемся без тебя, — сердито сказал он. Теперь уж он определенно понял мою комедию.

Поезд тронулся, я покорно вернулась в буфет и стала усердно работать. Гостей было мало, и кассир заметил, как все они были довольны моим обслуживанием.

На этот раз приглашения на ужин по вагонам разносила японка. Успеха она не имела — посетителей пришло мало. Ночь прошла благополучно, я почти успокоилась после выходки Льва и больше старалась о нем не думать. Наутро китаец-бой дал мне листики-приглашения и сказал: «Ты разнеси». Кассир делал вид, что не замечает. Я прошла по всем вагонам, а когда вернулась, в буфете не было свободных мест!

Кассир сиял.

Я носилась, как «встрепанная», работала за двоих. К ужину, когда японка стояла, наводя красоту перед зеркалом, кассир улучил момент и снова сунул мне приглашения: «Разноси». Опять большой успех — гостей видимо-невидимо.

Кассир сиял, повар был доволен — им удалось много прихватить «налево». И мне, несмотря на мою комедию, перепала неплохая доля.

Когда вернулась в Харбин, мадам Пакина передала мне письмо от Льва. Вот оно:

Милый мой Ниночкин!

Как видите, я возвращаюсь в Харбин уже сегодня. Сделал все, что нужно, и спешу домой. У меня теперь будет большая скачка с препятствиями из-за фильмов и другой работы. Надеюсь, что смогу Вас увидеть через неделю, когда более или менее выяснится мое положение и вопрос о Дайрене.

Должен признаться, что мне необходимо выяснить один вопрос, касающийся одной женщины (?!). Я честно и прямо говорю, в чем дело, — лучше не заходить слишком далеко, пока не выяснится главный жизненный вопрос. Вы должны чувствовать, что я люблю Вас, Ниночка, но сейчас у меня душа раздвоена и сам хочу скорее узнать, кого я люблю больше и кого я смогу любить всецело. Я сам терпеть не могу раздвоенности, не хочу поддерживать «двойную игру». Знаю, что ни одна женщина никогда не захочет делиться, и вот почему я прямо говорю Вам, что лучше немного подождать, чем заходить далеко и ломать жизнь, когда это слишком больно для двух сторон.

Будьте уверены, что это не Лека [женщина, которую встретила на солнечном острове — прим. Н.М.], а человек, которого Вы не знаете, но дело не в этом, а в том, что надо обождать. Это будет лучше и для Вас, и для меня. Я органически не могу быть нечестным и думаю, что Вы одобрите мою прямоту.

Старался найти маленькие ракушки для ожерелья, но пока ничего подходящего не нашел, думаю, однако, что найду. Больно мне смотреть, как Вы должны служить, утомляя себя, и портить свое здоровье, но «Бог не выдаст — свинья не съест». Может быть, все будет хорошо. Пока еще живу за Сунгари, но скоро перееду и потому, если будете писать, то адресуйте письма в «Азию» 92 — Новоторговая А В. Гроссе.

Крепко целую и обнимаю, и еще целую. Лев.

Всё?! Ну теперь моя очередь объясняться... Чего нагородил, чего напридумывал?.. Откуда высосал «любовь»? Ни одним словом я не заикалась о любви. Просто у меня глубокое уважение к его таланту, культурности и знаниям. И это все. Говорят о другой женщине и делает выбор? Ха, ха, ха. Будто от него зависит сделать выбор. И какой выбор? Бедный — с ним надо поскорее все выяснить, чтобы он попусту себя не обнадеживал. Сразу же написала ответ:

Славный Лев!

Сначала ваше письмо меня обрадовало, но потом разочаровало. Самое главное — мне определенно было приятно проводить с вами время, каждый раз чувствовала, что обогащаюсь вашей культурой и знанием. Ваше признание о «раздвоенности» меня здорово поразило: не могла допустить мысли, что с кем-то соперничала. Сравниваться с кем-то? Наверное, вы будете смеяться, читая столь самоуверенные строки. Другое: на работе, конечно, вид у меня был не выигрышный. «Ворона, старающаяся найти хоть одно павлинье перо»? Вспомните, как я вас умоляла не брать тот поезд, в котором работаю. Вы не сдержали обещания и меня здорово разочаровали! Опять насчет «раздвоенности». Зачем вам ломать голову и строить какие-то планы? У меня совершенно другие планы на жизнь. Никому ничего не обещала — хочу быть свободной. Ни в коем случае не теряйте «другую половину», которая определенно положительней и серьезней меня. Возможно, скоро перейду на экспресс «Азия»: пробег от Харбина до Дайрена, там понаслаждаюсь на Хашигаурском пляже. Умилилась читая строки об ожерелье из ракушек.

Не теряйте со мной время попусту — останемся друзьями и только друзьями.

Ваш друг — Нина.

Думаю, что на этот раз «цикл» Льва — закончен.

3-Е ОКТЯБРЯ (37)

Работаю во вторую смену, погода прохладная и на прогулку не тянет. От Льва — ни весточки. Думаю, к лучшему. Клава мне сообщила, что на днях у нее были гости и что плохо отзывались обо мне. Говорит, что она за меня заступалась, и если это так, то низкий ей поклон. Ведь она чувствует, что ее Сергей ко мне неравнодушен. Неужели она также догадалась, что я попросилась в поездки, чтобы избегать встреч с Сергеем?

Октябрь. Вчера ходила в Управление Железной Дороги, к японцу Фукуи, который заведует экспрессом «Азия». При входе всех проверяют и обыскивают. И меня задержали. Попросила позвонить Фукуи-сану и сообщить мое имя. Ответ был положительный, и меня пропустили. Чего же японцы так боятся и всех подозревают? Фукуи-сан любезно согласился похлопотать за меня и, прощаясь, дал свою визитную карточку и пригласил в гости. «Моя жена очень любит русских эмигрантов», — сообщил он. Как бы там ни было, у меня нет времени делать визиты.

Вдруг неожиданно получаю письмо от Сергея!

Милая Ниночка!

Затрудняюсь сказать, что толкнуло меня написать Вам — быть может, влияние одиночества — воспоминание об очень недалеком прошлом, а может быть, еще что-нибудь? Я не собираюсь анализировать этот вопрос. Вероятно, Вы уже забыли о моем существовании, ну так что же, тогда я сам напомню о себе — этому я не удивляюсь, вокруг Вас всегда так много интересных людей, которые образуют крепкую преграду для посторонних, делающих попытки пробраться. Это и понятно. Помните, я как-то сказал Вам, что вы производите действие алкоголя — грубо, но не лишено некоторого смысла — не забывайте, что и шампанское — алкоголь, а у вас с ним так много общего. Вы так же искритеся волнующим смехом, играете, жонглируете мужскими сердцами, пенитесь, переливаетесь настроениями, от томной мягкости до дерзкой веселости, порой уколете весьма чувствительно, чтобы ласковым прикосновением успокоить боль и тут же вновь уколоть еще больнее!

Все это опьяняет, парализует ум и волю, остается только бедное мужское сердце, а оно так слабо сопротивляется этому «яду», который зовется — женщиной! Вот такой Вы представляетесь мне, не знаю, насколько это верно, но думаю, что я близок к истине. Ну что, Вы довольны? Еще один у Ваших ног? С видом победительницы наступите ногой и устремите вдаль свой взгляд, ища новых жертв! Я не хочу обманывать Вас красивыми словами и говорить, что я люблю Вас, — нет, этого нет. Я не люблю пускать по ветру эти слова — они слишком серьезны. Я увлечен Вами, меня безумно тянет к Вам, и я знаю,

что с Вашей стороны это только кокетство, мимолетная победа из спортивного чувства. Не торжествуйте заранее, я так же легко, как пошел навстречу Вашим улыбкам, так же легко сумею вычеркнуть Ваш образ из своего воображения, но это моей силы воли хватит с избытком.

Так давайте начистоту: что заставило Вас выказать мне такую симпатию? Я могу только предполагать: или это заранее составленный план с Клавой, с целью испытать меня, или, как я уже говорил, победа из спортивного чувства, или — наименее вероятно — истинное влечение? Если последнее верно (в чем я весьма сомневаюсь) и Вам действительно приятно встречаться друг с другом, пусть это будет, но без фальши и без обмана. Надоест — расстанемся, как добрые знакомые (не пишу — друзья), потому что, хотя это и избитая фраза, но жизненная и верная: дружба между мужчиной и женщиной — ерунда и взаимный обман! Вот все, что я хотел сказать Вам... Сергей.

P.S. Мне очень интересно, что бы Вы ответили на это письмо. Если бы оно было своевременно отправлено мною (меня что-то удержало от посылки этого излияния), не знаю, плохо ли это или хорошо — судите сами!

Письмо интересное и неглупое. Но вот — еще один серьезный русский молодой человек, служащий у японцев и верящий в их победу! Или просто каждому надо жить, а без японцев сейчас не проживешь? Хотелось бы и его «спасти», он этого заслуживает. Но как подойти, как это сделать? Ведь жалованье ему платить я не могу...

Работаю в первую смену. Погода холодная, но сухая и солнечная. Решила после обеда прогуляться по Китайской улице, поглязеть на витрины. Конечно, ничего не купила. Вещи красивые, но дорогие. Начинает смеркаться. Медленно поплелась домой. На виадуке остановилась, смотрю с моста вниз. Там проходит железная дорога. Из темноты под виадуком выползают рельсы и разветвляются во все стороны.

В тумане различила силуэт китайца-разносчика. Возвращается к себе после дня тяжелой работы. Наверняка торопится скорее увидеть семью, детей. Разносит материю по домам, исколесит весь город, а груз — неимоверной тяжести. Походка усталая, длинные меховые «ушки» шапки завязаны под подбородком. Огромный тюк товара на плече, у головы, плотно прижался к уху. Бедный — ничего не слышит, перескакивая шпалы. Только бы поскорей добраться до дому...

Как раз с той стороны, где тюк закрывал видимость, из-под виадука вынырнул состав. Паровоз предостерегающе свистнул, но было поздно. И я дико крикнула, видя, как в вечерних сумерках разлетелся тряпками товар и какой-то огромный кусок окровавленного мяса завертелся по рельсам...

Ничего точно разглядеть не могла — да и не было сил.

Оторвав руки от перил, я скользнула на холодный тротуар, да так и застыла на какое-то время. Ко мне подошло несколько прохожих, кто-то предложил отвести домой.

На протяжении целой ночи меня преследовал кошмар. На работу пришла усталой, смятой. После окончания работы почему-то потянуло к виадику, посмотреть на место драмы. Следы засыпаны щебнем.

По пути меня догнал «Котыч» в машине. Он уже не скрывал, что работает на такси. Вылез, и мы немного поговорили. Собирается уезжать в Шанхай, копит деньги на дорогу. Вот ведь и я это делаю. Теперь без работы прожить нельзя.

Ночью опять кошмар с китайцем-разносчиком, и вдобавок — пожар. Все пылало вокруг. Мама мне объяснила: китаец — потому что я пережила шок, а вот огонь — к получению писем. Посмотрим. Мама умеет истолковывать сны.

Тамара мне сообщила, что Аркадий У. «Вятыч» женился. Пусть будет счастлив, он хороший парень и друг.

У дяди Саши голова разбаливается все чаще, в особенности после споров с мамой. Никак говориться с ней не может! Да как говориться с ненормальным человеком?

На работе я частично забываю о домашней трагедии, это помогает мне передохнуть и заново войти в « крусл». Помогаю семье ворованным маслом, сахаром и заработанными деньгами. Так на отъезд не накопишь.

Чтобы уехать и начать самостоятельную жизнь, надо иметь профессию, а у меня ее нет. Обязательно, и как можно скорей, надо начать занятия в балетном классе.

Забыла записать, что Алешу-приемыша мама куда-то пристроила. А сейчас вернулась в обеденное время и привела с собой девочку-подростка с маской на носу. У девочки — наследственный сифилис, и уже половина носа сгнила! Здесь мама созналась, что помогает многим благотворительным организациям, со стороны которых — уважение и поклоны. Опять непонятно: другим помогает, а у нас отрывает последнее, у своей родной семьи? Я опасалась, что мама оставит у нас эту девочку и что она нас всех заразит. Но нет — накормив ее чем-то, мама опять ее увела.

Сегодня на вокзал пришел Костя и, по окончании работы, проводил меня до дома. Теперь он совершенно нормален. Единственная «заковыка» — любит говорить на темы потустороннего мира. Почти около самого дома Костя мне сказал:

— Нина, зачем вы одеваетесь красиво? Надо, чтобы ваша красота выделялась без посторонних вещей.

Сам того не ведая, он оказался первым из кавалеров, который сказал, что я хорошо одета. Это доставило мне большое удовольствие.

Прощаясь, Костя пригласил в гости меня с мамой. При чем тут мама? Уж не собирается ли свататься? Но нет — эту мысль сразу отбрасываю.

Это писала в буфете, на работе. Пришел поезд из Цицикара. Заканчиваю — будет много работы. И так официанты-мужчины придираются, что я все время пишу и не работаю. Послать бы их в «болото». Но работать все-таки надо.

Уже поздно, в буфет залетела ласточка — спаси ее совершенно невозможно, потолок высоченный, а она все время наверху. Ждать здесь ее всю ночь, когда выдохнется и упадет, — невозможно. Буфет на ночь запирают. Бедная, наверное, умрет, как и предыдущая.

Костя опять пришел на вокзал и пригласил меня к нему на ужин. Зная теперь, что он выздоровел, я не пугаюсь его визитов. Но быть с ним часто — не в моих интересах. На ужин идти я отказалась.

— К нам не пойдете — ну, тогда я у вас останусь! — заявил Костя.

Это мне тоже не улыбалось. Сошлись на том, что после быстрого ужина я приду к нему пить чай. Теперь они живут в Модягау. Я купила халву и виноград и пошла. Костя уже ждал меня на углу улицы. Он почему-то не брился дня два, и лицо обросло щетиной. Дома были его мать и сестра. Последняя не ожидала увидеть меня и встретила с удивлением. Костя старался меня развлечь — завел музыку и убавил свет, делая освещение томным, «фокстротным».

У меня возникло опасение, что у Кости снова начались психические «заскоки». Приглашает танцевать — я отказываюсь. Мне стыдно перед его семьей. Тогда он взял скрипку и заиграл. Хорошо играет — талант. Мать разлила чай, а я вытащила халву и виноград. Костя сидел рядом и сосредоточенно вырывал по волосику щетинки из своей бороды и укладывал их на тарелочку?!

«Выздоровел ли он?» — думала я с тревогой.

Откуда-то вернулась вторая сестра и, делая вид, будто не замечает меня, прошмыгнула в соседнюю комнату. Я стала собираться уходить. Костя завернул остаток халвы и винограда в бумагу и впихнул мне в руки. Отказаться было невозможно. Но в прихожей я умудрилась забросить все это за какой-то ящик. Костя заметил это и полез шарить за ящиком. Я улучила момент, выскочила на улицу, вскочила в такси и уехала к Чурину. Было поздно, но я ни в коем случае не хотела, чтобы Костя нашел меня дома. Было так тяжело думать, что психоз его не оставил.

Вернувшись домой, я солгала, что была в кино. Родители недовольно сообщили мне, что приходил Костя и всех разбудил. Передал пакет со словами «она знает» и удивился, почему меня нет дома. Мама качала головой и причитала:

— Мы с дядей очень беспокоились за тебя. Лучше не встречайся с ним. Бог знает, чем это может закончиться...

27-Е ОКТЯБРЯ (37)

С работы «сбежала» на целый день. Ожесточенно возилась с квартирой. Только все закончила, и тут узнаю, что этот флигель займет какая-то Женя, а что нам Кузьмины дадут другой — побольше, в том же дворе. В новой квартире мама стала «мудрить», деля комнаты между нами. Мне хотелось отвести для дяди небольшую, но солнечную, а мама все сделала по-своему.

На Чураевку пошла одна. Твердо решила изменить свою тактику: держусь серьезно, ни с кем не кокетничаю и не хихикаю. Замечаю, что это к лучшему. Ко мне стали относиться серьезнее и уважительнее. В конце атмосфера вечера оживилась, и вся публика хором затянула народные песни. Раньше никогда этого не было. Вдруг я услышала чей-то голос:

— Может быть, мисс Мокринская выступит?

И я вдруг, совершенно спокойно, поднялась на сцену и начала декламировать «Прибой». Это стихотворение — папино, но я не созналась. Своего-то у меня нет. Начала хорошо, спокойно, а затем сдала — растерялась и закончила довольно скомкано. Все равно собравшиеся аплодировали.

Провожать пошел Костя. Шел холодный дождь. Промокли до костей, волосы мои превратились в мокрые крысиные хвостики, с которых скатывались потоки. Туфли набухли и чавкали. А Костя изливался в любви:

— Знаете, Нина, этой ночью, до пяти утра, я не мог заснуть, думал о вас, мысленно улетал в вашу комнату и целовал! Представлял вашу кровать. А кстати, в какую сторону вы ложитесь головой?

— К окну, — ответила я рассеяно.

— О Боже! Значит я ошибся и целовал ваши ноги!

Ха-ха — на этом мы простились. Надо теперь его избегать.

Но на следующий день Костя пришел ко мне на работу. Он уже несколько дней не брился, вид имел непривлекательный, неряшливый. Я вышла к нему в коридор и намекнула ему об этом. Попросила больше не приходить — отвлекает от работы. Костя обиделся и ушел. Мне его жаль, но по-другому я сделать не могу.

1-Е НОЯБРЯ (37)

Вчера в «Желсобе» состоялся бал «Золотой осени». Как на зло, я работала во вторую смену и вдобавок — с Лакудой, с «Верблюдом». Хотелось уйти пораньше, но неохота проситься у Верблюда. Пошла в контору и наврала добруму Акаоги-сану, что в семье крестины, — он меня отпустил. Собрав свои вещи, победоносно прошла мимо Лакуды. Он окинул меня злобным взглядом, но затевать историю не решился.

Клава зашла за мной, и мы вместе отправились. В «Желсобе» полно японского начальства. Теперь железная дорога принадлежит им. Хозяева! Но с русскими они ведут себя очень корректно, уважительно. Приехавшие из Маньчжурии Накамура с женой и Ямада с женой занимали общий столик, к которому пригласили нас с Клавой. Начальству отказать невозможно. Мы присели, и через минуту пришли князь Ухтомский и его жена — прелестная молоденькая Любочка. Она обошлась с нами ласково, обращаясь ко мне, сказала:

— Ну вот, теперь мой муж будет за тобой ухаживать.

А мне даже в шутку не хотелось огорчать старинную приятельницу. Нам было неинтересно в этой компании и хотелось танцевать. Мы потихоньку покинули их и потом танцевали без перерыва. Настроение было чудесное. Боже, как хорошо на свете!

Мой последний партнер, Володя, взял у меня мой входной номер и скрылся. Я догадалась, что по этим номерам будут выбирать королеву и принцесс «красивых глаз». Я совсем не надеялась — ведь у меня глаза подмазаны, а среди претенденток так много с глазами красивыми от природы. Жюри состояло из группы фашистов, к ним присоединились другие и несколько японцев. Стали вызывать номера. Первой на сцену поднялась девушка — фашистка с очень красивыми глазами. Затем выкрикают мой 48-й номер. Меня подтолкнули к сцене. Ступенек нет, и я так нервничала, что стянула вниз двух молодцов, протянувших мне руки.

Нас кандидаток — четверо. И как сговорились — все в белых платьях. Жюри удалилось на минуту и, вернувшись, сообщило, что королевой выбран первый номер — красивая фашистка. Но когда объявили, что я заняла второе место, у меня почти случился сердечный шок. Публика аплодировала, а Володя ликовал — не даром старался. Нас поснимали и обещали снимки — в качестве награды. И на этом спасибо.

9-Е НОЯБРЯ (37)

В вагоне-ресторане гостей совсем мало. На какой-то станции в поезд сели мой школьный соученик Рушковский и с ним — американец. Странно, что американцам еще дозволено приезжать в Маньчжурию. Японцы такие подозрительные. Не рискует ли Рушковский? Я об этом сначала не подумала и встретила соученика, как родного брата. Он познакомил меня с американцем Робертом, и мы весело разговорились. Уж как мы могли понять друг друга — удивляюсь. Я не говорю по-английски, а Роберт знает только несколько слов по-русски. Сидят и пьют чай, болтают по-английски, а я прислушиваюсь. Мне так хочется знать этот язык. В вагоне наш конторский Сему-сан. Он у нас вроде надзирателя-роверяльщика. Тоже усиленно прислушивается к разговору и тоже, видимо, понимает плохо.

Рушковский с Робертом ехали с нами до Хайлара. Как только они слезли с поезда, коссир подозревал меня и скзал, что Сему-сан велел мне завтра прийти в Кэймуган (что-то вроде секретной полиции). Меня обуял страх. Опять что-то неладно?

Перед сном усердно помолилась и утром пошла в Кэймуган. Старалась быть спокойной. Они меня долго расспрашивали, старались узнать о Роберте и о Рушковском. Мне скрывать нечего, и я им объяснила, что Рушковский — мой давнишний соученик, а американца совсем не знаю. Наконец они меня отпустили. Уф! Но если хочешь работать на поезде, надо все терпеть. А еще к зиме нужна шуба. Ходят слухи, что меня переведут на экспресс «Азия». Почему другие знают все раньше меня? Буду надеяться, что «нет дыма без огня». Мне так хочется увидеть море в Дайрене.

10-Е НОЯБРЯ (37)

Пользуюсь днями отдыха и помогаю семье перетащить вещи из маленького флигеля в больший, который предложили хозяева. Здесь для всех места хватит.

Вытащила ванночку с моими маскарадными костюмами и, вместе с Танюшкой, несу в мою комнату. Только закрыли дверь, как из ванночки выскочили два молоденьких мышонка. Одного мы сразу же поймали и спрятали в коробочку, а с другим пришлось мучиться: такой оказался проворный и смешленый! Забежит под кушетку и пропадает, а мы шарим по всей комнате.

Наконец догадались: смешленый мышонок забежит под кушетку, подпрыгнет, зацепится за пружинки, перелезет в обивку, а там его ищи-свищи! Так нам и не удалось его поймать. Наверное, он продолжает жить в моей комнате, если только не попал в зубы нашему коту Рамзесу. А первого мышонка мы с сестренкой отнесли далеко на пустырь и там выпустили.

26-Е НОЯБРЯ (37)

Газеты пишут, что Шанхай уже занят японцами! Неужели правда? Как тяжело. Значит, и в Шанхае нет от них спасения?

Утро холодное, все в инее. Автобус ушел перед самым носом, другого ждать долго. Решила пройти пешком до следующей остановки. Спасаясь от ветра, иду, плотно прижимаясь к заборам. Вдруг у палисадника какого-то дома наткнулась на плотную толпу любопытных. Я и сама из таких, поэтому попыталась протиснуться в первый ряд. И сразу застыла от стыда и ужаса.

В проходе к воротам, около низкого заборчика, лежал мертвый молодой человек — русский. Его член торчал из ширинки. Он был туго стянут тонкой веревкой и подтянут к верхним доскам заборчика.

Я рванулась и побежала прочь как ошпаренная. Задыхаясь, добежала до остановки, вскочила в автобус (он как раз подошел). Шок от увиденного был сильным. В голове шумело. Кто мог с ним так поступить, рассчитаться с такой подлой, изощренной фантазией?

Я снова на станции Маньчжурия. На этот раз работаю с японкой Накасимой. Ванна свободна, пошли мыться. По японски ванна называется «о-фуро». Буква «о» в большинстве случаев подставляется впереди слова «для вежливости». О-фуро — это большой деревянный ящик, как бассейн, врытый в пол. Горячая вода, почти кипяток, доходит до краев. Сначала надо хорошо, с мылом, обмыться из ковшей, сидя на небольших деревянных скамеечках около ванной. Только после этого влезаем в о-фуро. Японцы просиживают в кипятке часами, особенно в холодное зимнее время — заряжаются теплом.

Засыпая под теплым стеганым одеялом (футон), я вспомнила, что вчера несколько моих сослуживиц и я получили бумаги: нас берут в штат. Значит и жалованье прибавится — ура! А что же с экспрессом «Азия»? Не выгодней ли теперь остаться здесь?

Вернулась из поездки, теперь два дня отдыха. Надо ими воспользоваться и продвинуться в работе — готовлю себе для бала костюм кино-звезды. Вдруг стук в дверь и появляется... Сергей!

Я в замешательстве, выгляжу совсем не для гостей. Приготовила ему чашку кофе и тут же залезла в нее рукавом платья. Чувствую себя неловко. Зачем он пришел? Ведь я совсем не звала его. Так неудобно перед Клавой. Сергей приглашает меня в кино, я отказываюсь. Так мне будет легче завтра встретиться с Клавчиком.

На другой день я ей честно все рассказала, а она обиделась. Неужели она, действительно, так влюблена в Сергея?

Дядя продолжает страдать головной болью и чаще принимает порошки. Мама, несмотря на то, что я хорошо помогаю и деньгами, и провизией, продолжает «чудить». Решила взять Татьянку из школы: якобы школу переводят на японский язык. (Что еще выдумала?) Собирается отдать ее на какие-то курсы. Я не верю этому, думаю, у нее что-то другое на уме. А что именно? Замечаю, что на Татьянку все это страшно действует: она становится нервной, характер ухудшается.

1938

21-Е ФЕВРАЛЯ (38)

Вот и еще один год.

На Новогодний бал пошли втроем: Клава, Женя и я — все в костюмах. Я — в старом костюме рыбы. Ноги стянуты хвостом, ходить неудобно, но я прикладываю все силы и держусь гордо. Танцевала с Олегом Ч., который мне нашептывал на ухо:

— Нина, что вы со мной делаете?..

Его признания меня совсем не трогают — звучат фальшиво.

На сцене появилось жюри и объявило:

— Вальс на приз!

Я почувствовала, что кто-то дует мне на шею. Обернулась — Сергей!.. На нем какая-то военная зеленая форма с погонаами.

— Как бы вы ни были одеты, я все равно вас узнаю.

С этими словами он пригласил меня на танец. В вальсе я не очень сильна. Да еще хвост рыбы, который мешает даже ходить. Я стала уговаривать Сергея, чтобы он пригласил какую-нибудь другую барышню, пока не поздно. Но он и слушать не хотел — вывел меня в зал, и мы закружились.

Я почувствовала, что жюри были «свои ребята», которые нам усиленно аплодировали. Да и публика — тоже. Я заметила, что была еще одна неплохая пара, но жюри — военные — на стороне своего, то есть Сергея.

Вальс закончен, нас с Сергеем пригласили на сцену. Заиграл туш. Мне пришлось снять маску. На нас одели жетоны. На следующий день в газете «Харбинское время» было написано: «Первый приз за вальс получили: подпоручик Сергей Л. и Нина Мокринская». Как и всё остальное, мой жетон быстро исчез из дома.

Клава держит себя тактично и сдержанно, несмотря на то, что у нее к Сергею определенно сильное чувство. Я ее уверяю, что препятствием никогда не буду. Это совсем не в моих планах. Но разве словами уверишь? Постараюсь отстраниться от Сергея еще дальше, чтобы моя подружка не страдала попусту.

АПРЕЛЬ (38)

Перед поездкой на станцию Маньчжурия мама дала мне несколько куколок-бонбоньерок — предложить там в кондитерской. Взяли. С успехом продали и просят еще, как можно скорее.

На службе опять ходят слухи, что нам — девушкам — прибавят жалование в соответствие с нашим образованием. Я особенно не надеюсь — всего лишь закончила девять классов. Но когда сравнила

себя с другими, оказалось, что некоторые из девочек учились всего три года. Значит, есть надежда.

В Маньчжурии встречаюсь только с Костей. Он ведет себя без-укоризненно. Я его совсем не боюсь. Встречаемся как хорошие приятели. Перед самым отъездом он проводил меня до отеля и вдруг разразился признанием:

— Нина, я, наконец, хочу вам сознаться, что на самом деле я из себя представляю. Я боюсь в вас влюбиться и потом страдать. Это серьезно. Я знаю, что на мне вы не остановитесь. Поэтому лучше прекратим наши встречи.

Я с ним согласилась. Не предполагала, что он принимает все так близко к сердцу.

Изумительные апрельские дни. В свободное время много прогуливаюсь по Харбину. Стараюсь впитать и запомнить. Уверена, что недолго мне осталось ходить по этим улицам.

Заболел зуб. Побежала лечиться в больницу Казем-Бека. Зубной врач поставил пломбу и сказал:

— У вас красивые, ровные, белые зубы — но мягкие. Если не будете осторожны, то к пятидесяти годам останетесь без них.

Теперь буду осторожна: ни сладкого, ни острого, ни горячего, ни холодного.

Один из начальников железной дороги, Мацуда-сан, который помог мне устроиться на службу, переведен на станцию Маньчжурия в качестве консула. В отличие от большинства японцев, он — высокий, с тонкими чертами лица, любит европейцев, в особенности русских, и даже говорит довольно прилично по-русски.

Через неделю, приехав в Маньчжурию, узнала Мацуду-сана, стоящего на перроне. Консул — птица высокого полета! Узнав меня, он обрадовался и пригласил на ужин... в консульство! Я пришла вместе с кассиршей — японкой Яконобу. Мы долго и весело разговаривали. Еда была изысканная и обильная. После ужина Мацуда-сан подарил мне вытканное токийское кашне. А когда мы выходили, служащие консульства, уборщицы и бои, расступались перед нами и кланялись. Настоящая комедия! Но мои сослуживцы, узнав об этом, пропитались ко мне большим уважением.

На следующий вечер Мацуда-сан сам пришел в наш отель. Заведующий отелем засуетился, забегал, пригласил в зал для почетных гостей. Официантка-японка принесла нам японский чай высшего сорта (о-ча) и пирожные из сладкой бобовой смеси, которые, правда, я была не в силах проглотить. Мацуда сказал, что в Токио у него жена и двое детей, которым он хочет сделать подарок. Возможно, в следующий раз попросит меня купить кое-что в Харбине. Я с удовольствием согласилась.

Приближается день Святой Пасхи. Я постилась и говела, теперь исповедуюсь. Священник и я стоим в уголке церкви, без всякой перегородки, а неподалеку — группа молодых людей. Священник говорит громко и задает вопросы, а я стесняюсь, что молодежь

услышит. Отвечаю ему неоткровенно, завралась. Что же теперь делать? Исповедаться заново?

В вагонах появляется все больше и больше молодых японских солдат. Куда и зачем они едут? Неужели возобновится война? Несмотря на строгую военную дисциплину, солдаты напиваются и держат себя развязно. Чувствуется, что настроение у них бесшабашное. «Умирать — так с треском!» Это понятно. Сколько мы видим привезенных коробок с пеплом убитых солдат!.. В поезде администрация принимает всякого рода предосторожности. Нас, девушек, на ночь запирают в спальных вагонах первого класса, которые хорошо охраняются.

17-Е МАЯ (38)

Сегодня выехала в Бутанго. Погода стоит мерзопакостная — холодно и все время идут дожди. Кое-как доехали до станции Ашихе, а дальше дороги размыты и пути попорчены. Постояли немного и вернулись в Харбин. А как же теперь изменится расписание? К лучшему для меня или к худшему?

Расписание изменилось не лучшим для меня образом: во время Заутрени буду в поезде. Зная, что по дороге, на станции Ханьдаохедзы, есть русская церковь, решила попасть туда. Эта идея меня не оставляла. Пошла в контору, попросилась переночевать на этой станции у знакомых и вернуться обратно с тем же поездом. Конторские — добрые ребята — разрешили.

У меня действительно на этой станции жила знакомая семья — Барановские. Я поспешила написать им письмо, просила встретить. В поезде я старательно работала, а к вечеру мы подъехали к Ханьдаохедзы. Я быстро схватила заранее приготовленный багаж и спрыгнула с поезда. По перрону расхаживал народ. Я внимательно всматривалась в лица, но Барановских не увидела. Что делать? Есть ли здесь отель? Кинулась обратно на поезд — но он ушел перед самым носом.

Моросил мелкий, как пыль, дождичек. Я рассеянно смотрела на расходящуюся толпу. Вдруг мимо проходит коренастый, широкоплечий мужчина, лет тридцати. Извинившись, я его остановила и спросила, есть ли здесь отель и где русская церковь. Мужчина вежливо принял во мне участие, объяснив, что отеля здесь нет, а до церкви может проводить. В этот же момент подошел его приятель, пожилой человек. Узнав в чем дело, услужливо предложил переночевать в его семье. С «понимающим и сочувствующим» видом он стал мне объяснять, что как раз по соседству с ними живет акушерка, приятельница его жены, и что из Харбина к ней часто приезжают девушки в «сложном положении», но все проходит «очень хорошо». Я поняла, что он имел в виду, и стала объяснять, что акушерка мне не требуется, а я просто остановилась здесь, чтобы попасть к заутрене.

Простившись с пожилым, коренастый пошел со мной, чтобы помочь найти убежище. Почти стемнело, и ничего подходящего мы не нашли.

— Просижу на вокзале до заутрени, — сказала я.

Но когда мы вернулись на станцию, вокзал был заперт. Только теперь провожатый представился мне:

— Охотник, Петр Могучий!

В Харбине я не раз о нем слышала — он был своего рода знаменитостью. Видя мое разочарование и замешательство, охотник скромно предложил:

— Если мне доверяете, давайте до заутрени посидим у меня. Только я заранее извиняюсь — я холостяк, так что в доме беспорядок. И для разговления ничего нет.

Он ждал моего ответа. Я подумала: человек известный, не какой-нибудь там проходимец. И согласилась. На пути я остановила его у бакалейной лавочки и купила бутылку красного вина, немного закуски и печенье. Почему-то я была спокойна. Охотник внушал мне доверие. Поднялись к его дому, стоявшему на возвышении.

— Весь дом выстроен моими руками, — гордо заявил он.

Сад и двор окружены забором, во дворе пять или шесть собачих будок. Собаки приветливы, на меня не лаяли. Под навесом-сараем — лошадь. Домик состоит из двух комнат и кухни. Квартира пахнет краской и известью после только что сделанного ремонта. Охотник засуетился, извиняясь и пытаясь прибрать комнаты. Я ему помогла вымыть посуду и застелить скатертью стол.

Между тем, моя прическа размокла и падала сосульками. Не стесняясь, я попросила Охотника помочь. Он услужливо нашел все, что мне было нужно: огромный толстый гвоздь и спиртовку, сделанную им самим из копилки. Я принялась накручивать пряди мокрых волос на горячий гвоздь. Когда закончила, стала похожей на французского короля Людовика XIII в завитом парике. Эта завивка мне не шла, но другого выхода не было.

Время прошло быстро. Мы отправились в церковь порознь и договорились держаться не вместе, чтобы избежать сплетен. После службы вернулись домой так же порознь. Накрыли стол, похристосовались и стали разговаривать. На душе — приятное молитвенное чувство удовлетворения. Рада, что сходила в церковь. Немного поговорили, но я чувствовала себя усталой и хотела спать.

Могучий перетащил свой матрас в соседнюю комнату, подготовил мне постель и вручил ключ. Я заперлась. Меня тронула его тактичность, но все же перед самым сном я, с большим усилием, придвинула тяжелый стол к самой двери. Усталость взяла свое, я заснула и проспала часов до девяти.

Проснувшись, выглянула в окно. По двору расхаживал Охотник и кормил собак. Позавтракали чаем с сухарями и маслом. Петр принес свой альбом с фотографиями, большей частью — снимки охоты. Он подарил мне несколько, и я, в знак благодарности, оставила ему свою фотографию.

Через час возвращался мой поезд. Я простилась с Петром, и мы расстались. С этого началась наша дружба. Подчеркиваю — дружба.

22-Е ИЮНЯ (38)

Теперь каждый раз, во время остановки поезда в Хандахедзы, Охотник приходит в вагон-ресторан, ест мороженое или заказывает сайду (лимонад), а если меня нет, передает приветы через девочек. На этот раз я в поезде. Просит меня на следующий раз захватить с собою платье — приглашает поехать на ужин к своему знакомому, Ощепкову, в Мудадзяне. Невинное приглашение или предлог?

Рассказал, какая неудача приключилась на последней охоте. Выследил он олена «пантача» (большие рога) и целую ночь его преследовал. Олень прятался за деревья, и пули попадали в стволы. Наконец олень оказался на открытом месте, и Могучий ранил его в живот. Но олень все же собрал силы и скрылся в темноте ночи. Мне такие охотничьи истории очень не по душе. Бедный олень! — ведь ранение в живот так мучительно. Я старалась перевести разговор на другую тему. И вдруг Охотник заявляет, что разводится со своей женой. Я даже не знала о ее существовании — он никогда не упоминал. Меня это совсем не интересует — зачем рассказывает?

Когда настал день поездки в Мудадзян, я захватила с собой нарядное платье для ресторана. В Ханьдахедзы Петр сел на поезд. Народу было много, не оставалось времени поболтать. В Мудадзяне, в отеле, приняла ванну, переоделась и вышла в вестибюль. Петр уже ждал у выхода. Взяли извозчика, который подвез нас к ресторану, принадлежавшему Ощепкову — приятелю Петра.

Гостей было не много, из них человек десять — русских. Охотник попросил называть его «Питер», на английский манер. Я уже не раз замечала, что он вставляет в разговор английские слова, и, судя по выговору, он знал язык неплохо. Стал рассказывать, как во времена охоты, ночью, сидя у костра, думал обо мне. Или в лесу, пробираясь через чащу, вслух произносил мое имя...

«Ну, братец, ты далеко зашел», — подумала я. Пока не поздно, надо бы охладить его фантазии. Пьем белое вино, и я замечаю, что через настенное зеркало за нами с любопытством наблюдает молодой европеец. Время подходило к одиннадцати, я стала собираться. Дисциплина у нас на службе строгая, поздно возвращаться запрещено. Да и сама я устала. Питер был явно разочарован.

— Я так надеялся на этот вечер. Мне хотелось бы, чтобы он длился бесконечно.

Провожая, несколько раз пытался погладить по голове, а прощаясь попытался поцеловать. Я сопротивлялась так энергично, что он только перемазался в моей губной помаде. Терпеть не могу насилия.

В обратный путь он поехал на поезде вместе с нами. Говорил, что и в следующий раз опять поедет со мной. А если меня переведут на другую линию, он узнает и все равно будет вместе со мной. Это уже переходило все границы. В Ханьдаохедзы вручил мне подарок: пакет с несколькими килограммами оленьего мяса. Спасибо — пригодится.

Харбин. Уж не помню, где и когда, кто-то познакомил меня с двумя цыганами — братьями-близнецами. Совсем о них забыла, и вдруг они неожиданно «выплыли на свет». Их внимание и любезность не знали границ. Один из них казался застенчивым и скромным, а другой шел к цели напролом. Разговаривая с ними, понимаешь, что культурой они не блещут. Непонятно, чем они зарабатывают, но живут прилично. Однажды я спросила их напрямую, но они уклонились от ответа. Да и не так уж меня это интересовало. Вдруг вспомнила, как кто-то мне сказал, что «решительный» цыган работает у японцев «стукачом». Не хотелось верить этому — неужели предает своих?

Во время одной встречи он вдруг похвастался:

— Так хотелось бы, чтобы вы зашли к нам и увидели своими глазами: вокруг стола стоят шесть стульев, и на каждом из них — мой новый костюм.

«Почему же не на вешалках, в гардеробе?» — подумала я. А он не замечая насмешливого выражения на моем лице, продолжал флиртовать:

— Хотели бы вы меня осчастливить? Будем ли мы вместе с вами стоять перед алтарем?

Надо было отделяться и от этого. Сделала вид, будто совершенно его не понимаю, намекнула на мои мечты поскорее уехать и ушла. По дороге думала, почему я попадаю в такие заварухи? Все из-за моего глупого характера — никак не могу по-настоящему рассердиться и отшить. Все у меня получается с улыбочками и ужимочками, а не все это понимают.

Каждый свободный день езжу на Сунгари. Сижу у Дедавинодела, ем вкусные пирожки с чаем. Но и там мое одиночество длилось недолго. Два знакомых молодых человека попросили разрешения присесть к моему столу. Зная их как «неопасных», я разрешила. У них определенно ни копейки. На моем столе — недопитая предыдущим гостем бутылка красного вина. Она их сильно соблазняет. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что официант не видит, они стянули с соседнего стола рюмочки и прикончили вино. Бутылку закопали в песок под столом.

Мне было неловко оказаться свидетельницей воровства. Но ведь на службе я проделываю то же самое с едой, когда подвернется случай. Так что осуждать я их не стала.

Сегодня получила три письма: от одного из братьев-цыган, от шанхайца и от Охотника. Последний просит меня слезть с поезда на его станции в день его Ангела. Но мне такая программа не подходит. Не хочу, чтобы он зря терял на меня время.

При встрече я ему мягко объяснила, что я «с другой планеты» и у меня свои планы. Он, несмотря на это, подарил мне олены панты, вделанные в деревянную дощечку в форме сердца — собственной работы. Сказал, что выслеживает теперь медведя и что в следующий раз подарит мне его шкуру и окорок. Ну что мне с ним делать? Да еще проговорилась, что часто провожу время за Сунгари. Теперь уже два раза видела его там, но оба раза мне удалось спрятаться.

«А что если он страдает?» — промелькнуло у меня в голове.

«А сколько женщин в мире страдают из-за мужчин?» — тут же нашла я себе оправдание.

Перед очередной поездкой в Бутанго станционный повар отозвал меня в сторону и сказал:

— В Синцзине открылась большая маньчжурская киностудия. Японский продюсер ищет русскую девушку, и вы как раз подходите. Как раз там работает брат нашего конторского Аваи-сана. Узнайте все у него и поезжайте обязательно!

Мне приятно, что он так уверен в моих способностях. «Чем черт не шутит, когда Бог спит», — подумала я. И решила попытать счастья.

Город Синцзин теперь японцы переименовали в Синьке. В поезде мне встретился знакомый, который рассказал с грустью, что несколько наших харбинских приятелей, уехавших в Советский Союз, были посажены в Гулаг. И среди них — красивый молодой еврей, Шура Ифлянд. Где же обещание и прощение Сталина?

Дорога заняла около пяти часов. Когда слезла с поезда, было почти темно. Не знала, в какую сторону идти, и растерялась. На мое счастье, мне встретилась русская девушка-харбинка, которая посоветовала переночевать в ближайшем отеле, а делами заниматься завтра.

Отель был у самого вокзала — удобный, красивый, многоэтажный. Но хватит ли у меня денег? Когда утром китаец-бой принес вместе с чаем, я вздохнула с облегчением: всего 2 го-би за ночь.

Хорошо и спокойно выкупалась, тщательно навела красоту и отправилась «ловить свое счастье». Дорога оказалась длинной. Студия была за городом, с трудом нашла ее. Совсем новый мирок. Огромная площадь, застроенная зданиями вроде бараков. Все завалено декорациями, статуями и всякого рода строительным хламом. Искусственные сады, пагоды и замки, бассейны и т.д.

Не у кого было спросить дорогу. Наконец нашла нужное строение. Над дверью — огромная вывеска с иероглифами «Кань-цызы». Этот вид письменности мне неизвестен, я выучила только легкий японский алфавит «Катакан», который чаще всего употребляется

для иностранных слов. На мое счастье, к подъезду подкатила огромная машина, и я спросила вышедшего из нее японца, где можно найти Кавасаки-сана. (Эту фамилию дал мне в Харбине конторский.)

— Он сейчас в отъезде, — любезно ответил японец. — Но думаю, что кто-нибудь другой вам поможет.

Он провел меня в здание. Там было много красивых зал, шикарно декорированных. В одном находилось несколько японцев. Они развалились в креслах совсем «по-американски», задрав ноги на стол, покуривая сигары, посасывая пиво и японский чай «о-ча». Меня встретили приветливо, пригласили сесть, угостили чаем. Расспрашивали о цели приезда и отнеслись доброжелательно. Один вызвался познакомить меня со студией. Провел по разным баракам, застроенным декорациями.

После осмотра вся компания продюсеров (так я предполагала) пригласила меня на обед. Я с удовольствием согласилась. Ведь со вчерашнего обеда не ела ничего, экономя деньги. Кафе было в стиле «селф-сервис», можно было выбирать японские лакированные коробки с «Маку-но-учи» — японская еда с рисом. Я к этому была уже привычна и все съела с удовольствием.

После обеда приехали еще двое японцев. Они все долго советовались между собой и потом попросили меня приехать на следующий день пораньше. Я впала в замешательство — ведь мне нужно было поскорее возвращаться на работу. Кое-как поняла, что артисты, которые будут участвовать в кино-пробах вместе со мной, не были предупреждены. Я пообещала приехать и стала прощаться. Вдруг один из японцев вытащил из ящика этажерки бумагу с вложенными в нее деньгами — 20 го-би.

— Это на отель и на завтрашние расходы, — сказал он.

В тот же вечер я хорошо «покутила» в китайском ресторане. Сразу заснуть не могла. Неужели все это не сон? Если хотят, чтобы я вернулась, значит не шутят, значит все это всерьез! Боже, помоги мне выдержать экзамен!

Наутро в девять часов я была уже в студии. Еще не все «шишки» собрались, комнаты заполняли гримерши, костюмеры, осветители. Потом приехала группа китайских артистов, с их продюсером-китайцем, хорошо говорившим по-японски. Вдруг прикатила на огромном автомобиле знаменитая актриса Ри-ко-лан. (Это по-японски; а по-китайски — Ли шан-лан.) Она наполовину китаянка, наполовину японка.

И сразу же вся студия наполнилась смехом и говором. Она вела себя и держалась, как настоящая звезда. Но ко мне отнеслась с симпатией. Тем не менее всем сразу дала понять, что она — самая главная.

Начался настоящий кинематографический угар. Группы рабочих бегали по разным концам киногородка, готовя съемочные площадки. Артисты гримировались и переодевались. Меня тоже разнарядили и загримировали... под китаянку!

Вместе с китайскими артистами завели в новенькую студию, с развешенными простынями. Фильм делался по английскому сценарию: «Четыре дочери доктора Марчи». Нас ослепили лучами прожектора, зашипели кинокамеры. Сестры что-то пищали, говорили с отцом, а мне надо было, обращаясь к «отцу», сказать грустным-грустным голосом:

— Футин ши ни ай во? (Папа, ты меня любишь, не правда ли?)
Вот и вся проба.

Потом переодели в другой костюм: служанка змеи-принцессы. Надо было доставать жемчуг, упавший в бассейн, а красивой принцессой-змеей была сама Ри-Ко-лан.

Потом был перерыв на обед, и все ели японский рис с закусками. После обеда сняли меня одну в костюме индианки — дочери индейского вождя. Еще сделали много фотографий. В конце дали какую-то бумагу с текстом, напечатанным по-японски, вложили в нее 50 го-би и попросили вернуться через месяц, в назначенный день.

К моему большому удивлению, один из главных японцев вызвался меня проводить в своем автомобиле до отеля. Проезжая по центру города, он указал мне на огромное красивое здание «Никки-отеля» и сказал:

— Вот сейчас мы строим эту большую студию для европейских картин, и в будущем году она откроется.

Довез до самого отеля, искал свою визитную карточку, но не нашел — просто сказал свое имя, которое я тут же забыла. Но мой адрес аккуратно записал в свою книжечку. На этом рас прощаались.

В отель я не пошла, а решила побродить по городу. В голове скреблась одна только мысль: «Выйдет ли что-нибудь из этого?» Забрела в необыкновенно красивый величественный парк. Там были фантастические деревья, напоминавшие ивы, но только гораздо красивее. Развесисто-кружевные ветви спускались прямо в воду, а само дерево казалось прозрачным, завитым облаком. Долго стояла и любовалась.

Потом пошла по «звериной» части парка. Подошла к загородке с волками. Их трое, и все отдыхают после дневной жары в уступах искусственных скал. В клетке с медведями — грязно, не видно ни лужицы воды. Как они, наверно, мучаются от жары. Сторожа недоглядели — непростительно. Из соседней клетки потянуло нестерпимым запахом — лисицы. Здесь я не стала задерживаться. Дальше — обезьянки. Но к ним не протолкаться через толпу. Ха-ха — узнали своих предков?

В середине обезьянней территории — небольшой деревянный домик с террасой, на которой разлеглась совсем маленькая макака. Мордочка так сморщена, что напоминает старушку. Тоже страдает от жары, бедная. Ее голова словно приклеилась к доскам террасы, а остальная часть тела беспрестанно переворачивается в поисках удобной позы. Выше, на перекладине, сидит ее мамаша и кормит грудного братишку. Одна обезьянка на цепи — должно быть, забияка.

А вот одна, с «интеллигентным выражением лица», пристально вглядывается в публику, и я читаю в ее глазах:

— Что, ротозеи, — на нас пришли смотреть или себя нам показывать?

Остальные макаки усердно заняты исканием насекомых у себя и у соседей.

Тяжело смотреть на зверей в неволе. Дошла до бассейна с красивыми морскими лилиями, кувшинками и камышом. Этот пейзаж портят многочисленные киоски и скамейки. А еще дальше — огромное пространство, засаженное могучими деревьями. Странно видеть такой лес посреди города.

В ресторане вокзала заказала «карэ-райс» и выпила стакан чая. Вернулась в отель, в свою комнату. Постояла около окна, перебирая в голове все пережитое за день, и легла спать счастливой.

Утром не торопилась — поезд в Харбин уходил после обеда. Воздух нагревался, предстоял еще один жаркий день. Медленно доплелась до вокзала. Еще рано — решила прогуляться по перрону. Внимание мое привлекла китайская семья: муж с женой, мальчик и девочка. В худощавом лице китайца мне почудилось что-то знакомое. В поезде китаец с сыном заняли место около меня. Жена с дочерью стояли на перроне. За несколько минут до отхода поезда китаец попросил меня присмотреть за мальчиком, а сам спустился попрощаться с женой.

Когда поезд тронулся, я снова взгляделась в лицо китайца. Он тоже внимательно посмотрел на меня. Наконец, я не выдержала и спросила: не жил ли он в Харбине и где? Китаец оживился и ответил, что лет десять тому назад был военным капитаном, жил в казенной квартире по такому-то адресу. И тогда я узнала нашего другого соседа — капитана, который угождал нас, детей, сухим печеньем. Он разрешал нам пользоваться его гамаком. В те годы он был полным и все время — в военной форме. Это было в первый год маминого брака с дядей Сашей. Потом у капитана родился сын, которого назвали Сяо-тын («Маленькая беседка»). Неужели тот самый, что сейчас сидит около меня?

Капитан теперь узнал меня и обрадовался мне, как родственнице. Стали вспоминать доброе старое время. При японской оккупации ему не повезло: уволили со службы, и он с семьей перебрался в Синьке, но и здесь не нашел хорошей работы. Теперь везет сынишку в какую-то провинцию, показать своим родителям. Капитан глубоко вздохнул, а, прощаясь со мной, совсем «по-русски» крепко обнял, и глаза его заблестели от слез. Мне тоже почему-то захотелось плакать.

Домой я вернулась полная впечатлений и новых надежд. Удивилась, застав Танюшу дома. Она должна быть в лагере? Оказалось, что в районе лагеря появились «хунхузы», которые увезли с этой станции кого-то в плен. Организаторы лагеря испугались и отвезли детей обратно в Харбин.

Перед моим отъездом в Синьке знакомые подарили мне маленькую козочку. Мне хотелось ее выкормить и я доверила ее маме, до моего возвращения. Козочки дома не оказалось. Мама сказала, что «сдала ее на комиссию». Какая там комиссия? Ничего не понимаю. Мама не смогла ответить ничего вразумительного и недовольно бурчала:

— Самим-то жрать нечего, а еще надо прокормить целую свору собак и кошеч!

Из-за сильных дождей — разливы и наводнения. Пути испорчены в нескольких местах, как раз по западной линии. Поезд задержался на сутки, а я радуюсь: расписание изменится к лучшему для меня. Могучий заявил, что едет куда-то на каникулы и возьмет мой поезд. Его настойчивость делается мне в тягость.

Сейчас я на станции Маньчжурия, никуда выходить не хочу. Во-первых, устала, во-вторых, время такое опасное и беспокойное. Определенно, что-то творится. В поезде окна завешены, нам запрещено выглядывать. На остановках вокруг поезда патрулируют японские солдаты. Все чаще видим, как проносят коробки с прахом убитых. Чувствуется, что японцы встречают сильное сопротивление, но правды мы не знаем: газеты находятся под японским контролем и продолжают вспоминать о «Великой победе».

Русские переезжают из пограничных районов к центру — в Харбин и в Анда. При последней встрече Охотник сказал мне, что здорово «пахнет порохом» и неизбежного не предотвратить. Вот это «неизбежное» так пугает меня.

На какой-то станции Могучий подкараулил наш поезд и пришел в буфет обедать. Принес мне в подарок букет цветов и коробку свежей малины. К чему все это? Мне так неловко от его подарков, а прямо «отшить» не хватает духу. Во время обеда он мне сказал:

— Вы думаете, что мне правда надо ехать на курорт? Мне просто хочется подольше побывать с вами... А где и как вы сами отдыхаете после такой утомительной работы?

И, вместо того чтобы что-то придумать, я простодушно созналась: «На Сунгари».

Конечно, в мой следующий выходной он подкараулил меня около ресторана «Миниатюр» и пригласил пообедать. Я согласилась, подумав, что это удобный случай объясниться, дать ему понять, что он просто друг и никем иным быть не может. За обедом он стал расспрашивать, какой драгоценный камень мне нравится больше всех. Я-то, честно говоря, не знаю ни одного. Заиграла музыка, которая мешала мне сосредоточиться. Так я и не выбрали подходящего момента и ничего ему не объяснила.

Надели купальные костюмы и пошли купаться. «Питер» взял с собой фотоаппарат. Иногда он обращается ко мне по-английски — «май дарлинг». Я его поправляю: «онли френд». Питер отвез меня домой на такси и сказал, что опять поедет в «моем» поезде. И я

опять оказалась дурой и не сумела отговориться. Досадно и то, что, когда в буфет приходят знакомые, я надеваю туфли с каблуком и из-за них вдвое больше устаю.

Во время следующей поездки проехали станцию Цицикар, на которой Питер хотел встретиться, но он не появился. Не случилось ли с ним чего? Вечером в отеле много думала о семье. Что они делают сейчас? Знайте, дорогие, что, хоть я дома часто сержусь и ругаюсь, вообще-то всех вас бесконечно люблю и молюсь за вас. Да исправит Бог все наши недостатки и ошибки и простит. Спокойной ночи.

С молитвами у меня неважно. Знаю немногие, а некоторые кажутся совсем не подходящими. Вот и придумываю сама — молюсь простыми словами, будто разговаривая с Богом. Знаю, что я плохая, а так хотелось бы быть хорошей. Но чем это объяснить? Ведь Бог меня создал именно такой. И Он же создал и монахинь, и убийц. На все это определенно есть ответ, а я — невежда — читаю мало, а своими мозгами найти ответ не могу.

К Новому году сшила себе синее платье, с большим вырезом на спине. Сверху — казакин из органзы, а у воротника и пояса — цветы. Получилось хорошо. Как приятно быть свободной, ни от кого не зависеть. Деньги в сумочке — села на трамвай и поехала одна в Коммерческое собрание.

Ровно в полночь потушили свет, открыли занавес. На сцене — макет часов, стрелки которых показывали 12 ночи — 1938 год!

Заиграли туш. Крики, визги, поздравления. Наполнили бокалы кто чем — вино, шампанское, а мне налили водки, от которой я задохнулась с непривычки. Всем было весело, а я вся была в мечтах о будущем. Много танцевала.

14-Е ЯНВАРЯ (1939)

Новый год по старому стилю. Я в Маньчжурии. Поужинала, выкупалась — и в постель с книжкой. Хорошо отдохну.

Как бы ни так! Пришли молодые люди, уговорили подняться и увезли в хорошую скромную семью встречать праздник. Вечер провела радостно и спокойно. Чистое, уважительное отношение — как это хорошо для отдыха и очищения души.

На обратном пути с нами ехали советский посол с женой и секретарем. Обедали в ресторане. Молодой секретарь меня узнал и говорит:

— Кажется, вам здорово попало в тот вечер, когда мы с вами заговаривали в Маньчжурии?

Конечно, этот случай я запомнила на всю жизнь как хороший урок. Но на его слова я только заморгала глазами и отвечать не стала. Он понял меня без слов. Все же потом попытался назначить мне свидание, но я убежала. Стыдно мне было у них на глазах брать чаевые, которые оставляли японцы, но все же я брала — деньги очень нужны.

Дома, в Харбине, меня ждала неприятность: чайный сервис, который я купила перед отъездом, исчез. Мама заложила его в ломбард. Такая сильная горечь и обида — слезы душили.

— Хочу по-человечески наладить дом, устаю, как собака, всем помогаю, деньги приношу и продукты, а ты поступаешь так жестоко и несправедливо! — всхлипывала я.

Случилось неожиданное: может быть, маму тронули мои слезы и слова, и на следующий день она принесла сервис обратно. И я ей все простила.

Теперь нас всех тревожит мамина глазная болезнь. Неужели ослепнет?! Весь день бегает, а по ночам шьет кукол, при очень слабом огне. Передохнула бы, остановилась — ведь деньгами я теперь помогаю. Так нет — никаких денег ей не хватает!

Получила письмо от консула Мацуды с приложением: письмо от дирекции грандиозного, только что построенного на Соборной площади отеля «Нью Харбин» с приглашением на работу! Мацуда-сан постарался за меня. Почему он это сделал? Работу я менять не собираюсь — привыкла уже, отношения хорошие, да и жалованье достигло 80 го-би. Передала письмо Тамаре, но не уверена, что она воспользуется случаем.

Кассир Кодомо-сан сегодня проговорился и сообщил нам о новых слухах: все русские девушки будут работать только на вокзале. Почему? Неужели надо от нас скрывать что-то? Уже поздно — мы видели занавешенные окна в поездах, видели ящики с прахом солдат.

Опять поездка в Муданьцзян. Будет ли меня ждать Питер на станции Ханьдаохецы? С той стороны окна пока не занавешивают. Выглянула в окно — на перроне из знакомых никого. Вышла к открытой двери глотнуть свежего воздуха. Стою на ступеньке и вдруг вижу — бежит прямо ко мне совсем деревенская женщина. На плечи накинут жакет, торопливо вытирает мокрые руки грязным фартуком.

— Я как раз хотела вас видеть и предупредить, — говорит она мне: — Не встречайтесь с Охотником. Это опасно. О нем ходят такие страшные слухи — пожалейте себя.

Я удивленно смотрю на женщину и думаю: кто она такая? и чем объяснить ее странную заботу обо мне? Плетет какую-то ересь — не по сердцу мне вся эта клевета. Ведь я всю пасхальную ночь проспала в его доме, и поведение его было безупречным.

Поезд отходил. Я не нашлась, что ответить, — только кивнула головой удалявшейся женщине.*

* Гораздо позже ходили слухи, что Охотник убил свою жену и закопал где-то в лесу. Еще рассказывали, что японцы его убили, заподозрив в шпионаже.

21-Е ФЕВРАЛЯ (39)

Почему-то у меня такое радостное, хорошее настроение сегодня. Выспалась вволю, у домашних настроение спокойное, все довольны друг другом. Давно такого не было. Выглянула в окно: за ночь выпал глубокий снег, все деревья и заборы покрыты белым. Проезжает тележка, запряженная двумя маленькими осликами, а рядом идет китаец-возница — и все это блестит на солнце. Серебряное волшебство. Не торопясь собралась и пошла на службу. Несмотря на снег, воздух пахнет весной и совсем не холодно. Мне хорошо, но чувствую: вот-вот сама начну покрываться инеем. Ресницы под тяжестью инея опускаются — только бы не размазались. Ноги проваливаются в снег по колено. А идти все же легко и приятно.

А вот в поезде другая атмосфера. Надвигается что-то небольшое. Окна завешаны, выглядывать запрещено. Вчера встретила больного бедного китайца-нищего — хорошо помогла ему деньгами. Но ведь нищих китайцев вокруг теперь сотни! Боже, благодарю Тебя за все, что Ты нам дал — спаси и благослови на будущее.

Вернулась из поездки, а дома опять ждет неприятный сюрприз: мама ушла с утра и еще не вернулась. А уже почти одиннадцать вечера! Я немного подождала и пошла искать ее по киношкам. Все кино закрыты. Позвонила в полицию. Мне сообщили, что никакого несчастья за день не случилось. Вернулась домой, а мама здесь — как ни в чем не бывало. Свою позднюю прогулку объясняла туманно. Мы ничего не поняли, но хорошо хоть, что вернулась.

Приходила Тамара со своим хорошенечким сыном, Аликом. Не спрашивая, есть ли у нас время, бесцеремонно оставляет ребенка на Таньюшу. Домашние дали понять сестре, что у них нет времени заниматься ребенком, на что она возмущенно ответила:

— А как я вожусь с ним все время?!

Но ведь ребенок-то ее! Ушла по своим делам. Меня возмущает ее поведение. Характер ее стал еще хуже, еще трудней. Критикует все время, будто чему-то завидует.

Харбин меняется. Столько русских уже уехало из него. Остальные тоже собираются. Вот и Пакины решили продать свой «Винный погреб» и ехать в Шанхай. Какие у них планы и будет ли им там лучше?

Сегодня на службе выдавали наградные. Мне дали 13 го-би — как это кстати! Уже выписываю для семьи газету, а теперь обязательно подпишусь на абонемент в библиотеке — для дяди. Он так любит читать! Еще куплю викторолу. Но самое главное и необходимое для меня — учиться балету.

Познакомилась с молодым человеком — Николаем М. Он русский, но уже долго жил в Америке. Приехал в Харбин из Сан-Франциско, чтобы навестить своих старых больных родителей, живших в собственном доме на Ротной улице. На балу в «Желсобе» он пригласил меня танцевать и я с удовольствием согласилась. Привлекала его приятная улыбка, простой, прямой и откровенный разговор. Танцевал нормально, без всяких выкрутасов. А что если он — человек, которого я искала? Не забыть ли мне про «брюнета с синими глазами»? Ведь внутреннее содержание важнее. Да и годы идут...

После бала проводил меня на такси, и затем в каждый мой выходной день стал приезжать на машине. Мы ездили то в кино, то на постановки Туренина в театре «Модерн». Эти постановки пользуются неимоверным успехом, и я следила затаив дыхание за каждым жестом, каждым танцем. Вот бы мне попасть в эту труппу, безнадежно мечтала я.

(Забегая вперед, скажу, что это случилось два года спустя! С семьей Турениных я сжилась как с родными. Предком Туренина был Дюге Труэн — известный французский адмирал, родившийся в 1673 году, который сначала был корсаром. За его смелые подвиги правительство простило ему пиратство и наградило чином генерал-лейтенанта. Умер он в 1736 году. Его настоящее имя было Rene Trouan du Guay. Владимир Альбертович Туренин встретил свою жену, Ольгу Николаевну, в России. Вместе они создали комический дуэт. Теперь у них прелестная талантливая дочь — Сюзанна.)

Какая-то официальная группа японцев организовывала лыжный спортивный центр на станции Эрциндянцы. (Переименована теперь в Чек-Сен.) Чтобы сделать этому центру рекламу, пришли к нам на вокзал их представители и выбрали пять девушек: трех японок и двух русских — меня и Маргариту, работающую в книжном киоске. У Маргариты есть все для такого зимнего спорта, а мне прошлось бегать по соседям и клянчить. Фуфайку нашла легко, а вот с брюками — сложнее. Дал в долг аптекарь, хотя я так и не поняла — женские это брюки или мужские. Не играет роли — они мне в пору. Ни одна из нас на лыжах кататься не умела, так что на первом же спуске мы все покатились кубарем!..

Лыжные склоны принадлежали китайским фермерам, которые летом засевали их кукурузой. Теперь она срезана, а жесткие стебли, сантиметров в 25, покрыты глубоким снегом. За них-то мы и зацеплялись.

После неудачных спусков пошли отдохнуть в новоисстроенный дом спортивного центра. Выпили японский чай «бан-ча» с японским пирожным из бобов с сахаром...

Теперь выходим для рекламных снимков. Поснимали нас со всех сторон, не жалея пленок. Возвращаясь в Харбин, бросили последний взгляд на «спортивную гору». Она покрыта черными пятнами наших падений, а сами мы — все в синяках.

Вернулась усталой и замерзшей. А через два часа — свидание с Колей. Хочется выглядеть нарядной. Быстро принарядилась, правда для зимнего времени оделась легко. Свидание — в кафе «Эрмес».

После вкусного чая Николай повез меня к Сунгари, в контору своего друга. Что за идея? Контора вечером пустая и холодная. Нашел чье-то пальто, застелил им холодный диван, сел рядом и заключил в свои объятия — «разогреть». Мне было приятно, сидели так долго, и я думал: если он такой хороший и сдержанный, то это как раз в моем вкусе. Так и о браке можно подумать. А как странно, что он об этом ни слова. Может быть, уже женат?

Наконец Коля решил меня поцеловать. Это было очень романтично. Чем дольше мы сидели, тем нетерпеливей становился Коля. Его жесты делались смелее и решительней. От романтики он постепенно переходил в ту «атаку», которую я очень не люблю. Флиртовать — одно дело, но переходить границы — не в моих планах.

Стала разыгрывать комедию — притворилась усталой, больной. Жаловалась на холод. Попросила отвезти домой. Коля «очнулся», стал извиняться и просить прощения. Прощаясь, преподнес мне подарок: хорошенькую металлическую собачку, усыпанную «бриллиантами». Попросил о новом свидании. Я назначила назавтра, на вокзале, после работы.

В выходной день хорошо отдохнула, выспалась и пошла на урок танцев. (С этим «американским водоворотом» совсем забыла написать, что я вот уже некоторое время хожу в балетную школу.) Стараюсь изо всех сил, но выйдет ли что-нибудь? Не поздновато ли начинать в мои годы?

Вечером к нам в дом неожиданно заглянул незнакомый мальчик и сказал, что меня на углу ждет одна девушка. Мама сразу догадалась, что не девушка, а я — нет. Когда вышла, увидела Колю. Он постеснялся нас беспокоить и стучать в дверь. Пригласил в кино. Когда пришли, стал упрекать, что я забыла о назначенном свидании на вокзале. Упреков я не люблю, да и вообще не собираюсь напрасно терять время. И я вдруг взяла и спросила его напрямик:

— Какие у вас взгляды на брак? Думаю, девушка, которая согласится выйти за вас, будет счастлива.

Он не повернул головы. Лицо — неподвижное. Никакой реакции — видимо, что-то скрывает. Я сама удивилась собственной дерзости, и, в то же время, меня забавляла смелая игра. Наверное, меня больше всего привлекала к нему мечта об Америке, но она оставалась недоступной. Чтобы изменить тему разговора, Коля сказал, что на неделю уезжает в Шанхай и, по возвращении, даст мне знать.

Прошло немало времени. Уроки танцев так меня захватили, что ничто другое не интересовало. Дни холодные, а ночи еще хуже. Бедным и старым трудно переживать холода, на отопление уходит много денег.

Я в поезде, на пути на станцию Маньчжурия. Публики много, в особенности немцев. Среди них есть и немцы-нацисты и немцы-евреи, которых Гитлер выгнал из страны. Знаю, что их много. Но куда они едут и на что надеются?

Поезд идет медленно, часто останавливается там, где пути засыпаны снегом. Ужин закончен. Поскорее убрали вагон-ресторан и усталые побежали в спальные вагоны 1-го класса. Только нам, женщинам, разрешалось в них спать. Мужчины спят где придется — они ничем не рискуют.

На этот раз не успели мы с моей напарницей, маленькой японкой Митцуэ, как следует закрыть дверь, как нас с треском и скрежетом качнуло.

Мы машинально зацепились за одеяла и подушки средних полок и, потеряв равновесие, полетели вместе с постельным бельем на пол.

Все остальные подушки и одеяла полетели на нас.

Резкие толчки продолжались. Вагон качало, как в морской качке. Колеса прыгали, будто катились по шпалам.

Нас мотало во все стороны, ударяя о ребра нижних полок. Хорошо, что мы были «обернуты» подушками и одеялами: отделались шишками, синяками и царапинами.

А как с другими пассажирами?

Поезд остановился, слышались крики и беготня по коридору.

Дверь была захлопнута и не сразу поддалась нашим усилиям.

Наконец выбрались, протолкались сквозь толпу в коридоре, спустились по лесенке. Вагон сошел с рельс. Толпа пассажиров и служащие с фонарями суетились у вагонов и паровоза, освещая слабым светом рельсы и шпалы.

Мы подошли взглянуть.

На рельсах горами дымились окровавленные куски мяса, перемешанные с лохмотьями верблюжьих шкур. И кишки, кишки повсюду! И кровь...

Оказалось, что несколько верблюдов отбились от стада и пошли по путям. Удивляюсь, почему верблюды «расхаживают» по ночам. Уверена, что эти верблюды принадлежали монголам.

Нас загнали в вагоны.

Среди пассажиров оказалось немало серьезно раненых.

Мы с Митцуэ (я ее называю Мичча) застелили полки и перед сном хорошо помолились, каждая по-своему. Мичча уставила свой взгляд в потолок, хлопнула несколько раз в ладони, сложила их вместе и тихонечко запела свою молитву. Вздороженные прошедшими, мы долго переговаривались — заснуть не могли. Поезд не двигался и простоял так целую ночь. Наутро приехал другой, нас пересадили на него, и мы вернулись в Харбин.

Через неделю был бал в «Желсобе». На этот раз пошла с сослуживицей Дорой, одевшись в кимоно. Николай был здесь, но я продолжала дуться и решила во что бы то ни стало отобрать у него

фотографию. Когда я ему об этом серьезно заявила, он превратил все в шутку, взял меня за подбородок и сказал:

— Милая Нина, что случилось? Фотографию не отдам, и мы еще встретимся!

Мне была неприятна его настойчивость. По мере того как он говорил, я чувствовала, что разочаровываюсь все больше. Надо как можно скорее прекратить эту игру. Ни к чему хорошему она не приведет — только потеря времени.

В день своего Ангела решила просто одна пройтись около Чурина. Вдруг навстречу Николай. Подошел, здоровается, поздравляет с днем Ангела. Как отделаться, как открутиться? Стала врать:

— Извините, я иду на Пристань.

— Это как нельзя кстати. Мне тоже туда. Поедем вместе, ведь такой холод.

Пришлось согласиться. В такси мы доехали до Пристанского Чурина, где он расплатился. Завел меня в магазин и сказал:

— Сегодня ваш день Ангела, выбирайте себе три пары чулок, какие хотите. У нас в Америке так принято.

Я всеми силами отказывалась. Тогда он сам купил прелестные шифоновые — три пары, цвета загара. Чулки стоили очень дорого, и мне было стыдно и неловко. Но они мне так нравились и были так кстати, что, немного поманерничав, я их взяла. Подумала: «Теперь придется расплачиваться». Но ничего подобного. Ник оставался тактичным и спокойным. Наверное понял, что «финтить» я люблю, но на переходы запретных границ надеяться со мной не приходится.

АПРЕЛЬ (39)

Новая глава жизни — Миша Д. Совсем несерьезный, ненужный период. Анна Николаевна, наш балетмейстер, сообщила, что в апреле будет экзамен и кто пройдет — для того есть шанс танцевать на сцене. Как я загорелась! Обязательно надо купить балетки.

Пока мы репетировали, пришел помощник Анны Николаевны, ее племянник, низенький коренастый молодой человек — Миша. С ним была его партнерша — миленькая Шура Боярская. Оба они профессионалы, танцуют очень хорошо — есть чему позавидовать.

Они прорепетировали свой танец, во время которого я наблюдала за ними как зачарованная, с открытым ртом. Закончив с Шурой, Миша стал помогать нам, новеньkim: поддерживал при перегибании и «шпагате». Я наотрез отказалась от его помощи — было неловко и стыдно. Переодевались мы в слабо освещенной комнатушке, и я никак не могла найти свои булавки, воткнутые в стенку. Попросила ученицу Валю раздобыть спички. Но откуда-то появился Миша, предложил свои услуги и перебросил спички через загородку. Переодевшись, я с благодарностью вернула спички, а Миша попросил разрешения меня проводить.

Проводил один раз, а затем стал провожать часто после танцев. Из студии «Модерн» идем по Китайской — торговой, коммерческой улице. Красивые витрины больших магазинов притягивают взгляд, трудно пройти не остановившись. Вот и теперь, не отдавая себе отчета, я загляделась на красивую пудреницу в витрине французского магазина «Сантэ» (здравые).

— Какая прелесть — обязательно куплю, — сказала я легко-мысленно, и мы пошли дальше.

На следующий день, провожая меня, Миша остановился у витрины и, указывая на пустое место, спросил:

— А где же ваша пудреница?

Не увидев ее, я обиженно сказала:

— Кто-то, видимо, опередил меня.

Миша загадочно улыбался.

— Зайдемте за угол, я хочу вам что-то показать, — попросил он.

За углом он вытащил из кармана пакетик и подал его мне. Я развернула бумагу — там лежала пудреница и посвященный мне стих. «Еще один поэт», — подумала я. Но подарку была рада и горячо благодарила Мишу, прибавив, чтобы никогда больше так не тратился.

Миша продолжает меня посещать и посвящает стихи.

Опять случайно встретила Ника. Он пригласил в кино. Я видела, что картиной он не интересуется. Он объяснял мне, что я ему очень нравлюсь, но что он мужчина и у него есть «потребности». Я сердито ему заявила, что я женщина и что у меня свои принципы. Пусть не надеется и не теряет зря время.

На следующий день мы с Мишой выходим из «Модерна» после балетного класса, а Ник — навстречу. Я только поздоровалась и прошла, но Ник нас догнал и пошел рядом. С одной стороны — высокий Ник, с другой — низенький Миша. Идут и враждебно переглядываются над моей головой. Ник сказал:

— На днях возвращаюсь в Америку, хотел бы с вами поговорить.

Я себя пересилила и сухо ответила, что у меня нет времени на разговоры, но что желаю ему счастливого пути. И мы с Мишой пошли дальше. Я молчала, но в душе корила себя: «А что если Ник хотел сделать предложение? Но почему он раньше об этом не заговаривал? Может быть, он уже женат?»

В танцах я преуспела. На службе стараюсь устраивать так, чтобы работать в Харбине и не пропускать уроки. Миша от меня не отходит и начинает здорово утомлять своими стихами и признаниями. Он молодец, на все руки мастер, хороший, добрый человечек, но никак не может понять, что мы друг другу не подходим.

АПРЕЛЬ (39)

Время подходило к празднику Св. Пасхи. Очень хочется приодеться, купить что-то новенькое. Как нельзя кстати на службе нам раздали кооперативные книжки, по которым в долг на два месяца жалованья можно всего накупить. Вернулась после работы, времени есть, решила пойти в кооператив за покупками. Ищу книжку и... не нахожу! Неужели где-то потеряла? Побежала в кооператив и стала там объяснять, а мне сообщили, что по моей книжке покупки сделаны на два месяца одной дамой, и описали мне мамину внешность.

Как трудно было сдержаться! Задыхаясь от обиды и горя, побежала домой, а мама, как всегда, — даже разговаривать со мной не стала. Все рухнуло — и плата за балет, и новая одежда. Два месяца придется работать впустую.

Сегодня пришло письмо из Синьке, от кино-студии «Никки». Зовут приехать!

О том, чтобы отпроситься на работе, не может быть и речи — надо отрабатывать долг. Слезы душат, и такое отчаяние — до боли, до мучительной слабости!

Дядя и Танюша мне сочувствуют. Я заперлась в своей комнате и стала молиться. Слезы душили. Бог меня наказал за то, что в этом году я не говела и не исповедывалась. Над ковриком перед иконой светится тусклая лампадка, дрожащим светом освещая скорбный лик Христа. Я всхлипываю, а Он смотрит на меня сочувственно, и губы Его шевелятся. Я слышу, как Он меня утешает и дает советы.

Твердо решую изменить свою жизнь — разъехаться с мамой. Только так можно спасти себя. С ней я ничего не скоплю и никуда не уеду. Я еще долго плакала и молилась, потом уснула.

Так хорошо совпало: работала в первую смену, а к вечеру отдохнула и пошла к заутрене. Какая торжественная служба. Серебряный голос громко раздавался по всей церкви — «Христос Воскресе!» И прихожане с радостью громко отвечали: «Воистину Воскресе! Люди христосовались, поздравляли друг друга, разговаривали, смеялись. Я стояла одиноко, спрятавшись в углу. Из собора вышла последней и прямиком направилась на работу.

Не хотелось по морозу таскаться взад-вперед. Лучше вздремнуть в буфете. В посудной комнате подогрела чай и, присев на табурет, стала разговаривать с принесенным кусочком кулича и пасхи. Каково же было мое удивление, когда из буфета пришли кассир с кассиршей. Она работали над подсчетом вчерашней выручки. Ну, пришлось поделиться с ними. Каждому достался крохотный вкусный кусочек. После чая я прикорнула в уголке посудной и крепко заснула до начала работы.

Пакины возбуждены — они только и говорят о сборах перед отъездом в Шанхай. А мне они сказали: «Если приедешь, примем как родную». Я горячо поблагодарила, это мне подняло настроение.

На уроке танца я забываю все обиды, чувствуя себя счастливой. Балетмейстер сказала, что я делаю быстрые успехи. Миша все время около. Его присутствие начинает утомлять. На праздник он подарил мне французские духи «Ночь Парижа». Я чувствую себя обязанный ему, и это меня еще больше тяготит.

На балу в Украинском клубе хотелось быть одной, но Миша и здесь ходит за мной по пятам. Я ни с кем не танцую, не хочется. Потом был еще грандиозный бал в «Желсбее». На него я пошла с сослуживицей, Олей К. У нее, как и у меня, дома ужасная обстановка. Она призналась, что хочет снять комнату и переехать, и предложила мне объединиться для экономии. Я с удовольствием согласилась — для меня это единственный шанс укрыться от маминых «сюрпризов» и скопить деньги на дорогу.

На балу мой новый знакомый Майк был с двумя девушками и другом. Скромно поздоровался, но танцевать не приглашал. Я до упада танцевала с другими партнерами. К концу вечера Майк появился без девушек, пригласил танцевать и уже не отпускал до конца бала. Объяснил свое поведение застенчивостью:

— Вы такая красивая, у вас столько кавалеров. Я считал вас недоступной.

Он вместе с другом проводили меня до дома, весело болтали всю дорогу.

Майк стал часто приходить и поздно задерживаться. Мне он нравился своей культурой, умом, вежливостью и застенчивостью. При таких качествах его невысокий рост казался неважным. Родители Майка заметили большую перемену в нем, и отец увез его на станцию Дай-Дин, где имел землю и работал с китайцами. Майку было назначено следить за рабочими и распоряжаться китайцами. Наши свидания прекратились.

Но потом совершенно неожиданно к нам пришла сестра Майка и принесла мне записку: «Ниночка, я случайно приехал в Харбин на два дня и надеялся увидеть Вас сегодня вечером в железнодорожном саду. Ваш преданный Майк».

17-Е ИЮНЯ (39)

Я обрадовалась этому известию и решила обязательно пойти на симфонический концерт в сад. Но перед этим случилась еще другая история. Я наткнулась на свою сослуживицу — Манефу. У нее большая сердечная драма, и она стала изливать мне душу со слезами. Поехали на Сунгари, я заказала чай и пирожки. А она даже есть ничего не может — потеряла аппетит.

Пока я ее утешала, опоздала на симфонию. Приехала, а сад закрыт. По какой-то причине симфония не состоялась.

Приезжая домой, а Майк стоит у калитки.

— Ждал бы до двух часов ночи, но все равно дождался бы! — обрадованно заявляет он.

На следующий день встретились за Сунгари. Дни изумительно теплые. Прекрасно провели день, вечером сидели на склоне протоки, наблюдая за отражением в воде фонарей и неоновых реклам. Кусали комары — мы не замечали. Майку надо было к 11-ти на поезд, он пропустил время, но, казалось, ему все безразлично...

Меня отправили в Маньчжурию. С Майком сговорились переписываться. Для меня хороший повод приложить мои литературные таланты. Решила написать такое письмо, какое никому и никогда написать бы не решилась. Местами казалось, что это не я пишу, а кто-то другой.

Письмо пришло в отсутствие Майка. Отец взял его и прочел!

В общем-то ничего особенного там не было, да и быть не могло. Красивые ласковые фразы, «выкрученные», наполненные возвышенными выдумками. Но отец, привыкший видеть своего сына ребенком, не мог примириться с тем, что у него завелась «милая». Майк получил крупный выговор, и мне это было неприятно. Я сразу решила поправить дело: написала другое письмо, в котором объясняла, что то первое было ненастоящее. Что будто бы оно писалось на конкурс: кто напишет самое нежное любовное письмо. Поверил ли отец, успокоился ли? Не знаю, но очень надеюсь.

Окна вагонов завешены, запрещено выглядывать. На границе с Монгoliей идут ожесточенные бои с коммунистами. На прогулки неходим, света в отеле не зажигаем. Ложимся спать рано. Опасно и страшно. Ехать во вторую поездку я отказалась, соврав, что у меня приступ аппендицита. Вместо меня решили послать Клаву. Но и ей эта поездка «не улыбалась», так что она со всеми пересорилась.

Через несколько дней меня направили в Бутанко. На станции Отокси в поезд сел пожилой японец с подростком. Японец оказался служащим («правой рукой») миллиардера Кондо, а мальчик был сыном богача. Мальчику очень хотелось со мной поговорить, и он был страшно обрадован, когда я заговорила с ним по-японски. Сейзо, как звали мальчика, сообщил мне, что учиться рисованию в Харбине у русского профессора Гrimберга, и попросил разрешения сделать набросок с меня в своей тетрадке. Прощаясь, Сейзо пригласил меня в гости в имение своего отца в Харбине.

10 ИЮЛЯ (39)

Новая поездка. Поезд остановился на станции Маэоршань и ни с места — сильный разлив залил пути. Должны были еще вчера вечером вернуться в Харбин, а вот уже девять утра и еще неизвестно, когда сдвинемся. Дождь льет беспрерывно — неужели в Харбине опять будет наводнение?

Моя следующая поездка опять на станцию Маньчжурия. Я так боюсь: кругом сгущаются тучи войны. Несмотря на завешенные окна, удалось подглядеть, что во многих местах разбиты военные лагеря. Газеты пишут только об успехах японцев, о том, сколько аэропланов они сбили, сколько вражеских солдат убили и взяли в плен. О своих потерях — ни слова. Но мы-то видим эти вереницы коробок с пеплом погибших японских солдат.

Жалко и тех, и других. Среди японцев есть совсем молоденькие, братья и женихи моих сослуживиц. Но и их противников жалко — ведь японцы напали на них вероломно, без объявления войны. Нам-то видно, что японцам становится все труднее и труднее. Нас просят собирать для армии алюминиевую фольгу от сигарет, какие угодно куски олова, свинца, железа и других металлов. Какие же это победители, если они дошли до такой крайности?

Миша, увидев меня несколько раз с Майком, наконец понял и попросил обратно свой альбом, фотографии и стихи. Я ему все вернула, сказав:

— Если в будущем надумаете дарить все это еще кому-нибудь, предупредите заранее, что можете все забрать обратно.

Теперь Миша встречается с одной моей сослуживицей. Вдруг вспомнилось, как он сказал, что не перенесет разлуки и застрелится. Болтун — не застрелился...

Получила письмо от Майка, в котором он пишет, что работает на полях с китайцами только по ночам — днем такая жара, что работать невозможно.

Еду в Бутанко. Народу в буфете уйма, у кассира хорошее настроение. В Бутанко приехали не поздно, и кассир пригласил меня и двух японок-сослуживиц в кафе. Настроение у всех было хорошее, веселое. Кассир так разошелся, что спрятал в карман металлическую подставку от меню и чайную ложку. Я думала — пошутил и положит обратно. Ничего подобного — унес с собой. На его счастье, лакеи не заметили. А я думала, что японцы вообще не воруют, — ведь в древности им за воровство отрубали кисти рук.

После чая все пошли в парикмахерскую. Мужчины стали бриться, и женщины-японки — тоже. Только тут я узнала, что японки бреются примерно раз в месяц. Между кресел бегал маленький китайчиконок, который сушил полотенца, подметал волосы и пр. Хозяин парикмахерской, нервный японец, дал мальчишке подзатыльник и крикнул: «Базоку но томаго», что значит — «яйцо бан-

дита». Когда вышли на улицу, уже стемнело, но все фонари прикрыты черными колпаками. Противовоздушная оборона!

Темно даже на самых центральных улицах, но движение продолжается. Кое-как, ощупью, добрались до отеля. Вдруг душераздирающий детский крик. В темноте машина переехала корейского мальчишку. Толпа, крики. Мы поспешили в отель.

На следующий день — в обратный путь. Около станции Отокаси на дороге увидела труп китайца с раскнутыми руками. Дальше, на станции Чик-сена, китайцы-шахтеры подкатили телегу, на которой лежали человек восемь их сослуживцев — с разбитыми головами, с искалеченными туловищами, все в крови, как на бойне. Что случилось? Правду узнать невозможно.

Поездка прошла как кошмарный сон. Страх нарастал. Наибольший риск связан с поездками в Маньчжурию, но туда-то и посылают. На днях должна была ехать Ольга, она что-то придумала и отказалась. Меня назначили ей в замену, и мне было никак не отвертеться. Согласилась, потому что очень нужны деньги, но в следующий раз постараюсь увернуться.

До станции Хайлара с нами ехало около сотни японских солдат — все молоденькие мальчишки. Уехал ли Костя из Маньчжурии, последовал ли моим советам? По стенам и заборам развешаны плакаты, расписывающие сколько японцы уничтожили танков и самолетов противника, сколько взяли в плен. В обратный путь мы везли около шестидесяти раненых японских солдат и человек двадцать советских пленных из Монголии. Ясно, что бои идут тяжелые.

При подъезде к станции Фуляэрди начальство приказало поднять шторы с одной стороны по всему эшелону. Японские солдаты высунулись в окна, стали размахивать флагами и кричать «банзай! банзай!». Они приветствовали японский полк, выстроенный на перроне, видимо, чтобы «поднять боевой дух».

Этой ночью советские бомбардировали маньчжурский мост.

19-Е АВГУСТА (39)

Продолжаем переписываться с Майком. Несколько раз встретилась с его сестрой, которая по просьбе брата попросила меня отвечать на его письма без задержки.

Делаю успехи на уроках танцев, балетмейстер обещала в скором времени выпустить на сцену. Несмотря на то, что Анна Николаевна сердится на меня из-за своего племянника Миши, она признает мой прогресс.

Строила планы уехать в Шанхай осенью, но из-за кооперативной книжки, использованной мамой, получилась большая задержка: два месяца должна была работать «бесплатно». А для Шанхая деньги нужны.

Мой зубной врач, во время моих визитов к нему, ведет себя все более и более непристойно: то погладит по плечу, то похлопает по спине, то задержит мою руку в своей. Как это прекратить? Надо что-то придумать.

1-Е СЕНТЯБРЯ (39)

Какая новость! Миша и Валя венчаются в соборе. Меня они не пригласили. Понимаю — Миша имеет на это основания. Но Валя? Казалось, были самыми близкими подругами. Ну, Бог с ними. Были бы счастливы.

Неожиданно приехал на две недели Майк. Замечательно проводим время. Он держит себя хорошо, застенчиво — как раз то, что я люблю. Одна беда: он моложе меня.

3-Е СЕНТЯБРЯ (39)

Сегодня мой день рождения, и я пригласила Майка. А накануне его сестра принесла мне подарок: две пластинки для виниловой записи. В записке Майк с сожалением сообщал, что отец срочно вызвал его на станцию. Пластинки мне пришлось идти слушать у знакомых, потому что мама уже давно заложила или продала мою виниловую и «царственные» стулья, которые я купила в Фудидяне. Пластинки назывались «Персидский базар» и «Голубое небо» и очень мне понравились.

Мы с Олей, наконец, нашли хорошую комнату и переезжаем. Комната дорогая, 20 го-би в месяц, но пополам — терпимо. Переезжала как раз в день своего рождения.

С балетом — прогресс. Купила балетные туфли «пуанты». Стоять на носках больно и трудно. Но я настойчивая, и уверена, что одолею. Еще трудны «батманы» и «арабески» — не привыкла задирать ноги.

В Харбин, с монгольского фронта, доставили тело русского белого генерала. Значит, он воевал вместе с японцами, в надежде спасти Россию от большевиков? Еще многие белые на это надеются. Была устроена торжественная встреча и отпевание в соборе, после чего он был похоронен тут же, внутри церковной ограды. Жаль видеть таких настойчивых русских патриотов. У них самих сил и возможностей мало, вот они и присоединяются к японцам, которые «что-то обещают».

Мне и самой хотелось бы избавить Россию от ига коммунистов. Но ради этого убивать своих, русских? Я уверена, что рано или поздно «красные» поймут свою ошибку и опомнятся. Всё идет волнами. Сейчас нахлынула «красная» волна, потом накатит «белая».

Надо только ждать! А сколько ждать? Генерал, видимо, не хотел — он был человек немолодой.

Вдруг услышала, что немцы подписали пакт с Советами. Вот и пойми, что происходит в политике. Германские войска перешли польскую границу! Харбин засыпан телеграммами и газетными сообщениями о японских успехах. А где правда?

Что творится в мире? Как сложится наша судьба — судьба белой эмиграции?

17-Е СЕНТЯБРЯ (39)

Мы с Олей — на новой квартире. Нас она очень устраивает — уютно и спокойно. Оля — хорошая приятельница. Немного повелиительная и иногда употребляет крепкие выражения. Но для моего мягкого характера такая подружка и нужна.

Милый дядя Саша выпил небольшой абажур и подарил нам к «новоселью». Мама старается свыкнуться с новой ситуацией и меньше ворчит. Возможно, поняла, что виной всему — она сама. Я продолжаю им помогать, но уже меньше. Во-первых, надо платить за комнату, во-вторых, выплачивать кооперативный долг, в-третьих, платить за уроки танцев и, обязательно, копить на дорогу.

В субботу, сходила в «Желсоб» на изумительную постановку спектакля, подготовленного группой Туренина. Безнадежно мечтала когда-нибудь подняться до их уровня и попасть в такую труппу. Владимир Альбертович Туренин — француз по происхождению, но образование получил в России, так что говорит по-русски великолепно, без всякого акцента.

Скучаю по семье и каждый удобный момент бегаю к ним. Вот уже и Тамарин сынишка, красивый белокурый Алик, подрос и уже говорит. Застала его у наших, а он залез ко мне на колени и обхватил шею своими атласными рученками. «Тетя Нина, здравствуй!» Боже, как я смогу уехать и оставить всех их?

Татьянка — молодец. На каком-то государственном экзамене написала сочинение на политическую тему и оказалась одной из первых. Получила похвалы и бесплатную подписку на журнал «Луч Азии».

Наш балетмейстер с группой — на гастролях в Корее. Я практикуюсь на пуантах дома сама.

Девчата увольняются с нашей службы одна за другой. Клава работает в кондитерской «Виктория», Ниночка — в магазине Чурина.

Опять в поезде. В ресторане сидят несколько разнужденных парней, пьют пиво. Ведут себя уверенно, нахально, а мне жалуются:

— Девушки-официантки с нами холодны и неприветливы!

— Напрасно вы сердитесь. Они научены горьким опытом, знают, что некоторые гости понимают вежливость неправильно.

Отошла от стола. Один из парней, от досады, опрокинул чашку кофе себе на брюки — вскочил, отряхивается, чертыхается. Через минуту они направились к выходу, а мы все — девчата — демонстративно выстроились у выхода и, по японскому обычаю, стали кланяться и напевать: «Аригато-у гозаимасу».

Облитый злобно на нас посмотрел и сквозь зубы прошипел:

— Облили всего, а теперь благодарят!

На обратном пути из Маньчжурии, на какой-то станции, в вагон неожиданно сел контролер — проверить, на надувают ли Компанию кассиры с поварами. У наших, как всегда, — рыльце в пушку. А контролер стал проверять и подсчитывать количество продуктов и даже полез в ледник.

Мы все немного «подмочены» в этих делах. Я стала искать выход и постаралась отвлечь контролера: мило улыбнулась ему, предложила чай. Он согласился, присел к столу. Я подала ему чай, встала у стола и начала рассказывать смешные истории, которые его, кажется, заинтересовали. Он со мной разговаривал и смеялся, а в это время кассир с поваром успели «урегулировать дела». Через две станции контролер слез — я приветливо с ним рас прощалась и помахала рукой. Сослуживцы вздохнули с облегчением, а кассир дал мне 15 го-би — большие деньги. Да еще повезло: 10 го-би нашла под столом. Ура — живу! Деньги мне так нужны — на два дома, на балет и на дорогу в Шанхай...

Послали в поездку в сторону советской границы. Станция называлась Сахолян, а теперь по-японски — Кокка. За несколько станций до Сахоляна окна вагонов плотно затянули шторами. Глубокая осень, вся листва с деревьев опала. И в свете ясного дня, через границу (река Амур) я увидела русский город Благовещенск!

Высокие белые многоэтажные дома, заводские трубы... Замерло сердце! Я увидела Россию — такую близкую и, в то же время, такую далекую!

В городе Кокка, на широкой площади вокруг вокзала, рядами выстроились пушки, повернутые дулами на Благовещенск. Да и вообще, весь городок «начинен» артиллерией.

Смутно вспомнился рассказ какого-то русского — свидетеля боев между японцами и советскими на реке Амур. Была жестокая зима, и вода замерзла. В японской армии был полк, составленный из русских эмигрантов. Их японцы послали в атаку первыми. А когда русские столкнулись со своим, стрелять не решились и... сдались. Чем закончилась эта битва — не знаю. Да и правильно ли я запомнила? По другой версии, эмигрантский полк повернул ружья и стал стрелять в японцев.

А вот что происходило в Харбине во время моего отсутствия: интересный цыган Володя распускает слухи, будто я его невеста! Без всякого повода с моей стороны, без намека... Что он забрал себе в голову? Приходит к нам без приглашения — я прячусь и убегаю. А он говорит, что скоро придет со своей матерью и что уже покупает мебель. Совсем рехнулся.

Майк, как только ему удается вырваться, приходит к нам, и мы весело проводим время. Иногда я слишком увлеченно говорила о Шанхае, делилась своей мечтой, и в такие минуты Майк становился серьезным и задумчивым. Он здесь на несколько дней, а меня опять отправляют в поездку. С трудом мне удалось, что-то придумать и остановиться работать на вокзале.

Майк заходил к нам все чаще и каждый раз приносил подарки: фрукты и пирожные. Несмотря на то, что он мне нравится, я все время «проговариваюсь» о своих планах отъезда. Возможно, мне хочется заразить его своей мечтой. Он пока работает в сельскохозяйственных предприятиях своего отца, который мечтает заработать большие деньги и обеспечить своему мальчику хорошее будущее. Но под влиянием моих разговоров, Майк тоже загорелся переехать в Шанхай. Там у него знакомые, даже есть тетя, английский он знает в совершенстве, так что уверен, что найдет работу.

Пакины уже продали свое дело и теперь распределяют мебель. Зовут меня ехать вместе, и приглашение звучит довольно искренне. Их предложение меня очень соблазняет, но в глубине души прячется сомнение. Рассказывая Майку о Пакинах, я представила их как тетю и дядю.

25-Е ОКТЯБРЯ (39)

В мое отсутствие Майк оставил записку: уезжает к отцу, «работать на земле», дня на четыре. Мне стало тяжело. Неужели я влюбилась в этого застенчивого мальчика, который моложе меня?

Все это время я усердно работала, копила деньги и шила костюм для моего первого балетного выступления.

Вдруг Майк вернулся с фермы и пришел к нам. В тот день у Оли тоже был выходной день, к ней пришел брат Витя, и мы все были дома. Оказалось, что Майк увлекся идеей переезда в Шанхай и подготовился к отъезду гораздо решительней меня. У него уже все было готово.

— Прощальный вечер надо устраивать заранее, — сказал он, — а то в последнюю минуту все будет скомкано.

Он пришел с уймой пакетов. Чего там только не было! Пирожные, печенье нескольких сортов, шоколадные конфеты, виноград, бутылка портвейна. Пили за предстоящую встречу в Шанхае, чокались. Оля просила не забыть и ее, если все у нас получится на новом месте. Моментами становилось грустно до слез.

Оля очень устала и вскоре задремала в углу дивана. Брат ее, простившись, ушел. Мы с Майком сидели рядом, обнявшись. Было тяжело, оба предчувствовали долгую разлуку. Увидев на моей шее небольшой шелковый шарфик, Майк попросил его себе на счастье и, поцеловав, осторожно спрятал на груди. Время шло, а мы все сидели. Смотрела на его длинные опущенные ресницы, на красиво очерченный рот, на пушок, пробивавшийся на подбородке, и думала:

«Как я допустила себя привязаться к нему, почти влюбиться?»

Прощаясь Майк сказал:

— Ниночка, как бы я хотел быть всегда с вами...

— До скорого, Майк, — ответила я.

Глядя на удаляющийся силуэт, думала: «Такой хороший, чистый, прямой — он не изменится».

Итак, завтра Майк уезжает в Шанхай! Как быстро у него это получилось — не то что у меня. Ночь душная, беспокойная. Не я ли подбила его на переезды, делясь своими мечтами? Обвиняю и укоряю себя, не могу заснуть.

Наутро бродила по комнате как невменяемая, все валялось из рук. Кое-как дождалась трех часов и побежала на вокзал. Поезд Майка отходил в пять часов. На улице холодно, села в трамвай, смотрела через запотевшее стекло.

На вокзале встретила Олю и других сослуживиц. Пыталась говорить с ними на отвлеченные темы, но мысль о Майке не оставляла.

Когда мы с Олей вышли на перрон, Майк уже стоял в очереди. Как странно — совсем один. Может, родители опоздали? Но время шло, а родителей все не было. Тогда я догадалась: он уезжал против их воли...

Когда мы с Олей подошли к Майку, он повернулся к нам свое печальное лицо и попросил Олю «присматривать» за мной в его отсутствие. Очередь подвигалась. Майк крепко пожал Олину руку. Подошел ко мне.

— Только не плакать.

А у самого слезы на глазах. Порывисто обнял, поцеловал, вскочил на ступеньки вагона. Поезд тронулся. Я перекрестила его несколько раз. Люди махали платками, лицо его исчезло, еще момент — и поезд скрылся.

Возвращаясь домой, двигалась как в тумане. Влезла в трамвай. Какая-то русская тетка вдруг вцепилась в мой рукав и притянула на свободное место рядом с собой: не хотела, чтобы китаец сел рядом с ней. Выехали на Соборную площадь. Глядя на купола собора, сняла перчатку с правой руки, тихо прошептала молитву и несколько раз перекрестилась. Слезы текли по щекам.

«Милостивый Боже, помоги ему благополучно доехать и устроиться на работу.»

Моя соседка посматривала на меня сочувственно и удивленно.

Вечером, дома, снова молилась и думала о Майке. Примевшись и другие мысли: как тяжело в этот момент должно быть его родителям! И если я — причина случившегося, то искренно, на коленях, прошу у них прощения.

29-Е ОКТЯБРЯ (39)

Прошло несколько грустных дней, и вдруг — открытка от Майка, из Дайрена: «Здравствуйте, дорогая Ниночка! Жив-здоров. Ужасно скучаю. Завтра на пароход в Шанхай, а пока гуляю по Дайрену и сожалею, что вы не рядом. Так много красивых мест, а в особенности — море... Надеюсь на скорое свидание. Привет Оле и вашим. Дайрен. Майк.»

Постепенно подгатавливаю своих к мысли о моем отъезде. Только Тамара не верит и говорит, что я вру и никуда не двинусь. Бог с ней.

2-Е НОЯБРЯ (39)

Начались балетные уроки, и цена за них поднялась. Мне трудно, но я твердо решила достичь цели. Наша балетмейстер, видя мои успехи, поместила меня в старшую группу. Теперь все зависит от меня, и я стараюсь, прилагаю все силы.

15-Е НОЯБРЯ (39)

Перепутала ли Анна Николаевна или забыла, что я занимаюсь недавно? Поставила меня на пуанты. Трудно, ужасно трудно танцевать. Я силюсь, стараюсь, а она, кажется, ничего не замечает — находит нормальным. Хорошо, что я дома тренировалась.

На работе вдруг сказали, что меня переводят на экспресс «Азия» и направляют в Синцзин. А у меня переменились все планы — я уже больше не мечтаю об экспрессе. И в тот же день был балетный экзамен, так что пришлось улизнуть со службы. Балетмейстер Анна Николаевна обещает вскоре выпустить меня в сольном номере. Возможно, это будет испанский танец Бибикова. Шью костюмы. Как трудно все сочетать! Для костюмов и уроков нужны деньги, для репетиций нужно время, а тут меня посылают в поездку.

Пришло письмо от Майка — уже из Шанхая!

Здравствуйте, дорогая Ниночка!

Сильнее и больше чувствую, что Вы тот человек, который должен остаться в моем сердце до конца лет, и даже в бесконечности... Я не могу вас забыть: вечером и утром молю Бога, чтобы устроил все как можно лучше для нас. Вспоминаю о

проведенном времени как о сне, знаю, что вы для меня ценнее всех на свете. На пароходе познакомился с Турениным, его женой и дочкой Сюзанной. (Это та семья, с которой позже судьба меня плотно связала.) А также с четырьмя балеринами его балетного ансамбля и музыкантом, Игорем Осиповичем, который вас знает. Погода стояла чудная, как весной, море совсем чуточку колебалось, переливалось и серебрилось. Огромная луна и масса звезд. Жаль, что не художник, все бы зарисовал. Два дня прошли, как две минуты, да и теперь время летит гораздо быстрее, чем в Харбине. Здесь все гораздо дороже — комнат нет, а о квартире нечего и думать! (Сам он, кажется, остановился у своей тети.) Через несколько дней выхожу на службу — трушу, увидим, что получится, но надеюсь на самое лучшее. Ужасно скучаю без тебя, а вчера видел тебя во сне — ужасно беспокоюсь чтобы чего-нибудь не случилось.

Скоро ли приедут твои родственники? Пусть не думают везти сыр и масло.

Ниночка, а насчет твоего приезда — не лучше ли подождать? Моя тетка никак не хочет, чтобы я работал, настаивает на моем ученьи, а я ей в ответ: «Не хочу учиться — хочу жениться». Она назвала меня дураком! Прямо одно заманчивей другого. Посмотрю, что она запоет сегодня вечером.

Дорогая, пиши как можно больше, и также — харбинские новости. Если будет возможность, пришло что-нибудь шанхайское: много красивых и недорогих вещей — глаза разбегаются. Почему-то думаю, что скоро увидимся. Привет твоей маме и сестрам. Попроси Олю поцеловать тебя за меня, думаю — проделает это блестяще. (Здесь я удивилась — откуда у него такое мнение об Оле?)

Твой верный Майк. Пока адрес — как на конверте.

4-Е НОЯБРЯ (39)

Очередная поездка началась с того, что хорошего кассира Хочжио-сан послали с другим поездом, а его заменил противный и скупой кореец Кин-сан. Он дал мне такую маленькую долю зарплатка, что на обратном пути я решила его проучить: стала наставивать, чтобы он печатал счета каждому гостю. При таком порядке «сэкономить» ничего невозможнно. Изумленный моим требованием, кассир закричал, а потом даже толкнул.

Я не сдавалась и продолжала требовать счета.

Тогда кассир не выдержал, соскочил со своего места и побежал на кухню. Оттуда он выскочил с пеной на губах, как у бешеной собаки, с огромным кухонным ножом. Налетел на меня, но не тронул. Повар и официанты вытянули шеи и испуганно наблюдали за происходящим. На этот раз и я испугалась. Страх и обида сдавили горло, слезы заволокли глаза — я убежала в туалет. Достаточно

наревевшись, я умыла лицо, привела себя в порядок и вышла работать. За это время кассир тоже «отошел», и работа продолжалась, как раньше, без счетов. Однако мой урок не прошел даром: кассир в конце пути дал мне больше обычновенного.

20-Е НОЯБРЯ (39)

Меня опять отправили на Сахолян. Интересной публики нет, почти на 80% — японцы. Жаловаться на них не могу, ко мне они относятся хорошо — с уважением. Какой-то высокий военный чин со мной разговорился, и я придумала игру — чтобы время прошло веселее. Японец расспрашивал меня, кто я такая и как живу, а я начала рассказывать ему с печальным видом, что отец мой был генералом в царской армии, что жили мы богато. Отца, дескать, убили красные, мать убежала с нами в Китай, и вот теперь я должна таким тяжелым трудом зарабатывать на жизнь, и т.д.

Я так вошла в роль, что стала сама себе верить. Да ведь и не все в моей истории было ложью. Японец слушал меня очень внимательно и серьезно, а уходя погладил по голове и оставил мне конверт с крупной купюрой. Вот уж этого я совсем не ожидала!

У нас с Олей совпал выходной день, мы собрались и пошли в Коммерческое училище, на бал, устроенный Беженским комитетом. Кавалеров, как всегда, хоть отбавляй — но опять встреча с цыганом. Какой странный человек! Не слушает никаких моих доводов: все сам надумал, все сам решает и ничем нельзя его вразумить и остановить. Ни жестом, ни намеком не дала я ему повода надеяться, а он бес tactno заявляет мне:

— Наша свадьба состоится на Рождество. Там зараз два праздника — шикарно справим! В воскресенья я приду к вам со своей мамашей, и если ты мне не веришь, так ей поверишь.

Совсем потерял голову! В воскресенье сбегу на целый день, где-то проболтаюсь — единственное спасение. Что за характер у меня? Ведь можно было просто грубо отшить, обругать и выгнать. С таким человеком надо действовать его же манером, а я — как кисейная барышня.

У Пакиных почему-то задержка с отъездом, надо узнать.

Во время выходного дня встретила знакомого пассажира поезда — транзитного немца. Он меня узнал, и мы разговорились. Он тоже изгнаник, но мне так странно видеть горе и страдание человека из Европы. Германия — такая культурная страна — и такая изуверская жестокость.

На следующее утро мне по расписанию надо было опять ехать на станцию Маньчжурия. Паровоз нервно рванул состав, заскреже-

тали и завизжали вагоны. У меня почему-то было предчувствие, что поездка будет особенной. Так и оказалось.

В поезде было много немцев и мой знакомый — среди них. Я вскоре поняла, что немцы эти делятся на две группы: одна — настоящие нацисты, другая, большая — бедные немецкие евреи, выгнанные из страны.

Мы, служащие, бегали высунув язык. Повар и «посудник» едва успевали наполнять тарелки. «Хаяси райс», «чикин кацу», «ояко домбури», «яки меси», «бута-но нику-но темпуря» — только и выкрикивали мы. Потный, красный повар бросит на тарелку котлету, хлопнет рядом поварешку риса, хлестнет по всему этому коричневым соусом — и к другой тарелке. А мы, обрызганные всем этим, с быстротой молнии, грязным кухонным полотенцем сотрем с краев тарелок брызги — и на стол, гостю под нос, и тут же, стрелой — за другим заказом.

В такой обстановке один толстый немец привязался ко мне с расспросами и разговором. А я бегаю взад-вперед. Котлета на краю, горочка риса сползает, соус течет по руке на фартук. Нет времени брать полотенце — подправляешь рукой, а потом вытираешь руку чем попало. А за спиной — смех и насмешки: группа немцев наблюдала за мной. Да ну их в болото! В такие минуты на все наплевать.

После обеда никакого перерыва не было. Гостей в буфете полно, пили пиво, кофе, чай, лимонад. Мы едва держались на ногах. Только успели переменить скатерти, как навалило народу на ужин. И опять сумасшедшая толкотня и беготня до самой ночи.

Все спальные места были заняты, и нам, служащим, отвели плацкартные. Только собралась идти спать, как меня остановил контролер-японец и сказал, что есть одно спальное место в первом классе, и провел меня туда. Вошла в купе, и тут же на меня сверху упала подушка. Я ее подняла и забросила на верхнюю полку. Поглядела наверх — а оттуда на меня смотрит тот самый, толстый немец. Моя полка оказалась напротив его!

Неужели во всем купе только мужчины?

Других я не видела, они уже спали. А этот толстяк облокотился на своей полке и завел разговор. Говорил он по-английски и мне, несмотря на усталость, захотелось попрактиковаться. Толстяк о многом меня расспрашивал, а затем добавил, что, если вернется с фронта живым, то обязательно приедет в Харбин. Я не очень понимала — с какого фронта? Но мой английский был слишком беден, чтобы расспросить подробнее.

Наконец, пожелав ему спокойной ночи, я попыталась заснуть. Было немного тревожно — а вдруг ночью раскроюсь. Я полудремала и видела, как толстяк со своей полки посыпал мне воздушные поцелуи. Потом он спустился вниз, куда-то ушел и долго не возвращался. Я больше не могла выдержать — заснула. Но вскоре проснулась, почувствовав чье-то прикосновение. Толстяк стоял около моей полки и нежно поглаживал меня по лицу. Испугавшись,

я вспылила и злобно его оттолкнула. Но это не помогло: он смотрел умоляющими глазами, объяснялся в любви и просил ждать его.

Его признания тяготили меня. Да и спать хотелось ужасно. На мое счастье пришел контролер с полицейским, проверять билеты и паспорта. Я повернулась спиной и сделала вид, что засыпаю. Вспоминала Майка, его застенчивость и тактичность. Спала плохо и совсем не отдохнула. Как я выдержу еще один рабочий день?

Немцы с раннего утра уже сидели в буфете. Некоторые принесли свои «дринки». Толстяк с другом принесли бутылки водки и виски и «мастерили» какой-то коктейль. Поезд подходил к Маньчжурии. Мы кое-как убрали ресторан и стали собираться уходить. Толстяк тут как тут, умоляет о свидании.

— Так мы же в одном и том же отеле, — буркнула я. — Там и встретимся.

Он уже порядком стал мне надоедать.

В коридоре меня остановил русский, белесый и весь в прыщах. Он служит у японцев в сыске. Другими словами — «стукач». Как я презираю таких! Шпионит за своими же. Я его уже где-то видела, но совсем не знаю. Подошел и заговорил нахально:

— Почему флиртуете с иностранцами? Понимаю — у них толстый карман! Почему мажете губы и ресницы?

Меня взорвало. Какое его собачье дело?! Смеет делать мне замечания. Против своего обыкновения, ответила ему грубо:

— Да, они иностранцы — но какая противоположность вам! На протяжении всего пути они были корректны. Кроме комплиментов, я от них ничего не слышала.

Мне хотелось ему сказать, что должность, которую он занимает, — самая унизительная и подлая, но я сдержалась. От такого подлеца можно всего ждать.

В отеле встретила группу важных японских начальников. Некоторые из них поговорили со мной очень любезно. «Стукач» был здесь же и, заметив отношение японцев ко мне, решил, видимо, больше ко мне не придираться. Слава Богу...

Позже увидела стукача с немцами. Узнала, что они — еврейские эмигранты. Столько слышала о них в Харбине. Рассказывали, какими приемами некоторые пользовались, чтобы вывезти свое богатство из Германии. Будто даже сколачивали ящики золотыми гвоздями.

Позже появился знакомый японец в компании толстяка. Японец прекрасно говорил по-английски и по-немецки. Он подвел ко мне толстяка и «познакомил». Последний почтительно поклонился и поцеловал мне руку, а потом исподтишка подмигнул и улыбнулся.

Через некоторое время японец ушел. Толстяк притянул меня на диван и, торопясь и захлебываясь, стал рассказывать мне свою историю. Оказалось, что он еврей и должен ехать куда-то воевать. За кого? куда? Я ничего не понимала. Если все закончится хорошо, он приедет в Харбин, женится на мне и увезет в Берлин.

Ха-ха — какая наивность!

Ни малейшего повода я ему не дала, а он все уже решил — прямо как мой харбинский цыган! Он мне совсем не нравится, я испытываю к нему только сострадание. Оставаться с ним было тягостно и утомительно. Я сказала, что устала и встречусь с ним часа через два-три. Но в номере растянулась на кровати и заснула крепким сном.

Вышла только к ужину. В отеле странно тихо и пусто: все немцы-евреи уже уехали. Сердилась на себя, что не попрощалась с толстяком. Взяла газету, села в кресло и делала вид, что читаю. Пришел японец-«джентльмен». Не решаясь меня побеспокоить, сел неподалеку и тихо запел что-то сентиментальное, по-английски, изредка посматривая в мою сторону. А я думала о том, что так и не расспросила толстяка и подробностях горькой судьбы еврейских беженцев. Вспомнила его слезы — стало больно и тяжело, у самой слезы навернулись на глаза. Японец, заметив это, подумал, что его пение так меня растрогало, и удвоил свои старания.

Я ушла в номер освежить лицо. Сослуживица-японка посмотрела на меня с удивлением:

- Нина-сан, что с вами?
- Да так, думаю о семье, — солгала я.

Добрая японка принесла мне стакан воды и маленькое влажное полотенце — тенугу.

К вечеру отель был забит новой группой немецких евреев, приехавших с другим поездом. Куда лежал их безнадежный путь?

На обратном пути тоже было много немцев, но уже других: не эмигрантов. Эти были другого сорта — разнозданные и нахальные. Когда давала сдачу молодому немцу, он задержал мою руку в своей. Я сердито отдернула ее, но по-настоящему злиться не стала. Надо беречь нервы.

9-Е ДЕКАБРЯ (39)

Получила письмо от Майка — правдивое и откровенное.

Добрый день, Ниночка!

От Вас (первый раз обращается ко мне на «Вы» с заглавной буквы) получил два коротеньких письма, и, конечно, вы торопились, писали перед самым отъездом? Ну что ж, спасибо и за это. И я долго не писал, и Вы, наверное, сердитесь, но все получается почему-то не так, как хотел, и виноват отчасти я сам. Нина, я извиняюсь за все предыдущие письма, я пробовал фантазировать, но ведь это так глупо, что даже сейчас я краснею за себя. За это я должен поплатиться и уже сейчас расплачуся! Я злюсь за свою скрытность, я не был без работы ни одного дня (французская полиция концессии Шанхая), но моя «специальность» осталась в Харбине: вернее на чем мог заработать, оставшись с папой еще на года два-три. Я

теперь виню себя за глупость, которую сделал. От отца не получил ни одного письма и знаю, что это значит. «Сам уехал — ну и расплачивайся.» Я ни в коем случае не собираюсь ехать назад, а то, кем я работаю сейчас, противоречит и отцу и маме. Возможно, что через год я буду на пути, о котором я мечтал с ранних лет: то есть самостоятельно зарабатывать и платить за свое учение, что будет гораздо ценнее. Теперь я стал ценить и понимать многое, возможно — поумнел. Надеюсь, что не наоборот.

Нина, напишите, любите ли вы меня хоть немного. Да или нет? Вы недоумеваете? Серьезно подумайте, ответа жду с нетерпением: да или нет?..

М.М. Шанхай.

Я прочла письмо, но, по молодости, не придала ему того значения, которого оно заслуживало. Как-то и что-то ответила, но что именно — уже забыла. Мне определенно Майк нравился, но нужно было ответить на его письмо чем-то более определенным.

(Теперь, почти полвека спустя, составляя по дневникам эту книгу, я поняла всю жестокость и необдуманность своих действий. Если Майк и его родители живы и прочтут мою книгу, я слезно прошу у них прощения.)

Утром неожиданно приходит дядя Саша. Он принес мне зеркало, но я догадалась, что главная причина — не в этом. Бедный, он так плохо одет, что вообще на улицу стесняется выйти. А здесь вдруг пришел. Как больно было слышать, когда соседка снизу сказала, что пришел «какой-то старичок!» Милый, хороший дядя — уже старичок? Я сдержала слезы и встретила его как можно ласковей. Спросила о цели прихода. Дядя очень смущался, мялся и наконец сказал:

— Мама послала меня, просит до пенсии одолжить ей 50 го-би.

Голос его дрожал, чувствовалось, как ему не по себе. Святой дядя, он отдал нам все, а теперь вынужден унижаться — и все по маминой вине. Как мне трудно ему отказать! Отдала бы все, если бы не мое трудное положение. Сколько мне стоило времени и терпения скопить на отъезд. Я ответила дяде как можно мягче и спокойнее:

— Вы сами знаете, что мама денег мне не отдаст. Я выросла на ее обманах и лжи. Это неимоверно большие деньги для меня. Я завтра приду поговорить с ней сама. А пока что лично вам — вот пять го-би.

Дядя смущенно стал отказываться и собрался уходить.

Подождите меня, я пойду с вами.

Дядя испугался.

— Да что ты, что ты... Я пойду вперед, а ты придешь потом... Нечего тебе идти рядом с бедным, потрепанным стариком!..

Сердце сдавила жалость. Хотелось заплакать, но я себя сдержала. Дорогой, любимый дядя — всем пожертвовал для нас, а сам остался нищим. Боже, помоги мне, чтобы хотя бы в последние

годы его жизни я могла помочь ему и облегчить его судьбу. И маму жалко — ведь она не сознает, что стала ненормальной и просто калечит нашу судьбу.

Придя домой, я объяснила маме, что денег в долг дать не могу, — накопленное нужно мне на отъезд. Мама в мой отъезд не очень верит, а я, наоборот, твердо решила, что теперь меня ничто не остановит. Дядя Саша мне верил и даже дал адреса двух своих друзей, живших в Шанхае.

Много думаю о Майке и сама удивляюсь: как я могла так сильно привязаться к нему? А за это время его мама уже съездила к нему в Шанхай. Вернувшись, она, в мое отсутствие, зашла к нам и принесла письмо и посыпочку от Майка. Оля передала мне, и я прыгала от радости. Какой хороший, внимательный! Так как письмо было «открытым», он писал только о доволенном. Спрашивал, холодно ли уже в Харбине. Катаются ли на коньках? Как мои танцы, бываю ли на балах? Завидует харбинцам. Сам он учится в радиошколе. Жалуется, что письма не доходят. Он послал мне четыре, в которых описывал шанхайскую жизнь, а я получила только два. Такая же история, наверняка, и с моими.

Я ему сразу же ответила, поблагодарила за письмо и фрукты. Он прислал мне четыре граната, о которых я мечтала.

Вечером отдыхала и собралась в кино. Было холодно, я стала ждать такси. На другом углу заметила мужской силуэт, с тросточкой, и узнала... Коку. Определенно, он тоже ждал такси. Только бы не попасть с ним в одну машину! Столько лет уже прошло, столько воды утекло... Надо изо всех сил постараться избежать этой ненужной встречи.

Я прошла квартал вверх по улице и решила пропустить первую машину, надеясь, что Кока уехал в ней. Остановила вторую. К моей досаде и удивлению в ней оказался Кока с какой-то девушкой. Менять было поздно, я села с другой стороны. Взяла себя в руки, достала зеркало и платок и оттерла холодный и мокрый подбородок. Когда машина остановилась, мы все вышли и пошли каждый в свою сторону, будто никогда ничего между нами не было.

Все последние дни стоял ужасный холод, а хозяйка все реже и реже топила нашу комнату — экономила. Нам с Олей надоело мерзнуть. Намеков хозяйка «не понимала». Мы решили искать другую комнату, и нам сразу же повезло.

Оля уехала в поездку, я не спеша собирала вещи, собиралась провести здесь еще одну — последнюю — ночь. Легла не раздеваясь и все равно дрожу. Вдруг стук в дверь. Хозяйка пришла, заподозрив неладное.

— Ой, как у вас холодно. Я сейчас затоплю.

И она убежала за дровами. А я, со своим глупым характером, не набралась духу, чтобы объявить ей о нашем решении.

На следующий день вернулась Оля, и хозяйка обратилась к ней заискивающе:

— А я думала, что вы сбежали, — вас все нет да нет.

Смелая и прямая Оля ей ответила:

— Вы угадали — сегодня, действительно, сбежим. Замерзать у вас не хотим.

— Да я теперь, в холода, буду каждый день топить, — пробовала оправдаться хозяйка.

— Надо было раньше об этом думать. А теперь уже поздно — мы сняли другую комнату, — твердо заявила Оля.

Я смотрела на нее с восхищением и думала: надо брать с нее пример, учиться твердости, разные люди будут встречаться мне в жизни. А хозяйке — хороший урок.

24-Е ДЕКАБРЯ (39)

Станция Пограничная, которую японцы переименовали в Пегура. Сижу в «Пегура-отель» и пишу. Приехали вчера вечером, очень поздно, было много народа, и я устала. Сейчас посыпают в разные концы, и таким образом я объехала всю Маньчжурию.

Утром пошла осматривать город. Изумлению моему не было предела: ведь я уже здесь была?! Все было так знакомо. Это дома, эти рельсы, вокзал и за ним такие знакомые дома. Мне казалось, что за одним из них должна быть скамейка. Зашла проверить, но скамейки не нашла. Обязательно спрошу маму — жили мы здесь или нет.

Город был очень в русском стиле. Обидно, что все вывески написаны иероглифами и почти все население — азиатское. Русских — человек пятьсот. Японский полицейский, проверявший мои бумаги, простодушно проговорился, что все чаще и чаще их «навещают» советские самолеты. Поднялась в гору и пошла по возвышенности. Почти весь город — на ней. Широкая центральная улица вела к церкви. Случайно встретившаяся русская женщина сказала, что прихожан в церкви становится все меньше, церковь беднеет и умирает. Постройки на небольшой улице, слева от церкви, напомнили мне нашу Харбинскую Нахаловку.

Полная новых впечатлений, вернулась в отель. Тот же полицейский вернул мне бумаги. Отель огромный, но построен в японском стиле: масса коридоров и комнат-клетушек. Стенки тонкие, слышно все, что происходит у соседей. Удивляюсь, как моя сослуживица Нисикава сразу же заснула, несмотря на то, что в соседнем номере гости развлекались с гейшами, пели и кричали.

На обратном пути в вагоне было полно немцев, но на этот раз их трудно было различить: какие — гитлеровцы, а какие — евреи-эмигранты. С нами и те, и другие были вежливы и приветливы. Одного я отличила от прочих: интересный брюнет, с изумительно красивыми синими глазами. Он весело флиртовал со мной, сделал с

меня набросок карандашом и в конце концов сознался, что эмигрант: Люций Хайцик. Сказал еще, что надеется остаться в Китае и прижиться. (Много лет спустя мы с ним опять встретились — это было в Тяньцзине, но об этом — потом.)

26-Е ДЕКАБРЯ (39)

Коммерческое училище. Почему-то Анна Николаевна репетирует «мой танец» в этом здании. Вернее, она его уже поставила: «Ницая цыганка». Теперь мы его отшлифовываем без передышки. За постановку танца она взяла 8 го-би, а я так счастлива, что заплатила бы больше. Ни о чем другом думать не могу — голова занята танцем. Только бы не струсить на сцене и не ошибиться.

Дядя с Танюшой пришли навестить меня в новой комнате. Не подослала ли их опять мама? Я ничего им не дала — знаю, что увижу на праздники и тогда побалую.

У Оли какие-то неприятности с ее милым. Мне кажется, что он женат. Мне очень жаль видеть ее в таком грустном состоянии. Она хороший, добрый друг.

Все свободные минуты бегаю по магазинам, накупаю бусы и браслеты и шью костюм. От Майка давно нет писем. Знаю, что он должен куда-то плыть на пароходе. Сейчас уезжаю в Сахолян, на праздник буду дома.

1-Е ЯНВАРЯ (40)

Поздравляю тебя, Нина Георгиевна, и всех, всех близких с Новым 1940 годом!

Принесет ли этот год мне счастье? У японцев число «четыре» — несчастное число, связано со смертью. Все японцы его избегают. Будем надеяться, что это относится только к ним.

Мой «костюм нищей цыганки» получился очень нарядным. Главное же — волнения. Еще раз репетировали с Анной Николаевной на сцене, а потом перешли в ресторан. Здесь я зацепилась за стол, потеряла ориентировку, а музыка продолжает играть. Анне Николаевне надоело со мной возиться.

— Продолжай репетировать сама. Но не забудь — твой номер без четверти два. Не опоздай.

И ушла с другими балеринами.

Я как сумасшедшая прикатила домой, схватила костюм и ринулась к Тамаре — у нее есть швейная машина. Накроила столько воланов, что одна никогда не успела бы их нашить. У сестры все принялись за работу — и мама, и даже Тамара! Я строчила на машине, сломала две иголки, побежала и купила — три. Хорошо если несчастное число четыре не принесет мне других бед, кроме сломанных иголок.

Когда все было закончено, я надела костюм, чтобы всем показаться. Дядя уже спал — пришлось разбудить. Очень хотелось покрасоваться и перед ним и поздравить с Новым годом. Все нашли костюм прекрасным. Я схватила его, завернула в простыню, накинула шубу и выбежала на улицу искать такси.

Повезло — нашла сразу. По дороге репетировала танец в уме. В собрание опоздала на четверть часа. Анны Николаевны нет — уехала с танцовщицами в другое место.

«Все пропало, все пропало», — думала я.

Откуда-то взялся устроитель и спросил, буду ли я танцевать.

— Конечно, конечно, с удовольствием! — почти выкрикнула я.

— Ну, тогда через десять минут. Поспеши — в зале ресторана будут ждать.

Я быстро переоделась. Как давно я ждала этого момента! Не сдамся, не сдамся ни за что! Непоколебимая решимость обуяла меня — я была готова.

— Какой вам надо свет? — услышала я рядом.

«Какой свет? Почему?» — удивилась я. Но опомнилась и сказала:

— Обычный, но не очень сильный. Чтобы не видно было мелких дефектов.

— Теперь ждите звонка и по нему, с музыкой, выходите.

Мужчина удалился. Я осталась одна в страхе и настороженности.

Звонок, музыка, свет!..

Как по команде я овладела собой и уверенно, высоко подняв голову, вышла

Я танцевала, улыбалась и на столы не натыкалась. Только мои «батманы» были не такими высокими, да и перегибалась я осторожнее. Знаю, что все идет складно, в такт музыке. Только в глазах темно — никого не вижу. В финале, мелкими шажками, расставив руки с бубном, попятилась назад к выходу — только тогда заметила, что публика стояла и у стен тоже.

Я поклонилась. Оглушительный всплеск аплодисментов, выкрики:

— Бис!.. Браво!.. Бис!..

Казалось, что вот-вот потеряю сознание. Такого счастья еще никогда не переживала. Господи, Тебе за все моя неизречимая благодарность!

Вернулись артисты с других выступлений. Анна Николаевна, услышав о моем успехе, потянула меня в другой зал. По дороге меня остановила «маска» с кавалером. Девушка стала меня поздравлять и хвалить:

— Мой кавалер просто в вас влюбился, — откровенно и без всякой зависти сказала она.

Я ее поблагодарила, а на самом деле мне хотелось ее зацеповать.

Во втором зале за столиками тоже сидела публика, многие уже накачались. Один толстяк резко повернулся, чтобы разглядеть вошедших артистов. Стул под ним «крякнул» и сломался, толстяк полетел под стол, ухватившись за край скатерти. Все, что было на столе, с дребезгом полетело на пол, залило и испачкало паркет. Перед моим номером пришлось все убирать и мыть!

Анна Николаевна стояла рядом со мной. Мне показалось, что она волновалась больше меня.

Заиграла музыка. В этот раз я вышла танцевать гораздо уверенней. Мне хотелось показать Анне Николаевне, на что я способна. Я двигалась уверенно и резко, так что официант с подносом даже отскочил в сторону в испуге.

Опять огромный успех.

Мы с Анной Николаевной шли через зал, и аплодисменты не стихали. Анна Николаевна горячо меня поздравила, сознавшись, что такого быстрого успеха не ожидала. Сама я была на седьмом небе.

Анна Николаевна ушла, а меня обступили кавалеры, приглашали поехать в другие места. Я от всего отказалась. Так хотелось на некоторое время остаться одной, насладиться воспоминанием об успехе, а потом поделиться с семьей.

Но было уже поздно, и к родителям я идти не решилась. Похващаюсь в другой раз.

Рождество будет седьмого января, а до этого я обязательно должна ехать на станцию Маньчжурия. Потом надо будет что-то придумать, чтобы остаться на праздники в Харбине. Я уже так много врала и «закручивала», что не хватает фантазии придумать что-то новое. Да и все равно не поверят — я слишком часто стала пренебрегать работой.

4-Е ЯНВАРЯ (40)

Возвращаюсь из Маньчжурии. В поезде было удушливо, полно копоти и дыма — я выгляжу негритянкой. Публики в этот момент в ресторане не было. Решила воспользоваться горячей водой, вымыться хотя бы по частям. Шаркала себя там и тут, особенно скоблила шею.

Возвращаюсь в Харбин в приличном виде. Как полагается, поезд всегда встречает конторский, на этот раз — симпатичный Синоцкасан. Он обратил внимание на мою карминовую пятнистую шею, испугался и приказал обязательно сходить к доктору. Ха-ха — как нельзя лучше! Сам придумал мне отговорку от работы на дни праздников.

Хотела сходить на Заутреню, но накопилось столько работы по дому, что провозилась до трех часов утра. Прилегла отдохнуть и заснула до восьми. Из поездки вернулась Оля, быстро выкупалась, приоделась и была готова встречать визитеров вместе со мной.

Первым пришел старик — хозяин квартиры, и привел с собой сына. Поначалу он не хотел сдавать нам комнату, а потом мы подружились. Посидели они не долго и пригласили нас вечером прийти к ним. Угощений было вволю, хватило и на всех других гостей.

Передохнув, мы вечером отправились к хозяину квартиры. Они, всей семьей, приняли нас очень радостно. У хозяина четыре месяца тому назад умерла жена, мы с Олей этого не забывали и старались вести себя с ним предупредительно. Семья старика теперь состояла из сыны, дочери Нади и внучки Гали.

За столом началось настоящее пиршество. Хозяин попытался угостить нас водкой, но от нее мы с Олей отказались, а вот красному вину отдали должное. Настроение поднималось. Кто-то затянул песню, остальные подхватили. Получился неплохой хор. Пели все подряд: «По Дону гуляет казак молодой», «Чудный месяц пливет над рекою», «Догорай моя лучина», «Сухой бы я корочкой питалась», «Долюшка, долюшка», «Колодника звонкие цепи», «Ты сидишь у камина и смотришь с тоской», «То не ветер ветку клонит» и т.д. Даже перечислить названия этих песен мне доставило огромное удовольствие. Возможно, настанет такое время, когда наши потомки забудут эти песни. А жаль.

Сын собрался и ушел продолжать праздничные визиты. Старик ушел подложить поленьев в печь и повесил над ней сушиться свои кальсоны, а сам прилег в своей комнате и заснул. Мы с Ольгой тоже прикорнули на диване. Вдруг я почувствовала сильный запах гари.

— Пойдем, Оля, посмотрим — не намудрил ли хозяин чего с печкой.

Мы встали и пошли. В столовой Надя с Галей за столом играли в домино. Мы вошли в ту комнату, где стояла печка. Она накалилась до красна, а повешенные над ней дедовы кальсоны — пылали!

Оля схватила горящие кальсоны и попыталась выбросить их на веранду. Но пламя обожгло ей руки, и она выпустила их. От боли скорчилась и оперлась на стоявший там столик. Столик перевернулся, с негосыпались сахар и сдобные булочки. Огонь перебролся на соседние вещи, стал лизать рассыпанное на полу.

— Воды! воды! — кричала Оля.

Я суетилась, не зная, где найти воду. Надя в панике давала советы, а испуганная Галя путалась в ногах. Наконец, на кухне я нашла ведро, набрала воды и плеснула на «пожар». Оля последовала моему примеру, а потом и Надя нашла пустую кастрюлю и тоже присоединилась.

Огонь заглох, остатки обгорелых вещей дымились. Вода заливалась всю комнату, растворив в сироп сахар, размочив сдобные булочки. Только сейчас, постепенно, мы стали приходить в себя. Оля и я облегченно вздохнули, Надя пошла за шваброй. Но подтирая пол, она начала бурчать:

— Хорошо попили, покушали, а булочки с сахаром пропали. И у столика прогорела боковая стенка и ножка сломана.

Мы сделали вид, что не понимаем, на кого она сердится, поблагодарили ее за прием и пошли к себе. А дед так и продолжал спать в соседней комнате: сидя в неудобной позе на стуле, положив голову на постель.

Утром пришел с визитом Олин «милый». Счастливая Оля что-то ему рассказывала, а я старалась хорошенко его рассмотреть. Ничего исключительного в нем не нашла, решила, что он ее не стоит. И при этом еще мучает и заставляет часто плакать. В чем тут секрет? Олю мне бесконечно жаль.

Позже пришли и другие визитеры, но долго не задержались. Олин «милый» остался один. Я хотела сделать ей приятное и оставить их наедине. Оделась потеплее и вышла с последним визитером, Димой. Я с ним заговорила о пустяках, но он меня не слушал, а серьезно и внимательно посмотрел и спросил:

— Этот, который остался, — он из «Русского отдела». Какое отношение он имеет к вам?

— Никакого специального, — соврала я. — Просто кто-то познакомил. Мы и сами его хорошо не знаем.

Дима только промычал в ответ, но никаких подробностей не сообщил. Я медленно возвращалась домой и думала: «Кто же на самом деле этот человек?». Выглядит как значительное лицо. Но есть ли тут какая-то тайна? Не опасно ли с ним иметь дело?

Но по возвращении увидела, какое хорошее настроение у подружки, и снова решила удалиться хотя бы на кухню, чтобы им не мешать. Вскоре Оля пришла за мной:

— Он уходит и хочет с тобой проститься. Мы с ним договорились...

«Договорились»? О чём? Но расспрашивать не решилась. Захочет — сама расскажет.

15-Е ЯНВАРЯ (40)

Это Рождество оказалось заполнено всякими событиями — и хорошими, и плохими. А одно обернулось почти трагедией.

Возвращаясь из поездки на станцию Маньчжурия, я на вокзале встретилась со своей сослуживицей Ямо-мори, которая показалась мне болезненно раздутой. Я вспомнила, что где-то читала, что от риса у японцев появляется болезненное опухание. Если опухоль дойдет до сердца — конец.

Мне стало жалко японку, я стала ее расспрашивать. Она сказала, что чувствует себя плохо, но не доверяют японским докторам, и стала просить меня отвести ее к русскому. Она так нервничала, что мне стало ее еще больше жалко и я обещала найти ей русского врача.

На другой же день я повела Ямо-мори к женщине-врачу, которой я предварительно рассказала свою версию болезни. Осмотр длился недолго. Ямо-мори вышла красная от стыда, а врач мне сказала:

— Что за глупую историю с рисом вы мне придумали? Она уже на седьмом месяце беременности.

Ямо-мори поняла наш разговор, бухнулась передо мной на колени и, рыдая, просила меня уговорить врача сделать ей аборт.

— У меня родители такие строгие!.. не поймут... убьют, — рыдала она.

Женщина-врач сказала:

— Нет, я категорически отказываюсь. Ведь ребенок уже вполне сформировавшийся, живой человек. На такое преступление я не пойду. Пусть обращается к другим.

И я начала таскаться вместе с японкой по врачам и клиникам, проклиная свой характер и сочувствие к «рисовой болезни».

День холодный, снег до колен. Мокрые и дрожащие продолжаем путь. Я стараюсь вразумить Ямо-мори, уговорить ее признаться родителям. Но она впала в настоящую истерику и выкрикнула:

— Я лучше покончу с собой!

Пришлось продолжать. Пришли в какую-то клинику неподалеку от собора. Наконец нами занялся какой-то доктор — русский еврей. Он сказал, что это будет нарушением принципов гуманизма, что придется делать кесарево сечение. Японка — в истерике, я — в отчаянии. В конце концов, за какую-то баснословную сумму доктор согласился. Операцию назначили на послезавтра.

Через день мы все встретились в больнице. Ямо-мори пришла вместе с «виновником»: высокий интересный японец, солдат, лет двадцати. Пришел доктор, записал мой адрес и попросил перевести, что у японки сердце не крепкое и она рискует. Последняя безоговорочно на все согласилась и всё подписала.

Разрешили навестить только на третий день после операции. Я пошла вместе с Олей. Сиделка нам сообщила, что операция прошла благополучно, но с возмущением добавила:

— Вы только подумайте! За день до операции к японке пришел ее хахаль и они переспали. Какое нахальство!

Я тоже была возмущена подобной бесчувственностью.

Пришел доктор и повел нас смотреть... ребенка! В какой-то кладовке, из-под широкой скамейки, вынули тазик с совсем настоящим ребенком — только мертвым. Хорошенький, с черными волосиками — лежал, свернувшись в клубочек. Как я проклинала себя в тот момент, что помогла убить его! Боже, простишь ли Ты мне когда-нибудь такой грех?

Госпиталю не разрешено сжигать трупы или хоронить, поэтому доктор просил меня перевести Ямо-мори, чтобы она как можно скорее забрало тельце ребенка из больницы. Японка с хахалем растерялись и не знали, что делать.

— Сознайтесь, наконец, родителям и погребите на кладбище!

Нет, это — ни в коем случае. Тогда мы с Олей решили похоронить ребенка на русском кладбище. Доктор дал нам бумагу.

— А у нас не будет неприятностей из-за этой бумаги?

— Нет-нет, это официально оформлено, — успокоил нас доктор.

На следующий день мне надо было ехать в Маньчжурию, и Оля осталась одна «расхлебывать кашу». С бумагой она пошла в участок, где сразу же стали расспрашивать: почему японка в русской больнице, почему русская за нее хлопочет? И заставили ее получить удостоверение у японского врача. Бедная Оля совсем растерялась. Но тут обстоятельства пришли ей на помощь.

Оказывается, родители Ямо-мори проживали на какой-то станции, неподалеку от Харбина. От своей дочери они регулярно получали известия, знали, в какие рейсы она ездит на поезде вместе с вагоном-рестораном. И тут произошло крушение поезда, с жертвами, и все японские газеты сообщали об этом. По подсчетам родителей, дочь их должна была находиться на этом поезде. Писем нет, на телефонные звонки дочь не отвечает — и родители сами приехали в Харбин.

Здесь все и открылось. Родители нашли дочь в больнице, хахаль сознался, родители занялись похоронами. Тяжесть скатилась с

олиных плеч. Никто Ямо-мори не убил, только уволили с работы. Теперь она уедет к брату, на Сахалин. Нас с Олей она отблагодарила, дав каждой по три го-би. Расцедрилась! Правда, должна была истратить все свои деньги на больницу. Оля, кажется, на эти деньги купила себе колечко, а я никак не могла истратить на себя. Раздала нищим, а на остальное поставила свечи в церкви.

По дороге в Маньчжурию у нас с поезда упал китаец, которому отрезало ноги. Как странно, что случай с китайцем сразу же забылся, а вот смерть ребеночка не выходит из головы.

26-Е ЯНВАРЯ (40)

Получила короткое письмо от Майка, с рождественской открыткой. Адресовано на мой старый адрес. Неужели не получил ни одного моего письма с новым адресом? Странное письмо — почему-то все время за что-то извиняется. В конце такая фраза: «Поспешишь — людей насмешишь». Что он хотел этим сказать? Возможно, раскаивается, что зашел слишком далеко со своими проектами свадьбы? Глупенький, я ни к чему его не обязывала. Наоборот, отговаривалась шутками. Говорила: мой принцип — не иметь мужа моложе себя. Да, по правде сказать, о замужестве и не думала — сначала хочу пожить. Майк хороший серьезный молодой человек, и глупо из-за каких-то принципов терять друга.

Была на «Татьянинском балу». Как странно — замечаю, что танцы с партнерами меня больше не интересуют. Старею. Единственное, что доставляет удовольствие, — это постановки, где выступают танцовщицы из моей школы.

27-Е ЯНВАРЯ (40)

Мой день Ангела. Я в поезде — еду в Сахолян. В буфете несколько немцев ведут переговоры с группой японцев — делают какой-то «бизнес» на соевых бобах. Я не вмешиваюсь в их разговор, хотя время от времени мы перекидываемся с немцами несколькими словами на английском. Один, в очках, очень вежливо со мной разговаривает и, кажется, даже не замечает моего грязного фартука.

Вечером он опять пришел. С ним был японец, уже пьяный, но, видимо, нужный человек, от которого зависела сделка. Вместе они заняли столик и заказали пиво. Казалось, японец больше пил, чем обсуждал дело. Уже совсем напившись, он вдруг поймал меня за руку, когда я проходила мимо, подтянул к столу, поднес стакан пива ко рту и приказал:

— Номиносай! (Пей)

Я вспыхнула и ответила, оттолкнув стакан:

— Ватаси-ва тзен-тзен, о саке номанай. (Я никогда не пью спиртного.)

Японец грубо захочтал и попытался повторить свой жест.

— Сонно ирай што, хацкасику аримасен? (Такой важный человек — и вам не стыдно?)

Эта фраза немного охладила японца, и он притих. Но что меня поразило и возмутило — «воспитанный» немец и рта не раскрыл, не попытался меня защитить, только глупо улыбался и кивал. Я повернулась к нему и сказала по-английски:

— Не знаю, что вы обо мне думаете, но знайте, что я не привыкла к такому обращению.

10-Е ФЕВРАЛЯ (40)

Какая чародейская сила — танцы! С ними я забываю все обиды и неприятности, с ними я выздоравливаю и радуюсь жизни. Отдаю все силы и время тому, чтобы совершенствоваться в них. Вкус есть, фантазия тоже — только бы послал Бог физические силы.

Оля вернулась из Маньчжурии и рассказала, что в нашем отеле появилось привидение. Что не она одна его видела, а все японки.

В ту ночь Оля спала в комнате с двумя сослуживицами. Вдруг почувствовала, что кто-то стягивает с нее футон (стеганое ватное одеяло). Приоткрыла глаза и при слабом свете уличного фонаря разглядела молодого интересного японца, сидящего на корточках в ее ногах. Японки крепко спали.

— Если бы я была художницей, — возбужденно рассказывала мне Оля, — я легко могла бы его зарисовать — так он мне запомнился. Он походил или на сумасшедшего, или на сатану с блестящими зелеными глазами. Смотрел на меня в упор, и губы его саркастически улыбались. Ужаса я не испытывала — то ли сильно устала, то ли его взгляд действовал на меня гипнотизирующее. Мне так хотелось спать, что я закрыла глаза. Но неугомонное «привидение» стало пристраиваться рядом, а потом попыталось лечь на меня. Я начала бороться. Сила у него неимоверная, и я подумала, что с дьяволом можно бороться только крестом. Сложила пальцы, перекрестилась, а потом начала крестить и его. Он старался поймать мою руку и остановить, но силы его покидали. Я продолжала крестить, и постепенно привидение исчезло. Удивляюсь, как японки ничего не слышали.

Я поверила Оле на сто процентов. Говорят, что с японками случалось то же самое, но они не рассказывают, чтобы не потерять лица.

Когда пришла моя очередь ехать на станцию Маньчжурия, я просто дрожала, вспоминая Олин рассказ. Вообще я большая трясища и суеверная. Мы улеглись спать вместе с тремя японками. Тот ли это номер, где спала Оля? Мне страшно захотелось пить, и я, в темноте, спустилась на кухню. Пока шаркала по стене в поисках выключателя, разбудила собаку сторожа, которая на меня налетела. В испуге я побежала обратно и разбудила японок.

— Что случилось, Нина-сан? — испуганно обратились они ко мне.

Мне захотелось подшутить, и, сделав испуганное лицо, я прошептала:

— О баке, о баке... (Привидение, привидение.)

Японки переполошились, долго шептались, не могли заснуть, а с ними — и я.

Вдруг в полночь — душераздирающий крик Нисикавы. Мы повскакали, а я зажгла свет. Нисикава-сан дрожала и испуганно повторяла:

— Рука, рука...

Кое-как она нам объяснила, что «привидение» хотело ее задушить! Я почувствовала угрызения совести. Своей глупой шуткой устроила такой переполох. Я решила их успокоить и громко созналась:

— Про привидение я все выдумала. Успокойтесь и спите.

Японки постепенно успокоились и заснули. Но все же в эту ночь мне несколько раз казалось, что кто-то стягивает с меня одеяло.

Через несколько дней меня снова послали в Маньчжурию. На этот раз я решила подготовиться как следует: пошла к нашему хозяину, глубоко верующему старику, и попросила у него флакончик святой воды. Аккуратно завернув пузырек, бережно повезла его с собой, и на душе у меня было спокойнее.

Вечером мы сидели в своем номере в отеле, жевали вкусное печенье с сахарной прослойкой, привезенное из Харбина, ждали своей очереди в о-фуро (ванна). У японок не хватило терпения ждать, и они легли не помывшись. Я одна дождалась и пошла выкупалась.

Когда я вернулась, японки уже крепко спали, при свете единственной слабой лампочки в углу. Стараясь не шуметь, я усердно помолилась и обрызгала все углы святой водой, стараясь не попадать на японок. Надела пижаму, накрутила волосы на бигуди и совсем уже собралась спать, как вдруг увидела маленькую серую мышку, вылезшую из-под столика.

Я притихла и не двигалась.

Мышка прыжком направилась к изголовью татами, на котором спала Ханада. Там оставался незакрытый пакетик с печеньем. Я попробовала спугнуть мышку, но та не испугалась — видимо, привыкла к людям. Тогда я поднялась и стала за ней бегать, прыгая через спящих японок. Но мышка упрямо хотела добраться до угощения и крутилась около. Я вовсе не хотела ей повредить — только загнать обратно в дырку в стене. Наконец, мне это удалось и я плотно заткнула дырку носовым платком.

Я была довольна своей победой и тем, что не разбудила японок. Но постояла минуту над мышиной норкой и стала думать: «Бедная, она так и останется голодной всю ночь». Решила принести ей несколько кусочков печенья и затолкать в дырочку. Тихонечко

пошла к изголовью Ханады, где лежал пакетик. Со всей возможной осторожностью подняла пакетик, но он внезапно открылся, и всё печенье посыпалось на лицо Ханаде.

Она вскочила, отмахиваясь, и дико закричала:

— О баке, о баке!..

Две другие последовали ее примеру. Крики и переполох, а мне смешно. Японки стали сердиться. Я извинилась и рассказала историю с мышкой. В доказательство взяла несколько обломков печенья и затолкнула в норку, затем опять заткнула платком и задвинула тяжелой пепельницей. Тогда японки мне поверили, потушили свет и улеглись спать.

Теперь надо серьезно заняться паспортом. До сего времени я была вписана в родительский, а теперь я самостоятельная, и деньги на паспорт отложены. Солнечным выходным днем взяла родительский паспорт и пошла в бюро. За столом сидел китаец в полувоенной форме, хорошо говоривший по-русски. Он вежливо меня встретил, усадил напротив себя и занялся моими бумагами. Так как я уже взрослая — никаких проблем. Закончил, пошел в соседнюю комнату и быстро вернулся обратно и торжественно вручил мне мой первый личный паспорт, со свежими печатями.

Я радостно поблагодарила китайца, заплатила за паспорт и даже подарила ему три вкусных конфетки, принесенных из поездного буфета. Села передохнуть на скамейку около окна и принялась рассматривать мое новое сокровище. Взгляд остановился на забавно переписанных цифрах даты моего рождения: 1914. Китаец переписал их «в китайском стиле». Четверка у него получилась похожей на букву «Ч» с очень короткой левой палочкой. Я хотела вернуться и объяснить китайцу его ошибку, но потом призадумалась. Меня осенила гениальная идея: что если я пририсую наверху горизонтальную перекладину? Получится «семерка» и я «помолодею» на три года. Дома я так и сделала: нашла подходящее перо и исправила. Никто впоследствии не заметил моей подделки, до тех пор пока я сама не созналась в обмане.

Теперь надо хлопотать о визе. Это гораздо сложнее: надо обязательно иметь людей в Шанхае, которые приглашают тебя и ручаются. Пакины уже уехали, но от них ни слуху, ни духу. Бояться со мной связываться, брать на себя такую обузу? Подожду еще немного.

После долгого перерыва пришло письмо от Майка — сдержанное, боязливое. На него я сразу же ответила.

Здравствуйте, дорогой Майк!

Получила ваше письмо, которому была очень рада. Ваши последние письма не похожи на первые, видно, что вас что-то тяготит, возможно, что жизнь Шанхая открылась вам всеми своими сложными гранями, и теперь вы знаете, что жизнь не такая легкая, какой казалась в начале. Майк, я не хочу быть

обузой и еще больше осложнять положение. Ни в коем случае я вас не обременю. Единственное что меня пугает — приехать в «Вавилон» наивной девушкой, не зная никого, и потеряться. Единственная просьба к вам — встретить меня и отвезти к тете, клянусь, что после этого я оставлю вас в покое. Страшно оказаться одной, без знания языка я и дорогу не найду. Приеду, возможно, в первых числах мая. От тети еще ничего нет, но, если не трудно, найдите ее адрес. Слышала, что в Шанхае адресного стола не существует, но все же не теряю надежды на днях получить письмо от Пакиних, и тогда пошлю вам телеграмму. На всякий случай их имена: Евгения Георгиевна и Иван Алексеевич Пакины.

Похвально, что вы самостоятельно пробиваетесь в жизни. Я так надеюсь как можно скорее уехать отсюда, тогда наговоримся в Шанхае. Еще раз напоминаю вам: обузой ни в коем случае не буду — будете совершенно свободным и только останетесь моим хорошим другом. Все та же Нина.

Всё свободное время трачу на постановку танцевальных номеров и репетиции. Тамара Б. одолжила мне свою винтажную, чтобы я могла практиковаться дома. Ночами сплю плохо — все думаю. Мне хватит денег на билет в третьем классе, на первые дни в Шанхае — а потом как?

Во время репетиции пришла одна из учениц Анны Николаевны — балерина из ансамбля Туренина, только что приехавшая из Шанхая. Принесла с собой массу фотографий ансамбля, которые мы с жадностью рассматривали. Зачем она решилась вернуться обратно в Харбин, я не решилась спросить.

Этой ночью я слышала, как Олеся тихо плакала. Бедная, она здорово влюблена и никак не может разрешить проблемы своих отношений с «милым». Кажется, у него уже другой роман.

12-Е МАРТА (40)

Ставлю боярский танец. Надо обязательно иметь несколько номеров для начала. Тренируюсь непрерывно и удивляюсь собственной энергии — ведь на работе я так устаю. Анна Николаевна тормозит мои сольные выступления, объясняя это тем, что мне слишком рано выступать самостоятельно. А я тороплюсь, тороплюсь. Вот и музыкальные обработки пианист Бабиков уже закончил для меня, и с костюмами дело движется.

Посреди всей этой суматохи опять возник Володя-цыган. Ну что будешь делать с таким человеком? Забрал себе в голову, теперь все сам решает, командует.

— В воскресенью приду к вам со своим отцом — просить твоей руки!

Ничего не хочет слушать, ничего не понимает. Единственное спасенье — сбежать в кино.

С визой все та же канитель — нету вызова из Шанхая. Только бы мне сразу по приезде устроиться на работу, чтобы ни в ком не нуждаться.

ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ

С Тамарой Варшавской пошли в собор. Вечер холодный, ветреный, а в церкви тепло, уютно, молитвенной радостью и светом наполнен воздух. Благоговейное чувство проникает в душу, приближает к Господу. С необъяснимым трепетом и слезами радости хочется благодарить Его и просить помочь на будущее.

Купили картонные фонарики-воронки, возвращаемся домой. Дошла до нашей с Олей квартиры, но не остановилась. Не хотелось здесь коптить крестики. Прошла мимо и с чувством радости направилась к нашим — в семью. Забылись все драмы, горести и обиды — так приятно быть с родными в эту святую ночь. Накоптила крестики на всех перекладинах дверей и зажгла у них лампадку тем же огоньком.

Вернулась Танюша — они всей школой молились в монастыре. Вечер спокойный, никаких споров и перебранок, семья вместе, все живы. В нужде и бедности — но все вместе... И как я их покину?..

28-Е АПРЕЛЯ, ПАСХА ХРИСТОВА (40)

Праздника неправляю, никому никаких подарков — берегу каждую копеечку. Столько дел, что вот уже третий день на работу не выхожу. В субботу, с Татьянкой, исповедались и причастились в церкви на старом кладбище. А к Заутрене с ней же пошли в собор. Народу было столько, что пробиться внутрь никакой возможности. Стояли на улице и сильно продрогли. Откуда-то набралось много японцев и все — с аппаратами. Кто-то даже заснял службу кинокамерой. И мы с Танюшой попали на пленку.

Оля была в поездке и вот как раз к первому дню Пасхи вернулась. Зная, что я деньги экономлю и праздника неправляю, она привезла с собой много вкусных вещей. Настоящий, хороший друг. Накрыли стол. Я чувствовала, что Олеся надеялась на то, что придет ее «милый» — Иван Петрович. Но и моих знакомых визитеров она потчивала широко и сердечно.

Сейчас пишу за кулисами, в театре «Модерн». Пока идет картина, а в антрактах — наши выступления. Я даю два сольных номера. Уже третий раз, и уже третий раз приходит Танюша меня смотреть. Мне это льстит, но вижу, как она бедная устала. После

своего танцевального номера дала ей деньги на автобус и отправила домой.

Получила письмо от Майка: «Ужасно скучаю без тебя. Вчера видел во сне и беспокоюсь, чтобы чего-нибудь не случилось» и т.д. Несмотря на такие признания, чувствуя, что он боится моего приезда и связанной с этим ответственности. Ответила ему и еще раз заверила, что ему нечего бояться: только бы встретил в порту и отвез к Пакиным.

Продолжаю работать, но все более и более работой пренебрегаю. А деньги собираю по крохам, где и как могу. Даже пошла на пакость: заняла у симпатичного повара-японца 20 го-би, зная, что этих денег ему не верну. Совесть не мучает — они разбогатели в Маньчжурии, ограбив китайцев и отчасти — русских.

Наконец-то письмо от Пакиных! Пишут о себе, о шанхайской жизни — и ни слова о вызове. Что же мне делать? Это ведь самое главное. Впрочем, понимаю, что и они боятся моего приезда, боятся лишней обузы.

Но адрес на конверте есть — а это самое главное. Я пошла на хитрость: написала сама письмо от имени Пакиных, но с вызовом. Это письмо вложила в конверт от Пакиных и пошла хлопотать о визе. Мне поверили, и дело сдвинулось с мертвой точки. Визу я получила на следующий же день!

Но теперь снова накатил страх и убийственная грусть: оставляю семью! Причем не могу оставить им ни копейки — самой едва хватит на билет третьим классом.

Сшила мешок из рогожки и стала в него заталкивать самое ценное. В первую очередь — несколько десятков тетрадок с моим дневником. Затем — оркестровки и танцевальные костюмы. Службу оставила, не предупредив, созналась одной Оле. Два последних дня провела со своими: печальные разговоры, с советами и наставлениями и все время — с привкусом соленых слез.

Мама напекла мне гору пирожков и котлет, колбасу и печенье, уложила все в отдельную сумку. Дядя Саша, провозившись несколько минут в своей комнате, вынес и протянул мне замшевый мешочек горчичного цвета — портмоне с поясом, и посоветовал положить туда самые важные бумаги и деньги и застегнуть под одеждой. Затем вручил самую дорогую свою реликвию — иконку Сергея Родонежского, врученную ему семьей, как благословление, когда он уезжал. Дядя прочел молитву, благословил меня иконкой, обнял, поцеловал и, еле сдерживая слезы, сказал:

— Эта иконка будет твоим ангелом-хранителем в новой жизни. Да сохранит тебя Господь на всем твоем рискованном пути.

Дядя не выдержал и ушел в свою комнату. Сердечный, добрый дядя, отдал мне свое самое дорогое, не думая о своей родной дочери, которая остается вместе с ним.

Да, завтра утром я покидаю семью. Мама, Тамара, Танюша вызвались проводить. Дядя извинился — он очень слаб, а главное, ему не в чем выйти на улицу.

Утром все собирались вовремя. По русскому обычаю, все расселились на стульях в одной комнате. Сначала молитва, а затем несколько минут молчания — каждый со своими мыслями и думами.

Прощание с дядей, слезы. Я окинула квартиру взглядом — неужели в последний раз? Неужели и дядю вижу в последний раз?

На вокзале я все время оглядывалась — боялась наткнуться на сослуживцев. После долгих объятий, поцелуев и слез, я вошла в вагон, нашла свое место и выглянула в окно. Вся семья, перед окном на перроне. Грустные, с глазами полными слез, стоят они сплошной группой. Вглядываюсь по отдельности в каждое лицо, стараюсь запечатлеть, запомнить. Неужели всех вас вижу в последний раз? Нет, нет, еще увидимся, я вам помогу...

Мама крестит воздух в мою сторону, мелкими крестиками, как в детстве. Время. Свистки, толчок, поезд тронулся. Долго стояла я у окна, вглядываясь в уменьшающиеся силуэты. Наконец они исчезли. Не чувствуя тяжести своего тела, опустилась на сиденье, как ватная. В глазах еще вся семья: милая мама, дорогая и любимая, все плохое забыто, и только нежность и тоска. Тамара — сколько всего связано с тобой! Росли вместе, пережили вместе столько опасных моментов, болезни. Ах, начать бы сначала всю жизнь с тобой, сестренка! Танюша, моя миленькая, маленькая, хрупкая сестричка. Спаси тебя Бог, ведь твоя жизнь только начинается. Сколько раз по выражению твоего лица замечала я преданное восхищение, будто я была для тебя и примером, и покровительницей... А теперь я тебя покидаю.

Пассажиры вокруг смотрели на меня с любопытством. А я не замечала, что краска текла по моим щекам вперемешку со слезами. Паровоз набирает скорость, уже промелькнули последние постройки. Прощай, Харбин, и тебя увижу ли я когда-нибудь?

Итак, я еду в Шанхай. Сбылась моя заветная мечта. Но я не чувствую никакой радости.

Продолжение в третьей книге

Первую книгу воспоминаний
НИНЫ МОКРИНСКОЙ
можно заказать, написав по адресу:

Mme André Fouchier
Résidence du Rond-Point Bat. A
38, ave. Daniel Hedde
17200 Royan
FRANCE